Д31
П261
П-261
D31
П261
736
ИМПЕР. ПЕТРОГР. УНИВЕР.
842
КАБ. ГОСУД. НАУКЪ.

...зданіе А. А. Муханова и В. Д. Набокова.

ПЕРВАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА.

Выпускъ третій.

АГРАРНАЯ РЕФОРМА И ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ДѢЛО.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ:

Кн. Петра Долгорукова, А. А. Кауфмана, В. Е. Якушкина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза", Б. Подъяч., № 39.
1907.

МАЙ 2008

Содержаніе №№ 1—8

„ВѢСТНИКА НАРОДНОЙ СВОБОДЫ“,

вышедшихъ въ январѣ и февралѣ 1907 года.

СОДЕРЖАНІЕ № 1: 1) Минувшіе дни. **В. Д. Набокова.** 2) Мѣстные земельные органы. **Князя Петра Дм. Долгорукова.** 3) Совѣщаніе по аграрному вопросу. **А. А. Кауфмана.** 4) Церковный вопросъ въ конституціонно-демократической партіи. **Князя Павла Дм. Долгорукова.** 5) Лѣвые тактики. **М. М. Могилянскаго.** 6) Обращенія къ избирателямъ: а) воззваніе приказчиковъ; б) воззваніе къ мелкимъ землевладѣльцамъ. 7) Центральный комитетъ (пленарное засѣданіе 28—29 декабря). 8) Проектъ закона о наймѣ торговыхъ служащихъ. 9) Къ выборамъ въ государственную думу. 10) С.-Петербургская группа. 11) Московская группа. 12) Провинціальный отдѣлъ. 13) Изъ жизни другихъ партій. 14) Объявленія.

СОДЕРЖАНІЕ № 2: 1) Минувшіе дни. **В. Д. Набокова.** 2) О чемъ ведется тяжба? **П. Б. Струве.** 3) Партія народной свободы и внѣшняя политика. **С. А. Котляревскаго.** 4) Центральный комитетъ. 5) Къ выборамъ въ государственную думу. 6) С.-Петербургская группа. 7) Предвыборныя собранія въ С.-Петербургѣ. 8) Московская группа. 9) Предвыборныя собранія въ Москвѣ. 10) Провинціальный отдѣлъ. 11) Изъ жизни другихъ партій. 12) Пожертвованія. 13) Объявленія.

СОДЕРЖАНІЕ № 3: [illegible] ни. **А. И. Каминка.** 2) Первая государственная дум[illegible] къ выборовъ въ государственную думу. **І. В. Гессена.** [illegible] ергежскаго. 5) Къ вопросу о нормахъ дополнительн[illegible] ращенія къ избирателямъ. 7) Центральный комитетъ. [illegible] му. 9) С.-Петербургская группа. 10) Предвыборныя [illegible] ская группа. 12) Предвыборныя собранія въ Москвѣ. 13) Провинціальный отдѣлъ. 14) Изъ жизни другихъ партій. 15) Пожертвованія. 16) Объявленія.

СОДЕРЖАНІЕ № 4: 1) Минувшіе дни. **В. Д. Набокова.** 2) Первая государственная дума. **И. И. Петрункевича.** 3) Грядущій день. **М. М. Могилянскаго.** 4) Библіографія: книги о первой государственной думѣ. **Н. А. Бородина.** 5) Обращенія къ избирателямъ. 6) Центральный комитетъ. (Церковная комиссія при ц. к.). 7) Къ выборамъ въ государственную думу. 8) С.-Петербургская группа. 9) Предвыборныя собранія въ С.-Петербургѣ. 10) Московская группа. 11) Предвыборныя собранія въ Москвѣ. 12) Провинціальный отдѣлъ. 13) Изъ жизни другихъ партій. 14) Объявленія.

СОДЕРЖАНІЕ № 5: 1) Минувшіе дни. **В. Д. Набокова.** 2) Петербургъ и Москва. **А. В. Тырковой.** Первая государственная дума. **И. И. Петрункевича.** 4) Выборы въ деревнѣ. **А. В. Смирнова.** 5) Обращеніе къ избирателямъ (торговымъ служащимъ). 6) Центральный комитетъ. 7) Къ выборамъ въ государственную думу. 8) С.-Петербургская группа. 9) Предвыборныя собранія въ С.-Петербургѣ. 10) Московская группа. 11) Предвыборныя собранія въ Москвѣ. 12) Провинціальный отдѣлъ. 13) Изъ жизни другихъ партій. 14) Пожертвованія. 15) Объявленія.

СОДЕРЖАНІЕ № 6: 1) Минувшіе дни. **А. И. Каминка.** 2) Итоги междудумья. **І. В. Гессена.** 3) Полемика митинговъ. **В. Д. Набокова.** 4) Московскіе выборы. **А. А. Кизеветтера.** 5) Волны демагогіи. **М. М. Могилянскаго.** 6) Центральный комитетъ. (Пленарное засѣданіе 30—31 января). 7) Выборы въ государственный совѣтъ. 8) Къ выборамъ въ государственную думу. 9) С.-Петербургская группа. 10) Предвыборныя собранія въ С.-Петербургѣ. 11) Московская группа. 12) Выборы въ Москвѣ. 13) Провинціальный отдѣлъ. (Избирательная кампанія). 14) Изъ жизни другихъ партій. 15) Сравнительная таблица выборовъ въ госуд. думу по г. Москвѣ въ 1906—1907 г. 16) Объявленія.

Приложеніе: Таблицы партійнаго состава выборщиковъ во вторую госуд. думу.

СОДЕРЖАНІЕ № 7: 1) Минувшіе дни. **В. Д. Набокова.** 2) Къ положенію земельнаго вопроса. **В. Е. Якушкина.** 3) Къ петербургскимъ выборамъ. **А. И. Каминка.** 4) Побѣда опп[illegible]

Смотри стр. 3, обложки.

Проверено 1931 г. 762.

Изданіе А. А. Муханова и В. Д. Набокова.

ПРОВЕРЕНО 2000 г.
736.
ИМПЕР. ПЕТРОГР. УНИВЕР. КАБ. ГОСУД. НАУКЪ. 8412

ПЕРВАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА.

Выпускъ третій.

АГРАРНАЯ РЕФОРМА И ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ДѢЛО.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ:

Кн. Петра Долгорукова, А. А. Кауфмана, В. Е. Якушкина.

1-ый Ленинградский Юридический институт
БИБЛИОТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяч., № 39.
1907.

С.-Петербургский государственный университет
Отдел по направлению юриспруденция
НБ им. М. Горького

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Аграрный вопросъ. А. А Кауфманъ.	1
Памяти М. Я. Герценштейна. В. Е. Якушкинъ.	118
Продовольственный вопросъ Кн. Петръ Дм. Долгоруковъ.	128

Изданіе настоящаго сборника, посвященнаго всесторонне-му и объективному изученію дѣятельности первой рус-ской государственной думы, было задумано, немедленно послѣ ея роспуска, кружкомъ лицъ, близко къ ней стоявшихъ, принимавшихъ въ ея работахъ непосредственное участіе. Въ тѣхъ ненормально-тяжелыхъ условіяхъ, въ которыхъ про-текли труды первой думы, о правильной ея оцѣнкѣ, пока работа эта продолжалась, не могло быть и рѣчи. Прави-тельство и всѣ тѣ элементы, которые его поддерживали, совер-шенно основательно считали думу своимъ главнымъ и самымъ опаснымъ врагомъ. Но значительная часть оппозиціонныхъ элементовъ еще не понимала того, что въ лицѣ этой думы впервые создается въ странѣ организованное, общенародное орудіе борьбы за права и экономическое благосостояніе населенія.

Къ сожалѣнію, событія сложились такимъ образомъ, что большинство лицъ, обѣщавшихъ сотрудничество въ настоя-щемъ сборникѣ, были настолько отвлечены участіемъ въ поли-тической дѣятельности, потребовавшей особаго напряженія всѣхъ силъ партіи въ періодъ выборной кампаніи, что своевременное появленіе сборника оказалось невозможнымъ. Хотя редакціей и были приняты всѣ мѣры къ ускоренію его изданія, для чего сборникъ печатался тремя отдѣльными выпусками (Политическое значеніе первой думы, Законо-дательная работа, Аграрная реформа и Продовольственное дѣло) тѣмъ не менѣе и въ настоящее время печатаніе книги еще не закончено. Полагая, однако, что каждый изъ выпусковъ имѣетъ и самостоятельное значеніе, что въ на-стоящій моментъ, когда думѣ приходится заняться разра-боткой законопроектовъ, правильное освѣщеніе всего того,

что было въ этомъ отношеніи сдѣлано первой думой, представляется особенно полезнымъ, редакція рѣшилась выпустить немедленно два, уже готовые выпуска. Редакція надѣется, что въ ближайшемъ будущемъ изданіе будетъ закончено выходомъ особенно запоздавшаго перваго выпуска.

Редакція полагаетъ, что первая задача, которую преслѣдовало настоящее изданіе, въ настоящее время потеряла значеніе. Первая дума уже сдѣлалась общенароднымъ, общепризнаннымъ средствомъ защиты народныхъ правъ... Но тѣмъ важнѣе вторая задача: путемъ всесторонняго освѣщенія дѣятельности первой думы выяснить, какимъ образомъ лучше всего въ интересахъ народныхъ правъ, народнаго благосостоянія это средство можетъ быть использовано. Этой задачѣ и предназначенъ служить настоящій сборникъ.

Аграрный вопросъ.

Подъ статьею, посвященною аграрному вопросу въ думѣ, должна была стоять не моя подпись...

«Пусть говоритъ Герценштейнъ», раздавалось въ думскомъ залѣ, когда требовалось выступить съ защитой взглядовъ думы противъ неудачныхъ нападеній представителей правительства; подъ предсѣдательствомъ Герценштейна разрабатывался въ партіи народной свободы тотъ проектъ, который затѣмъ, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ записки 42-хъ, легъ въ основу и общихъ сужденій, и комиссіонныхъ занятій думы; Герценштейнъ былъ предсѣдателемъ и душою подкомиссіи, разрабатывавшей въ думѣ и проектъ общихъ основаній аграрной реформы, и планъ дальнѣйшихъ работъ думы въ данной области. И Герценштейнъ, конечно, долженъ былъ бы выступить въ настоящемъ изданіи съ отчетомъ о томъ, какъ работала дума, что она сдѣлала и что думала сдѣлать, чтобы добыть народу землю, за которою народъ послалъ своихъ представителей...

Но Герценштейнъ не пережилъ думы. Безсмысленная рука наемнаго злодѣя, руководимаго невѣдомыми намъ, пока, безумными злодѣями, прекратила жизнь этого неутомимаго работника и стойкаго борца.

Я, конечно, не надѣюсь своей работой сколько нибудь заполнить тотъ пробѣлъ, который образовался въ ряду участниковъ настоящаго изданія со смертью М. Я. Герценштейна. Достаточно уже того, что я не принималъ участія въ думской работѣ и даже не наблюдалъ ея непосредственно; ту картину, какую покойный Михаилъ Яковлевичъ набросалъ бы сочными и яркими красками, заимствованными изъ лично имъ пережитаго и перечувствованнаго, я долженъ буду постараться скомпановать на основаніи однихъ только мертвыхъ печатныхъ матеріаловъ; предполагая даже прочія равныя условія, моя работа могла бы относиться къ работѣ, выполненной Герценштейномъ, какъ относится къ написанной сочными красками картинѣ мозаика, слѣпленная изъ безжизненныхъ

и бѣдныхъ тонами кирпичей. Если я, тѣмъ не менѣе, берусь за настоящую работу, то это, въ значительной мѣрѣ, въ виду моей близости ко взглядамъ покойнаго на задачи предстоящей земельной реформы, и я надѣюсь, что безпристрастіе и строгая объективность изложенія до нѣкоторой степени искупятъ тѣ его недостатки, которые явятся неизбѣжнымъ слѣдствіемъ недостатка у меня непосредственныхъ впечатлѣній о ходѣ дѣла въ государственной думѣ [1]).

I.

Исторія земельнаго вопроса въ первой государственной думѣ. — Отвѣтный адресъ на тронную рѣчь и пренія по поводу него. — Декларація правительства и вызванныя ею пренія. — Записки 42-хъ и 104-хъ. Проектъ „основного земельнаго закона“. — Общія пренія по земельному вопросу: общая ихъ характеристика; выступленіе представителей правительства; предложеніе трудовой группы по поводу мѣстныхъ комитетовъ. — Аграрная комиссія и ея подкомиссіи. — Правительственное сообщеніе и отвѣтъ на него думы.

«Выясненіе нуждъ сельскаго населенія и принятіе соотвѣтствующихъ законодательныхъ мѣръ составитъ ближайшую задачу государственной думы. Наиболѣе многочисленная часть населенія страны — трудовое крестьянство — съ нетерпѣніемъ ждетъ удовлетворенія

---

[1]) Главнымъ источникомъ при составленіи этого обзора послужили мнѣ, разумѣется, стенографическіе, отчеты государственой думы и весьма обстоятельные, хотя и не стенографическіе журналы аграрной комиссіи; подкомиссія покойнаго М. Я. Герценштейна, къ сожалѣнію, не имѣла возможности вести журналовъ, а потому о ходѣ ея занятій можно составить себѣ понятіе только по тѣмъ извѣстіямъ, которыя проникали въ періодическую печать. Изъ этой послѣдней я пользовался главнымъ образомъ газетой „Русскія Вѣдомости“, которая и вообще посвящала болѣе, нежели какая либо другая, мѣсто аграрному вопросу въ государственной думѣ и въ частности даетъ такой цѣнный матеріалъ для характеристики преній и работъ думы по аграрному вопросу, какъ статьи самого покойнаго М. Я. и здравствующаго виднаго дѣятеля партіи народной свободы В. Я. Якушкина. Для упрощенія ссылокъ я буду въ выноскахъ обозначать арабскими цифрами страницы стенографическихъ отчетовъ думы по офиціальному изданію, римскими — номера журналовъ аграрной комиссіи и номерами — соотвѣтствующіе №№ газеты „Русскія Вѣдомости“. Такимъ образомъ „208, 824“ будетъ значить: „стеногр. отчетъ госуд. думы, стр. 208, 824“; „II, VII“ будетъ значить: „журналъ II или VII засѣданій агр. комиссіи“; „№ 125, № 289“ будетъ обозначать: „Русскія Вѣдомости“, № 125, 189“. Для сбереженія мѣста, я буду дѣлать ссылки не особо для каждой цитаты и т. п., а по цѣлымъ болѣе или менѣе обособленнымъ отдѣламъ своего изложенія.

своей острой земельной нужды, и первая русская государственная дума не исполнила бы своего долга, если бы не выработала закона для удовлетворенія этой насущной потребности, путемъ обращенія на этотъ предметъ земель казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, церковныхъ, монастырскихъ и принудительнаго отчужденія земель частновладѣльческихъ».

Такъ заявляла избранная на платформѣ земельной реформы государственная дума въ томъ торжественномъ актѣ, который содержалъ программу ея дальнѣйшей дѣятельности и формулировалъ ея обязательства передъ избирателями, — въ обращеніи къ верховной власти въ отвѣтъ на тронную рѣчь. И во время четырехдневныхъ преній по проекту адреса съ совершенною ясностью выразилось и огромное значеніе аграрнаго вопроса для всей дальнѣйшей судьбы государственной думы, и то крайнее разнообразіе взглядовъ, интересовъ и теченій, равнодѣйствующую которыхъ должна была вывести думская работа. Если бы нужно было доказывать или иллюстрировать то лихорадочное нетерпѣніе, съ которымъ трудовое крестьянство ожидало отъ думы разрѣшенія аграрнаго вопроса, — развѣ нужно было лучшихъ доказательствъ, чѣмъ раздававшіяся во время обсужденія адреса рѣчи крестьянскихъ депутатовъ, вродѣ трогательнаго по своей безыскусственности заявленія безпартійнаго крестьянина Коренькова: «Я, господа представители, все свое вниманіе обратилъ на то, что у насъ земельный вопросъ въ адресѣ не хотятъ помѣстить въ первыя строки... Намъ нужно, чтобы требованіе земельнаго вопроса слѣдовало вслѣдъ за амнистіей. Если этотъ вопросъ земельный не будетъ внесенъ вслѣдъ за амнистіей, то я совершенно сочувствую, что многіе крестьяне будутъ несогласны подписать и даже засвидѣтельствовать этотъ протоколъ. Я думаю, господа,—продолжалъ ораторъ,—что крестьяне очень страдаютъ о землѣ, очень жаждутъ ея. Когда я ѣхалъ сюда, многіе вернувшіеся съ Дальняго Востока просили, что «пожалуйста, тамъ проси Государя, а также представителей, чтобы насъ не оставили безъ земли». Нѣсколько иной характеръ эти требованія земли, эти жалобы на недостаточное соотвѣтствіе адреса нуждамъ и ожиданіямъ народа, пріобрѣтали въ устахъ тѣхъ крестьянъ и некрестьянъ, изъ которыхъ уже въ то время начинала формироваться трудовая группа. «Главное требованіе крестьянъ,—заявляли они,—не можетъ быть половинчатымъ»; въ отвѣтномъ адресѣ, по ихъ мнѣнію, слѣдовало провозгласить, что «въ основу землевладѣнія теперь же будетъ заложенъ принципъ принадлежности всей земли всему народу, а поль-

зованіе ею—неотъемлемое право каждаго гражданина, но при условіи исключительно личнаго труда». И уже тутъ, во время преній по адресу, представители Царства Польскаго, не возражая прямо противъ принципа принудительнаго отчужденія, говорили о «районахъ, гдѣ уничтоженіе частной земельной собственности не будетъ соотвѣтствовать благосостоянію крестьянъ»; не возражая противъ стремленія крестьянъ пріобрѣсти больше земли, они допускали осуществленіе этого стремленія, лишь «не нарушая правъ чужихъ, безъ насилія и безъ внутренней борьбы, а постепеннымъ развитіемъ на существующихъ основахъ»; примиряясь даже съ сохраненіемъ въ адресѣ упоминанія о принудительномъ отчужденіи, они предлагали поправку: «сообразно съ нуждами и желаніями мѣстнаго населенія», смыслъ которой выяснится изъ дальнѣйшаго изложенія. А представители многоземельныхъ окраинъ выступали со своими специфическими требованіями: казачьи депутаты требовали признанія казачьихъ земель достояніемъ самихъ казаковъ, возражая противъ переселенія на свободныя казачьи земли малоземельныхъ крестьянъ. То же самое и съ землями инородцевъ: какъ бы обширны ни были инородческія территоріи,—онѣ принадлежатъ прежде всего самимъ инородцамъ, и пока о н и не получатъ полнаго удовлетворенія, пока не будетъ закончено и х ъ поземельное устройство, до тѣхъ поръ, не можетъ быть допущено переселеніе на ихъ свободныя земли малоземельныхъ крестьянъ, и, слѣдовательно, одинъ изъ существенныхъ источниковъ удовлетворенія земельной нужды малоземельнаго населенія остается закрытымъ до греческихъ календъ. И представители выработавшей проектъ адреса партіи народной свободы, отвѣчая на возраженія справа и слѣва, уже во время этихъ преній имѣли случай опредѣленно выставить и мотивировать ту точку зрѣнія, которая являлась путеводною нитью для партіи съ перваго момента ея возникновенія, съ которою партія вошла въ первую и, конечно, войдетъ во всякую послѣдующую думу. «Развѣ жгучій вопросъ—говорилъ П. А. Сафоновъ, отвѣчая недовольнымъ слѣва,—на который устремлены всѣ взоры деревни, аграрный вопросъ, не рѣшенъ нами въ пользу трудящагося населенія? Развѣ тотъ принципъ, который мы положили въ основу аграрной реформы, не есть фундаментъ крестьянскаго благополучія? Развѣ принципъ принудительнаго отчужденія не рычагъ, который подвинетъ деревню и поставитъ ее на путь культурнаго развитія? Мы этотъ вопросъ рѣшили такъ, какъ его нужно рѣшить съ крестьянской точки зрѣнія, рѣшили его, какъ не могла го рѣшить бюрократія. Не тактическія соображенія увлечь за со-

бой народъ (читатель пойметъ значеніе этой оговорки, если вспомнитъ о «программѣ» и «тактикѣ» одной изъ нашихъ крайнихъ партій!) побудили насъ такъ поступить, не филантропія, что бѣдному крестьянину живется плохо, а идея общегосударственнаго интереса, общаго блага. Это обязанность государственная—встать на защиту трудящагося населенія, это право народа на свой трудъ, на человѣческое существованіе». И земельная реформа на почвѣ принудительнаго отчужденія—вопросъ не только справедливости и цѣлесообразности. Въ пользу ея говоритъ и другое, рѣшающее соображеніе. «Это соображеніе,—какъ правильно сказалъ Д. Д. Протопоповъ, отвѣчая противникамъ принудительнаго отчужденія,—невозможность поступить иначе. Если мы стоимъ на зарѣ новой жизни, то нужно сдѣлать въ ея направленіи новый шагъ. Эту обязанность, этотъ выкупъ исторія налагаетъ на насъ и на все русское общество за то пренебреженіе, въ которомъ держался вопросъ землевладѣнія въ теченіе 40 слишкомъ лѣтъ» [1])...

Читатель знаетъ, что всѣ довольно многочисленныя поправки къ адресу въ части его, касающейся аграрнаго вопроса, предлагавшіяся и справа, и слѣва, были отвергнуты; эта часть адреса прошла цѣликомъ въ редакціи, предложенной партіей народной свободы, съ однимъ только добавленіемъ: въ перечень земель, подлежащихъ принудительному отчужденію, включены, наряду съ монастырскими, и церковныя земли.

Въ ставшей историческою деклараціи 13 мая министерство Горемыкина признало земельную реформу на указанныхъ въ адресѣ основаніяхъ «безусловно недопустимою». Государственная власть, полагалъ кабинетъ, не можетъ признавать права собственности на земли за одними и въ то же время отнимать это право у другихъ. Не можетъ государственная власть и отрицать вообще права собственности на землю, не отрицая одновременно права собственности на всякое иное имущество. Начало неотъемлемости и неприкосновенности собственности, поучалъ совѣтъ министровъ, является во всемъ мірѣ и на всѣхъ ступеняхъ развитія гражданской жизни краеугольнымъ камнемъ народнаго благосостоянія и общественнаго развитія, кореннымъ устоемъ государственнаго бытія, безъ коего немыслимо и самое существованіе государства». Мало того—предположенная реформа «не вызывается и существомъ

---

[1]) 75, 96, 101, 119, 195, 199, 208, 210, 211; № 120.

дѣла»,—въ принудительномъ отчужденіи, этой, конечно, экстренной мѣрѣ, не предстоитъ и крайней необходимости: «при обширныхъ и далеко не исчерпанныхъ средствахъ, находящихся въ распоряженіи государства, и при широкомъ примѣненіи всѣхъ законныхъ къ тому способовъ, земельный вопросъ несомнѣнно можетъ быть успѣшно разрѣшенъ безъ разложенія самого основанія нашей государственности и подтачиванія жизненныхъ силъ нашего отечества». Эти средства—уничтоженіе общины или, на бюрократическомъ языкѣ, устраненіе «всѣхъ тѣхъ ограниченій права собственности на надѣльныя земли, которыя были установлены для обезпеченія исправнаго погашенія выкупного долга»; это—«улучшеніе условій крестьянскаго землепользованія въ его существующихъ границахъ»; это «подъемъ сельскохозяйственнаго промысла, находящагося нынѣ на весьма низкой степени развитія», пріобрѣтеніе частновладѣльческихъ земель при содѣйствіи крестьянскаго поземельнаго банка и, конечно, переселеніе; «громадныя пространства пригодной для обработки земли,—какъ достовѣрно сдѣлалось извѣстнымъ кабинету г. Горемыкина,—нынѣ пустуютъ въ азіатскихъ владѣніяхъ имперіи», и потому «развитіе переселенческаго дѣла составитъ въ виду этого одну изъ первѣйшихъ заботъ совѣта министровъ».

Читатель, опять-таки, знаетъ, какъ государственная дума реагировала на заявленіе г. Горемыкина и его товарищей. Она, совершенно справедливо, усмотрѣла въ немъ вызовъ, брошенный народному представительству, и въ отвѣтъ на этотъ вызовъ рѣзко и, по существу, единогласно выразила кабинету свое недовѣріе.

Мнѣ нѣтъ необходимости останавливаться здѣсь на подробномъ разборѣ тѣхъ мѣръ, съ которыми кабинетъ выступилъ въ видѣ противовѣса принудительному отчужденію. Это было, въ полномъ смыслѣ слова, покушеніе съ негодными средствами. Противопоставлять принудительному отчужденію крестьянскій банкъ, который за 20 лѣтъ своей дѣятельности доказалъ свое полное безсиліе сколько нибудь широко поставить дѣло расширенія крестьянскаго землевладѣнія и только способствовалъ непомѣрному повышенію цѣнъ на землю; противоставлять ему переселеніе въ суровую тайгу и въ безводныя пустыни нашихъ азіатскихъ владѣній, когда переселенческое движеніе, даже въ годы своего максимальнаго развитія, уносило лишь небольшую дробь годичнаго прироста населенія,—это значило прямо напрашиваться на тѣ негодующія возраженія и ироническія замѣчанія, которыми палата единодушно встрѣтила декларацію. Говорить объ устраненіи «ограниченій права собственности»—это дѣйствительно

значило, какъ выразился депутатъ Аникинъ, «дать свободу — еще большую свободу—умирать», это значило открыть широкій путь къ обезземеленью болѣе слабыхъ элементовъ нашей деревни. Подъемъ сельскохозяйственнаго промысла дѣло безусловно необходимое, но при данномъ положеніи дѣлъ оно можетъ идти лишь рядомъ съ расширеніемъ крестьянскаго землевладѣнія и никоимъ образомъ не можетъ замѣнить его. И такъ же слаба декларація и въ своей критической части. Я уже не буду останавливаться на замѣчаніи авторовъ декларації, что къ числу владѣльческихъ земель «принадлежатъ и земли крестьянъ-собственниковъ, пріобрѣтшихъ ихъ покупкою»; эта оговорка явно расчитана на то, чтобы сыграть на собственническихъ инстинктахъ болѣе состоятельныхъ элементовъ крестьянства, и представляетъ собой лишь маленькій бутонъ, пышнымъ цвѣтомъ распустившійся нѣсколько позднѣе, въ рѣчахъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ В. І. Гурко. Но самая мысль противопоставлять заявленію представителей народа ссылку на положительный законъ, въ частности—на неприкосновенность права собственности, была крайне неудачна, и доводы этого рода сами напрашивались на убійственныя возраженія. Тотъ законъ, противный правосознанію народа, является высшею несправедливостью и высшимъ насиліемъ, и по меньшей мѣрѣ неумѣстно было говорить о неприкосновенности и незыблемости права собственности, когда исторія всякаго права не что иное, какъ исторія постоянной эволюціи этого института. «Неужели вы, представители земельныхъ собственниковъ, восклицалъ М. М. Ковалевскій, обращаясь къ палатѣ, не знаете, что собственность неприкосновенна? Но этой неприкосновенности ни мало не мѣшаетъ государственный выкупъ. И министры какого правительства приходятъ напомнить намъ о неприкосновенности собственности и утверждать, что этой неприкосновенности противорѣчитъ выкупъ ея государствомъ? Приходятъ министры того государства, которое въ 61 году произвело самый грандіозный актъ выкупа земли, въ интересахъ общественной пользы и общественной необходимости. Если бы отвѣчали гг. министрамъ тѣми же назиданіями, какими они удостоили насъ сегодня, то мы сказали бы: какъ вы смѣете выступать противъ воли Царя-Освободителя, какъ вы смѣете порицать самый великій актъ русской исторіи—освобожденіе крестьянъ съ землею!»...

Между тѣмъ, еще 8 мая 42-мя членами государственной думы, принадлежащими къ партіи народной свободы, внесено было въ думу заявленіе съ проектомъ общихъ положеній земельной реформы. Ниже

мнѣ придется нѣсколько подробнѣе выяснить, такъ сказать, генеалогію этого проекта. Здѣсь мнѣ достаточно отмѣтить, что проектъ 42-хъ представляетъ собою, лишь въ нѣсколько переработанномъ видѣ, воспроизведеніе того проекта главныхъ основаній, который былъ представленъ III общему съѣзду партіи и принципіально имъ одобренъ, причемъ «руководящимъ началомъ», конечною цѣлью земельной политики признается «передача земли въ руки трудящихся», а основныя идеи практическихъ постановленій проекта выражены составителями внесенной въ государственную думу записки въ видѣ двухъ слѣдующихъ положеній:

«1) Увеличеніе площади земленользованія населенія, обрабатывающаго землю личнымъ трудомъ, какъ-то: безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ и другихъ разрядовъ земледѣльцевъ государственными, удѣльными, кабинетскими, монастырскими, церковными землями и путемъ обязательнаго отчужденія для той же цѣли, за счетъ государства, въ потребныхъ размѣрахъ, частновладѣльческихъ земель съ вознагражденіемъ нынѣшнихъ владѣльцевъ по справедливой оцѣнкѣ, т. е. сообразно съ нормальною для данной мѣстности доходностью, при условіи самостоятельнаго веденія хозяйства, не принимая во вниманіе арендныхъ цѣнъ, созданныхъ земельною нуждою, и 2) отчуждаемыя земли поступаютъ въ государственный земельный запасъ. Начала, на которыхъ земли этого запаса подлежатъ передачѣ нуждающемуся въ нихъ населенію, должны быть установлены сообразно съ особенностями землевладѣнія и землепользованія въ различныхъ областяхъ Россіи».

Положенія эти, читатель видитъ, строго совпадаютъ съ пп. 37 и 38 программы партіи съ дополненіями, внесенными II-мъ общимъ партійнымъ съѣздомъ.

15 мая начались, какъ мы сейчасъ подробнѣе увидимъ, общія пренія по поводу этого проекта, которыя и продолжались до 5 іюня, занявъ цѣликомъ или частью 11 засѣданій думы. Но еще въ самомъ началѣ этихъ общихъ преній, 19 мая, въ думу внесенъ былъ, за подписью 104 членовъ, второй проектъ основныхъ положеній, выработанный трудовою группой. Ниже намъ придется заняться подробнѣе и этимъ проектомъ. Но уже здѣсь необходимо дать хотя бы краткую его характеристику. Конечную цѣль, къ которой должно стремиться земельное законодательство, это—«установить такіе порядки, при которыхъ вся земля съ ея нѣдрами и водами принад-

---

[1]) 222, 223, 225, 227, 228, 243—245, № 131.

лежала бы всему народу, причемъ нужная земля для сельскаго хозяйства могла бы отдаваться въ пользованіе только тѣхъ, кто будетъ ее обрабатывать своимъ трудомъ; всѣ граждане должны имѣть равное право на такое пользованіе ею» (§ 1). Авторы проекта не требуютъ, однако, немедленнаго и полнаго осуществленія принципа націонализаціи: требуя немедленной ликвидаціи всего нетрудового землевладѣнія, они оставляютъ за теперешними владѣльцами надѣльныя земли и тѣ изъ частновладѣльческихъ, которыя не превышаютъ трудовой нормы; объявляя общенародною собственностью земныя нѣдра и воды, не эксплоатируемыя ихъ владѣльцами, они предполагаютъ опредѣлить особымъ закономъ порядокъ перехода въ общенародную собственность тѣхъ земельныхъ нѣдръ и водъ частнаго владѣнія, которыя уже находятся въ эксплоатаціи; наконецъ, они имѣютъ въ виду вознагражденіе владѣльцевъ, за счетъ государства, за принудительно отчуждаемыя частновладѣльческія земли, хотя предусматриваютъ возможность случаевъ, когда земля будетъ отчуждаться безвозмездно.

Для читателя, знакомаго съ программою партіи народной свободы и съ работами ея съѣздовъ и комиссій, уже изъ сказаннаго должно быть ясно, что проектъ трудовой группы, по крайней мѣрѣ въ своихъ практическихъ постановленіяхъ, не представляетъ коренныхъ, принципіальныхъ отличій отъ того, къ чему стремится конституціонно-демократическая партія и что она выразила въ запискѣ 42 членовъ государственной думы.

Совершенно другое слѣдуетъ сказать о третьемъ заявленіи, внесенномъ въ думу 6 іюня, на другой день послѣ завершенія общихъ преній, за подписью 34-хъ членовъ той же трудовой группы. Лица, подписавшія это заявленіе, формально не отказываются отъ «основныхъ положеній» записки 104-хъ; напротивъ—они опредѣленно заявляютъ о своемъ присоединеніи къ нимъ. «Разсматривая — заявляютъ они—§ 1 этихъ положеній какъ цѣль желательнаго земельнаго закона, а слѣдующіе параграфы какъ переходныя мѣры къ ея осуществленію, мы считаемъ полезнымъ немедленно же развить кратко выраженныя въ § 1 начала въ видѣ болѣе подробнаго и опредѣленнаго проекта основного земельнаго закона», въ силу котораго «всякая частная собственность на землю въ предѣлахъ россійскаго государства отнынѣ совершенно уничтожается», и «вся земля съ ея нѣдрами и водами объявляется общею собственностью всего населенія россійскаго государства», съ предоставленіемъ «всѣмъ россійскимъ гражданамъ и гражданкамъ» равнаго права на поль-

зованіе землею для построекъ и для сельскаго хозяйства и матеріаломъ для постройки и отопленія» и равнаго «права участія въ рѣшеніи, какъ добывать и распредѣлять между гражданами всѣ другія богатства земли».

Ясно, что проектъ, начинающійся такого рода категорическими постановленіями, вращается въ совершенно другой плоскости, нежели проекты, изложенные въ запискахъ 42 и 104-хъ. Тамъ, по справедливому замѣчанію депутата Френкеля, «вопросъ идетъ о латифундіяхъ, идетъ только о земельной собственности, превышающей извѣстный максимумъ владѣнія, вопросъ идетъ о землѣ, которая служитъ въ рукахъ теперешнихъ ея владѣльцевъ орудіемъ закабаленія крестьянъ, а не орудіемъ поднятія сельскохозяйственной культуры». Проектъ, подписанный 34 членами трудовой группы, по не менѣе справедливому замѣчанію И. И. Петрункевича и предсѣдателя аграрной комиссіи А. А. Муханова, представляетъ собою «начало всеобщей соціальной реформы», стройное теоретическое построеніе, логически выведенное изъ проповѣдуемыхъ одною изъ нашихъ соціалистическихъ партій общихъ началъ. И такая постановка вопроса являлась для думы совершенною неожиданностью. «Три недѣли—заявилъ кн. П. Д. Долгоруковъ, руководившій общими преніями по аграрному вопросу,—обсуждали его (аграрный вопросъ); большинство лицъ, подписавшихъ эту записку, имѣли сужденіе и ни разу не высказали окончательныхъ выводовъ, къ которымъ приходятъ въ этой запискѣ. Между тѣмъ, вѣдь высказанное здѣсь является сложною и стройною системой—конечно, не такою системой, которую можно въ полчаса подписать, какъ мы подписываемъ для срочныхъ запросовъ получаемыя телеграммы 30 подписями. Конечно,—продолжалъ кн. Долгоруковъ,—всякій подписавшій это заявленіе пріѣхалъ въ думу со сложившимся уже міросозерцаніемъ,—и я не знаю, почему все здѣсь сказанное не договаривалось до конца, когда обсуждался предварительно аграрный вопросъ». Не удивительно, что и судьба записки 34-хъ была иная, чѣмъ судьба записокъ 42 и 104-хъ. Эти двѣ записки, послѣ закончившагося 5 іюня общаго обсужденія, были переданы, «какъ матеріалъ», въ аграрную комиссію. Проектъ 34-хъ дума, большинствомъ почти двухъ третей голосовъ, не пожелала передавать въ комиссію, что, конечно,—какъ разъяснили кн. П. Д. Долгоруковъ и кн. Д. И. Шаховской,—нисколько не мѣшало ея составителямъ передать свой проектъ въ комиссію непосредственно, не пользуясь думою, какъ передаточною инстанціей. И чрезвычайно характерно,

что противъ передачи голосовала, съ большинствомъ, часть членовъ самой трудовой группы [1]), для которой, вѣроятно, эта записка была такою же неожиданностью, какъ для всего остального состава думы. Соглашаясь съ И. И. Петрункевичемъ и А. А. Мухановымъ, дума признала, что «аграрная комиссія была бы до крайности затруднена, если бы ей былъ переданъ вопросъ, не обсуждавшійся по существу государственною думой»—вопросъ о «началѣ всеобщей соціальной реформы»; что поэтому думѣ необходимо было либо отвергнуть проектъ безъ обсужденія, либо подвергнуть его, какъ и первые два проекта, подробному обсужденію по существу и уже затѣмъ передать въ комиссію съ тѣми директивами, какія вытекутъ изъ такого обсужденія. А между тѣмъ важныя соображенія говорили, именно, за полное отклоненіе. «Когда двѣ недѣли тому назадъ, писалъ покойный Герценштейнъ въ одной изъ статей своихъ, г. Гурко въ думѣ указывалъ на то, что дума стремится къ черному передѣлу (см. ниже А. К.), ему самымъ категорическимъ образомъ было заявлено, что такія заявленія голословны и имѣютъ цѣлью поселить смуту въ крестьянскихъ умахъ. Когда въ отвѣтъ на рѣчь Гурко послѣдовало категорическое заявленіе, что ни надѣльной землѣ, ни мелкой собственности, вообще, не угрожаетъ никакой опасности, противъ такого заявленія не было сдѣлано никакихъ возраженій. Между тѣмъ, теперь вносится законопроектъ, осуществленіе котораго равносильно отмѣнѣ всѣхъ существующихъ видовъ собственности на землю—слѣдовательно и мелкой крестьянской собственности. Какъ же дума должна была отнестись къ такому проекту? Она должна была его отвергнуть». Поступи она иначе, «получилось бы, по словамъ депутата Френкеля, впечатлѣніе, что дума передаетъ такой матеріалъ, который подтверждаетъ эти толки, который даетъ готовую пищу для этой агитаціи, которая не имѣла подъ собой никакой почвы и которую мы со всею силой отвергали» [2])...

Я нѣсколько разъ упоминалъ объ «общихъ преніяхъ» по аграрному вопросу, между прочимъ говорилъ о томъ, что записки 42-хъ и 104-хъ послѣ общихъ преній были переданы въ аграрную комиссію. Собственно говоря, это не совсѣмъ такъ. На очередь былъ поставленъ только вопросъ объ избраніи комиссіи для разсмотрѣнія проекта 42-хъ, и рядъ ораторовъ настаивалъ на томъ, чтобы прямо передать его въ комиссію, а къ преніямъ по существу приступить уже тогда, когда дастъ результаты комиссіонная работа.

[1]) Русск. Вѣд., № 149.

[2]) 516. 716, 1145—50, №№ 147, 154.

Въ обоснованіе такого взгляда на желательное направленіе дѣла приводились и соображенія экономіи времени,—указывалось на то, что проектъ 42-хъ не касается нѣкоторыхъ категорій вопросовъ и потому требуетъ дополненія до его обсужденія думою. Но, главное—указывалось на то, что, при крайнемъ разнообразіи взглядовъ и интересовъ, затрагиваемыхъ аграрнымъ вопросомъ, немедленный приступъ къ обсужденію его по существу дастъ представленіе «о расколѣ, раздорахъ, столпотвореніи вавилонскомъ»,—представленіе крайне нежелательное, въ виду возбужденнаго состоянія страны и необходимости поддерживать ея довѣріе къ результатамъ работы думы. «Совсѣмъ иное положеніе дѣла—говорилъ деп. Петражицкій,—будетъ, если мы, не теряя напрасно времени на споры по поводу внесенныхъ матеріаловъ, передадимъ ихъ въ комиссію и образуемъ послѣднюю такъ, чтобы всѣ интересы были представлены, чтобы всѣ мнѣнія получили по возможности выраженіе и чтобы тамъ, послѣ спокойнаго обсужденія, былъ выработанъ такой результатъ, на которомъ можно сойтись и согласиться» [1]) Противъ такого направленія дѣла раздались возраженія, возникли, такимъ образомъ, пренія по вопросу о томъ, формировать ли немедленно комиссію и немедленно же передать въ нее проектъ для обсужденія, или же предварительно обсудить его въ общемъ составѣ думы,—и эти пренія, незамѣтно, перешли въ пренія по существу вопроса: «отъ способа избранія комиссіи первые ораторы незамѣтно уклонились и перешли къ разсмотрѣнію вопроса по существу, а разъ нѣкоторымъ предоставлена была возможность высказать свой взглядъ, то нельзя было, конечно, ожидать, чтобы отъ этого отказались другіе [2]).

Я совершенно не буду касаться здѣсь содержанія преній—они, главнымъ образомъ, дадутъ мнѣ матеріалъ для той характеристики различныхъ думскихъ теченій, которую я долженъ дать въ дальнѣйшемъ изложеніи. Я только выдѣлю, нѣсколько ниже, одинъ моментъ—вмѣшательство въ общія пренія представителей правительства или точнѣе министерства; здѣсь же я позволю себѣ дать только общую характеристику общихъ преній, насколько я въ состояніи это сдѣлать на основаніи имѣющагося въ моемъ распоряженіи печатнаго матеріала.

Пренія—я сказалъ—продолжались три недѣли и заняли, цѣликомъ

---

[1]) 382.
[2]) 142.

или частью, одиннадцать засѣданій. Для участія въ преніяхъ записалось, сразу, болѣе ста ораторовъ, и число это непрерывно продолжало возрастать, такъ что 30 мая, послѣ двухъ недѣль, оставались невыслушанными еще 117 записавшихся ораторовъ [1]). Какъ ни разнообразны тѣ теченія и оттѣнки теченій, тѣ классовые и областные интересы, которые были представлены въ думѣ,—не подлежитъ сомнѣнію, что при извѣстной внутренней парламентской дисциплинѣ, и организаціи всѣ эти теченія, оттѣнки, взгляды и интересы могли быть исчерпаны, при общемъ обсужденіи, далеко меньшимъ количествомъ рѣчей. Многіе, главнымъ образомъ члены трудовой группы, говорили не для думы и не ради обсужденія проекта;—они выступали на думскую трибуну, чтобы «высказаться передъ страною» (изъ рѣчи деп. Меркулова),—выступали, другими словами, съ цѣлью общей пропаганды и агитаціи. Депутаты изъ крестьянъ «считали необходимымъ высказаться не столько передъ палатой, сколько передъ своими избирателями» (изъ рѣчи деп. Татаринова),—они говорили, чтобы оправдать передъ избравшимъ ихъ крестьянствомъ свое присутствіе въ думѣ: народъ послалъ ихъ за землей и долженъ знать, что они, д ѣ й с т в и т е л ь н о, требовали земли. Въ результатѣ многія рѣчи представляютъ собой повтореніе положеній и даже аргументовъ, уже ранѣе высказанныхъ другими ораторами. Рѣчи другихъ—«лишь игра на нервы, желаніе получить побольше аплодисментовъ» [2]). Рѣчи третьихъ, давая то любопытную бытовую черточку, то интересный для будущаго историка матеріалъ для характеристики настроеній, совершенно не способствовали выясненію общихъ положеній земельной реформы. Самое настроеніе палаты достаточно ясно свидѣтельствуетъ о чрезмѣрной длинѣ преній. Уже 20 мая хроникеръ «Русскихъ Вѣдомостей» констатируетъ ту кажущуюся несообразность, что «аграрный вопросъ по цѣлымъ днямъ горячо обсуждается въ екатерининской залѣ; каждый депутатъ хочетъ, повидимому, сказать свое слово и съ трибуны»,—и въ то же время «на депутатскихъ скамьяхъ депутатовъ очень мало, они, повидимому, очень разсѣянно слѣдятъ за тѣмъ, что говорятъ ихъ товарищи». Подъ конецъ общихъ преній «настроеніе думы было крайне неблагопріятно для ораторовъ. Всѣмъ хотѣлось поскорѣе избрать комиссію, чтобы тамъ приступить къ дѣлу». Въ послѣдній день ораторовъ «совершенно не слушали, зала была почти пуста,

[1]) 819.
[2]) 995.

велись частные переговоры, на ораторовъ не обращали никакого вниманія». И дѣйствительно—уже на четвертый день импровизированныхъ общихъ преній палата «сочувственно встрѣтила» рѣчь крестьянина Назаренко, указывавшаго на настоятельную необходимость ихъ сокращенія,—«если такъ будетъ продолжаться, какъ сейчасъ, говорилъ Назаренко, когда объ одномъ вопросѣ цѣлую недѣлю будемъ разсуждать, то мы не разрѣшимъ аграрнаго вопроса—и если мы ничего не будемъ дѣлать, такъ его безъ насъ разрѣшатъ»... И тѣмъ не менѣе, только въ послѣднихъ майскихъ засѣданіяхъ «неблагопріятное для ораторовъ» настроеніе палаты обозначилось яснѣе. Посыпались предложенія о прекращеніи записи, объ ограниченіи времени рѣчей; цѣлый рядъ ораторовъ изъ состава к.-д. партіи—Бородинъ, Сафоновъ, Медвѣдевъ, Татариновъ и др.—выступили съ призывами къ «патріотизму» записанныхъ ораторовъ: «страна,—восклицалъ Медвѣдевъ,—ждетъ отъ насъ разрѣшенія земельнаго вопроса, а не толстыхъ стенограммъ»... Другіе выступили съ примѣрами самоотреченія: «Я, господа, заявлялъ Ѳ. И. Родичевъ, вышелъ сюда только для того, чтобы подать примѣръ; я имѣю много сказать, но для этого настанетъ время, когда будетъ происходить обсужденіе закона, а теперь для того, чтобы дѣлать дѣло, намъ нужно имѣть мужество сдержать себя и перестать говорить. Я отказываюсь отъ своего слова»... Представители трудовой группы были, повидимому, противъ всякаго сокращенія преній; депутатъ Лаврскій выступилъ даже съ чѣмъ-то вродѣ формальнаго протеста противъ такого «насилія надъ свободой слова въ палатѣ»; онъ опасался, вообще, того «опаснаго прецедента», который, по его мнѣнію, создавался ограниченіемъ преній; исходя изъ той же точки зрѣнія на думу, какъ на трибуну, съ которой говорятъ въ страну, онъ опасался, что съ прекращеніемъ преній по аграрному вопросу въ думѣ «этотъ вопросъ будетъ, такъ сказать, изъятъ изъ очереди и во всей прессѣ, и нѣкоторое время будетъ молчаніе по этому вопросу во всей странѣ»; онъ видѣлъ въ прекращеніи преній ничто иное, какъ способъ «замалчивать въ думѣ» проектъ трудовой группы, какъ ловкій шахматный ходъ самой многочисленной въ думѣ партіи, очень полезный для ея проекта, «но едва ли полезный для проекта трудовой группы».

Тѣмъ не менѣе, 28 мая запись ораторовъ была, наконецъ, прекращена, 1 іюня принято ограниченіе времени рѣчей 10 минутами, и насколько эти мѣры соотвѣтствовали настроенію громаднаго большинства собранія, видно хотя бы изъ того, что въ послѣдніе дни

преній большинство записавшихся или просто не отвѣчало на вызовъ предсѣдателя, или всходило на каѳедру только для того, чтобы отказаться отъ своего слова, нерѣдко снискивая этимъ аплодисменты собранія.

Если, такимъ образомъ, общія пренія заняли гораздо больше времени, нежели требовали интересы дѣла,—если они нѣсколько замедлили ходъ той настоящей работы, которая должна была идти и послѣ 5 іюня дѣйствительно пошла въ комиссіяхъ, то это, какъ я уже отчасти упоминалъ, объясняется и въ значительной мѣрѣ оправдывается, прежде всего, отсутствіемъ, въ средѣ первой государственной думы, соотвѣтственнаго парламентскаго опыта и—главное—недостаткомъ внутри-партійной и между-партійной дисциплины, при наличности которой общія пренія могли бы свестись къ рѣчамъ немногихъ ораторовъ, говорящихъ каждый отъ имени извѣстной партіи или опредѣленной группы. Но и независимо отъ этого, нельзя не считаться съ необъятнымъ пространствомъ Россіи и крайнею пестротою ея бытовыхъ и земельно-хозяйственныхъ условій, съ безконечнымъ разнообразіемъ идейныхъ теченій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣхъ классовыхъ и территоріальныхъ интересовъ, которые затрагиваются тою или иною постановкой земельной реформы. Нельзя, наконецъ, упускать изъ виду и того, что земельная реформа въ томъ смыслѣ, какъ она обсуждалась государственною думой, является реформою, не имѣющею для себя никакого прецедента въ законодательствѣ другихъ странъ, что она вмѣстѣ съ тѣмъ далеко недостаточно освѣщена теоріей, чѣмъ и порождалась, можетъ быть, психологическая неизбѣжность пространныхъ общихъ преній, направленныхъ къ освѣщенію какъ принципіальныхъ основъ реформы, такъ и ея деталей. Эти пренія сыграли роль какъ бы нѣкотораго громоотвода—тѣ рѣчи общаго характера, которыя говорились при общемъ обсужденіи, дали исходъ потребности большинства высказать свои общіе взгляды и требованія по аграрному вопросу и сдѣлали такимъ образомъ возможнымъ немедленный, по сформированіи аграрной комиссіи, приступъ къ строго-дѣловому обсужденію основаній земельной реформы. Съ другой стороны, общія пренія несомнѣнно освѣтили какъ передъ ихъ непосредственными участниками, такъ, до извѣстной степени, и передъ страною, безконечную сложность вопроса о земельной реформѣ, и притомъ не только въ виду разнообразія и противорѣчивости затрагиваемыхъ ею классовыхъ и вообще частныхъ интересовъ, но и съ точки зрѣнія дѣйствительныхъ, широко понимаемыхъ интересовъ страны—выяснили невозможность шаблонно-однообразнаго рѣшенія

вопроса для всей страны, путемъ возведенія въ законъ какой нибудь одной общей, теоретически-выработанной формулы. Но главное— это то, что общія пренія несомнѣнно много способствовали выясненію взглядовъ на важнѣйшія стороны земельной реформы каждой изъ тѣхъ идейныхъ и территоріальныхъ группъ, на которыя разслоилась государственная дума, — они позволяли намѣтить тѣ вопросы, гдѣ можно было расчитывать на соглашеніе если не между всѣми, то, во всякомъ случаѣ, между наиболѣе вліятельными и многочисленными группами, и тѣ, гдѣ между ними должно было обнаружиться неустранимое разногласіе. Общія пренія,—говорилъ депутатъ Котляревскій,—позволили сразу выдѣлить тѣ совершенно общія и совершенно несомнѣнныя уже въ настоящее время, если не для всѣхъ насъ, то для огромнаго нашего большинства, истины, которыя представляются намъ въ совершенно готовомъ видѣ и которыя сразу могли бы войти въ законопроектъ и въ нормы дѣйствующаго законодательства, и затѣмъ выдѣлить тѣ различныя теченія законодательной, политической и соціальной мысли, по которымъ могла бы уже пойти болѣе детальная разработка нашего законопроекта»,—и въ этомъ ихъ несомнѣнная польза и безспорное положительное значеніе [1]).

Я уже упоминалъ о характерномъ эпизодѣ, которымъ ознаменовались общія пренія—именно, о выступленіи представителей правительства, главноуправляющаго землеустройствомъ А. С. Стишинскаго и товарища министра внутреннихъ дѣлъ В. І. Гурко. Я не буду вдаваться въ подробную характеристику ихъ рѣчей—это имѣло бы лишь отдаленное отношеніе къ задачѣ моего очерка. Если охарактеризовать каждую изъ нихъ однимъ словомъ, то можно сказать, что рѣчь г. Стишинскаго представляла собою к р и т и к у основаній земельной реформы, изложенныхъ въ запискѣ 42-хъ, рѣчь г. Гурко—п о л е м и к у съ авторами записки и со стоящимъ на той же почвѣ думскимъ большинствомъ. Какъ бы ни относиться къ содержанію рѣчи г. Стишинскаго, она была совершенно спокойна по тону и корректна по аргументаціи, чего отнюдь нельзя сказать о рѣчи второго офиціальнаго оратора. Само собою разумѣется, что г. Стишинскій снова выступилъ съ тѣми юридическими соображеніями противъ принудительнаго отчужденія, которыя, вѣроятно, имъ же были помѣщены въ декларации 13 мая. Но центральною частью рѣчи главноуправляющаго землеустройствомъ были доводы

[1]) 494, 508, 818, 19, 26, 48, 68, 75, 81, 995; №№ 132, 142, 149.

1-й Ленинградский
Юридический Институт
БИБЛИОТЕКА

практическаго свойства, доводы изъ области аграрной и вообще экономической политики. Г. Стишинскій доказывалъ, что увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія, къ какому можетъ практически привести даже самая широкая земельная реформа, основанная на принудительномъ отчужденіи, недостаточно, «чтобы обезпечить сколько-нибудь замѣтный подъемъ благосостоянія крестьянскихъ массъ», недостаточно даже для достиженія той потребительной нормы, къ которой стремятся авторы записки 42-хъ. Ссылаясь на А. С. Ермолова, онъ доказывалъ, что ликвидація владѣльческаго хозяйства будетъ вредна самимъ крестьянамъ, такъ какъ лишитъ ихъ тѣхъ заработковъ, которые имъ теперь даютъ владѣльческія экономіи; что «рѣзкое увеличеніе площади крестьянскаго землепользованія, возстановивъ на время благопріятныя условія для экстенсивнаго хозяйства», остановитъ и начавшееся уже движеніе къ хуторскому разселенію, и технический прогрессъ крестьянскаго хозяйства, а самый фактъ прирѣзки послужитъ, въ мѣстностяхъ съ общиннымъ владѣніемъ, толчкомъ къ столь нежелательнымъ, съ точки зрѣнія г. Стишинскаго, передѣламъ; что земельная реформа по схемѣ 42-хъ потребуетъ «передвиженія огромныхъ массъ сельскаго населенія», причемъ въ средѣ крестьянъ возникнутъ рѣзкія недоразумѣнія, какъ въ малоземельныхъ мѣстностяхъ, изъ которыхъ части крестьянъ придется выселяться, такъ и въ многоземельныхъ, гдѣ коренные жители будутъ недовольны приселеніемъ малоземельныхъ крестьянъ изъ другихъ мѣстностей. Онъ доказывалъ, что крестьяне не въ силахъ будутъ вынести платежей за земли дополнительныхъ надѣловъ и, въ концѣ концовъ, приходилъ къ тому заключенію, что реформа на началахъ записки 42-хъ «не обезпечитъ крестьянъ, отразится крайне разорительно на интересахъ государства и окажется практически неосуществимою». Второй представитель кабинета, г. Гурко, по существу мало добавилъ къ доводамъ и соображеніямъ главноуправляющаго землеустройствомъ, если не считать, пожалуй, указанія на то, что съ затратой на подъемъ сельскохозяйственной культуры у крестьянъ хотя бы одной пятой части тѣхъ средствъ, которыхъ потребуетъ реформа на основаніяхъ записки 42-хъ, будетъ «въ десять разъ больше сдѣлано для благосостоянія страны», чѣмъ въ томъ случаѣ, если земельная реформа «расточитъ ея земельныя богатства посредствомъ ихъ распыленія». Центръ тяжести рѣчи г. Гурко лежалъ въ томъ, по мнѣнію г. Гурко, несомнѣнномъ, въ дѣйствительности же совершенно невѣрномъ выводѣ изъ проекта 42-хъ, что «всѣ кресть-

яне, владѣющіе болѣе, нежели 4-мя десятинами земли, будутъ вынуждены уступить весь излишекъ другимъ земледѣльцамъ». «Выборные русскаго земельнаго крестьянства—восклицалъ г. Гурко обращаясь къ крестьянскимъ депутатамъ,—запомните эти 4 десятины, запомните эту цифру! Да неизгладимо врѣжется она въ вашей памяти! запомните, что осуществленіе принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель неразрывно связано съ отнятіемъ отъ части крестьянскаго населенія нѣкоторой доли состоящей въ его пользованіи земли; запомните также, что всѣмъ тѣмъ крестьянамъ, у которыхъ эти 4 десятины уже имѣются, ни одной пяди земли, ни при какихъ условіяхъ, прибавлено быть не можетъ» [1])...

Государственная дума, устами покойнаго Герценштейна, И. И. Петрункевича и другихъ, по заслугамъ оцѣнила полемическіе пріемы г-на Гурко. Я поэтому считаю лишнимъ останавливаться на этой, самой неудачной, сторонѣ неудачнаго выступленія въ думѣ представителей министерства. Но что̀ сказать, по существу, о тѣхъ соображеніяхъ, которыя были высказаны въ рѣчи, главнымъ образомъ, А. С. Стишинскаго? Я считаю совершенно безполезнымъ вдаваться здѣсь въ критику тѣхъ цифръ, которыя призывали на помощь гг. Стишинскій и Гурко. Хороши эти цифры или плохи—это, въ сущности, неважно. При существующемъ положеніи нашей земельной статистики мы всѣ, даже именующіе себя спеціалистами, оперируемъ съ болѣе или менѣе негодными цифрами. Я отнюдь не рѣшусь признать соображеній А. С. Стишинскаго и по существу сплошь несостоятельными: многіе изъ горячихъ сторонниковъ земельной реформы подпишутся подъ тѣмъ положеніемъ, что дополнительное надѣленіе, само по себѣ, не приведетъ къ прочному улучшенію положенія крестьянъ, и что для этого необходимъ еще подъемъ сельскохозяйственной культуры у крестьянъ; вопросъ о роли владѣльческихъ хозяйствъ въ дѣлѣ сельскохозяйственной культуры, о значеніи для населенія тѣхъ заработковъ, которые даютъ имъ интенсивныя хозяйства, дебатировался и дебатируется и въ литературѣ, и въ средѣ самой государственной думы и ея комиссій; наконецъ, не подлежитъ спору финансовая трудность земельной реформы. Но въ устахъ представителей правительства всѣ эти доводы имѣли ясно выраженный характеръ защиты, во что бы то ни стало, сословно-классовыхъ, дворянско-землевладѣльческихъ интересовъ; весьма существенные при обсужденіи п о д р о б н о с т е й аграрнаго закона,

[1]) 510—521.

основаннаго на принудительномъ отчужденіи, они являлись совершенно несостоятельными и не могли произвести никакого впечатлѣнія на палату, разъ они выдвигались въ обобщенной формѣ и противопоставлялись расширенію крестьянскаго землевладѣнія, разъ они выдвигались какъ доводъ противъ отчужденія владѣльческихъ земель.

«Можно спорить о предѣлахъ принудительнаго отчужденія, говорилъ М. Я. Герценштейнъ, отвѣчая обоимъ представителямъ министерства,—можно говорить о сохраненіи извѣстныхъ категорій владѣнія, объ естественномъ переходѣ, о необходимости сохраненія народохозяйственныхъ богатствъ, о сохраненіи промышленныхъ и сельскохозяйственно-техническихъ производствъ. Это я понимаю, такую мысль надо поддерживать, этому надо пойти навстрѣчу. Но сказать: не смѣйте прикасаться къ частной собственности, единственное средство для расширенія крестьянскаго землевладѣнія—это платить за землю, напр., въ Курской губерніи 400 рублей за десятину,—это значитъ не отвѣтить на крестьянскую нужду».... Можно и безусловно необходимо пустить въ ходъ всѣ способы къ подъему сельскохозяйственной культуры у крестьянъ, но нельзя этими мѣрами замѣнять мѣръ, направленныхъ къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія: «нельзя теперь предлагать мѣры, расчитанныя на продолжительный срокъ: необходима экстренная мѣра, а принудительное отчужденіе и есть экстренная мѣра»... Сельскохозяйственныя улучшенія, говорилъ М. Я. Герценштейнъ, «совершаются не въ одинъ годъ, не сразу», а между тѣмъ «сейчасъ пожаръ, его надо тушить, а потушить можно только увеличеніемъ площади землевладѣнія» [1]).

Какъ бы то ни было, но не подлежитъ сомнѣнію, что палата, включая тѣ элементы, которые принято называть думскою правой, и министерство, устами г.г. Стишинскаго и Гурко, говорили на совершенно разныхъ языкахъ, и неудивительно, что вмѣшательство министерства въ пренія по аграрному вопросу могло способствовать только углубленію той пропасти между кабинетомъ и палатою, которая разверзлась съ момента прочтенія декларацiи 13 мая.

Поводомъ для другой диверсіи отъ нормальнаго хода общихъ преній по аграрному вопросу послужило поданное 24 мая заявленіе 35 членовъ трудовой группы о немедленномъ приступѣ къ выработкѣ законопроекта объ организаціи, на основѣ всеобщаго и

[1]) 524, 529.

пр. избирательнаго права, мѣстныхъ комитетовъ, задачею которыхъ было-бы «подготовить на мѣстахъ всѣ необходимыя практическія данныя для проведенія будущей земельной реформы и ея приспособленія къ мѣстнымъ условіямъ, а также принять участіе въ обсужденіи внесенныхъ въ думу проектовъ земельной реформы». «Пренія по вопросу о земельной реформѣ,—такъ мотивировалось это предложеніе,—сильно затягиваются и не могутъ не затягиваться», а между тѣмъ самое существо дѣла требуетъ, послѣ общихъ преній, работы въ комиссіи и затѣмъ новаго обсужденія въ думѣ. Но и этого мало: «всѣ согласны въ томъ, что окончательный законъ о земельной реформѣ не можетъ быть выработанъ безъ большой подготовительной работы на мѣстахъ», а между тѣмъ «земельный вопросъ не только необычайно сложенъ и важенъ, но еще и неотложенъ». Считая себя, какъ членовъ трудовой группы, «посланными народомъ съ порученіемъ немедленно и безъ всякихъ задержекъ двинуть практически впередъ дѣло земельной реформы», подписавшіе заявленіе депутаты усматриваютъ для этого единственный способъ въ немедленномъ созданіи мѣстныхъ комитетовъ на изложенныхъ выше основаніяхъ. «Такого рода мѣра,—говорятъ они въ своемъ заявленіи, создала бы живѣйшее сотрудничество между думой и всѣмъ мѣстнымъ населеніемъ, укрѣпила бы еще болѣе связь со страною и создала бы новыя формы непосредственной моральной поддержки думы народомъ. Она облегчила бы положеніе депутатовъ, которые выбирались при крайне ненормальныхъ условіяхъ, исключавшихъ часто возможность достаточно полнаго знакомства съ истиннымъ отношеніемъ избирателей къ вопросу о земельной реформѣ. Она ускорила бы ходъ работъ самой думы и дала бы нравственное удовлетвореніе населенію, призвавъ его къ практической работѣ по подготовкѣ земельной реформы. Она, наконецъ, устранила бы возможность подрывать довѣріе къ думѣ указаніемъ на безрезультатность и продолжительность преній ея по этому вопросу и тѣмъ обезоружила бы всякія попытки администраціи при помощи всякихъ мелкихъ подачекъ крестьянамъ подрывать болѣе долгую, но и болѣе плодотворную работу думы». Устами одного изъ своихъ лидеровъ, А. Ф. Аладьина, трудовая группа настаивала на необходимости привлечь къ непосредственному участію въ выработкѣ началъ аграрной реформы «самъ народъ, который всего больше въ этомъ заинтересованъ»; она высказывала убѣжденіе, что «крестьяне, которыхъ мы хотимъ вызвать къ жизни, встанутъ на нашу точку зрѣнія» въ такихъ вопросахъ, какъ оцѣнка земель для прину-

дительнаго отчужденія, что «если поднимется вопросъ о землѣ на мѣстахъ, если комитеты возьмутъ его въ собственныя руки, то не будетъ той власти, которая могла бы остановить эту работу или рѣшилась бы ее остановить»...; она высказывала глубокое убѣжденіе, что «если государственная дума не привлечетъ къ разрѣшенію земельнаго вопроса весь народъ, если не доведетъ до свѣдѣнія народа, что земельный вопросъ вступаетъ въ стадію не канцелярскихъ работъ, а дѣйствительнаго разрѣшенія, то черезъ два-три мѣсяца народъ перестанетъ вѣрить государственной думѣ и выйдетъ изъ подъ ея контроля».

Нетрудно видѣть, что такая постановка вопроса, при которой учрежденіе комитетовъ, говоря словами того-же депутата Аладьина, являлось лишь средствомъ «привести русскій народъ въ то движеніе, которое остановить невозможно», средствомъ передать разрѣшеніе земельнаго вопроса изъ рукъ думы въ руки мѣстныхъ комитетовъ, была непріемлемою для всѣхъ партій и группъ, стоявшихъ на конституціонной точкѣ зрѣнія и желавшихъ видѣть если не въ первой, то въ какой-нибудь другой, болѣе правильнымъ способомъ избранной думѣ, единственнаго полномочнаго выразителя воли народа. Устами, главнымъ образомъ, Ѳ. Ѳ. Кокошкина, партія народной свободы подвергла предложеніе о немедленномъ образованіи комиссій всесторонней критикѣ; она доказала, что постановка этого вопроса не дастъ никакого ускоренія дѣла, такъ какъ законопроектъ о комитетахъ долженъ пройти всѣ тѣ же инстанціи, какъ и главныя основанія земельной реформы, и такъ какъ притомъ самая разработка такого законопроекта, связанная съ выработкою избирательнаго закона по четырехчленной формулѣ, едва ли не сложнѣе и не труднѣе, чѣмъ выработка этихъ главныхъ основаній. Она выяснила, что изъ тѣхъ двухъ задачъ, которыя, по мысли трудовой группы, должны были бы быть возложены на мѣстные комитеты, одна, чисто техническая,—именно собираніе необходимыхъ статистическихъ и т. п. свѣдѣній,—вовсе не можетъ быть возложена на такіе комитеты, а должна быть выполнена лицами и учрежденіями съ соотвѣтственною организаціею и техническою подготовкой. Что касается до другой задачи,—обсужденія самыхъ основъ земельной реформы, то выполненіе ея комитетами, параллельно съ обсужденіемъ тѣхъ же основъ государственною думой, могло бы привести только къ столкновеніямъ и недоразумѣніямъ: одно изъ двухъ—либо дума, какъ проектируетъ партія народной свободы, должна выработать общія основанія земельной реформы

и передать комитетамъ ихъ ближайшую разработку, либо она должна передать на мѣста и обсужденіе общихъ основаній; но въ такомъ случаѣ, «разъ мы серьезно создаемъ совѣщательные органы, то должны отнестись къ нимъ серьезно и не можемъ обсуждать аграрный вопросъ по существу, а должны прекратить его обсужденіе и выждать заключеній этихъ комитетовъ», откуда, конечно, проистекло бы не ускореніе, а значительное замедленіе общаго хода аграрной реформы.

До голосованія обнаружившагося разногласія дѣло не дошло. Депутатъ Аладьинъ, отъ имени «если не всѣхъ товарищей трудовой группы, то, по крайней мѣрѣ, отъ части этой группы», присоединился къ представителямъ партіи народной свободы, высказавшимся за передачу записки въ общую комиссію по аграрному вопросу,—иными словами, отказался отъ мысли о немедленномъ образованіи комитетовъ, мотивируя свое согласіе на передачу невозможностью расчитывать на побѣду «въ спорѣ на голоса», при полной возможности помощью «сильныхъ аргументовъ» побѣдить въ спорѣ о томъ, нужны или не нужны комитеты.

Какъ бы то ни было, 5 іюня окончились общія пренія по аграрному вопросу, а 7 іюня началось обсужденіе его въ избранной 6 числа аграрной комиссіи и въ ея подкомиссіяхъ.

По первоначальному предположенію лицъ, подписавшихъ записку 42-хъ, аграрная комиссія должна была составиться въ числѣ 33-хъ членовъ. Но въ самомъ же началѣ преній «по вопросу о направленіи» выяснилось, что комиссія такого состава не могла бы включить въ себя представителей всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ теченій и оттѣнковъ и, что особенно—важно, всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ мѣстныхъ группъ, которыя обозначились въ составѣ государственной думы. Изъ цѣлаго ряда предложеній, имѣвшихъ цѣлью обезпечить представительство въ комиссіи всѣхъ идейныхъ и территоріальныхъ группъ, было принято предложеніе проф. Петражицкаго, и комиссія была образована въ составѣ, первоначально, 88 членовъ, къ которымъ потомъ присоединялись новые, по мѣрѣ пріѣзда представителей отъ болѣе отдаленныхъ окраинъ, причемъ члены комиссіи избирались по способу пропорціональнаго представительства, относительнымъ большинствомъ голосовъ. При такомъ способѣ избранія, каждая группа изъ пяти членовъ думы могла делегировать отъ себя въ комиссію одного члена; каждая же болѣе многочисленная партія или группа могла быть представлена такимъ числомъ членовъ комиссіи, какое получалось дѣленіемъ на

пять общей численности этой партіи или группы. Такимъ образомъ, комиссія оказалась, какъ и слѣдовало, «думой въ миніатюрѣ»; въ нее вошли представители всѣхъ партій или группъ, всѣхъ оттѣнковъ и всѣхъ мѣстностей, причемъ распредѣленіе первоначальнаго состава комиссіи по главнѣйшимъ фракціямъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

партіи народной свободы . . .	41
трудовой группы	25
польскаго коло	6
партіи демократическихъ реформъ	1
прогрессистовъ	4
сѣверо и юго-западной группы	4
безпартійныхъ	7

Этотъ же принципъ пропорціональнаго представительства—скажемъ здѣсь же—комиссія примѣнила при формированіи своихъ подкомиссій, причемъ, напримѣръ, въ подкомиссію общихъ вопросовъ вошло: отъ партіи народной свободы 6, отъ трудовой группы 4, отъ безпартійныхъ 2, отъ партіи демократическихъ реформъ, отъ прогрессистовъ и польскаго коло по одному члену. Изъ состава партіи народной свободы были выбраны предсѣдатель комиссіи А. А. Мухановъ и секретарь ея А. С. Медвѣдевъ, и, какъ мы увидимъ ниже, предсѣдатели всѣхъ подкомиссій; иначе сказать, партія народной свободы поставила главную рабочую силу комиссіи и подкомиссій, гдѣ должна была сосредоточиться и дѣйствительно сосредоточилась настоящая думская работа.

Въ первомъ же своемъ засѣданіи комиссія, прежде всего, должна была разрѣшить рядъ вопросовъ, на первый взглядъ второстепеннаго значенія, отъ разрѣшенія которыхъ, однако, въ значительной мѣрѣ зависѣлъ дальнѣйшій ходъ и характеръ работъ комиссіи: возбужденный деп. Аладьинымъ вопросъ о стенографированіи отчетовъ о засѣданіяхъ комиссіи и поднятый другимъ видным представителемъ трудовой группы, Заболотнымъ, вопросъ о допущеніи въ засѣданія комиссіи представителей печати. Второй вопросъ былъ разрѣшенъ комиссіей отрицательно, и это рѣшеніе мотивировано въ протоколѣ формальнымъ доводомъ—ссылкой на § 42 учрежденія государственной думы, исключающій публичность засѣданій думскихъ комиссій; стенографовъ признано желательнымъ приглашать, но лишь «начиная съ засѣданій, когда будутъ вноситься заключенія подкомиссій». Въ оффиціальныхъ протоколахъ не осталось слѣда отъ третьяго предложенія, исходившаго также изъ трудовой группы, о которомъ мы

узнаемъ изъ одной изъ статей покойнаго М. Я. Герценштейна: «сдѣлать засѣданія публичными, чтобы всѣ могли контролировать, какъ ведутъ себя члены комиссіи». Предложеніе это, очевидно, не было доведено его иниціаторами до оффиціальной баллотировки, на которой оно, конечно, было бы отклонено: «какъ совершенно вѣрно было указано, замѣчаетъ по этому поводу Герценштейнъ, комиссія тогда превратилась бы въ митингъ, на которомъ было бы много рѣчей, но дѣло было бы совершенно забыто» [1])..

Конечно, и составъ комиссіи въ 90—100 человѣкъ былъ слишкомъ многочисленъ для того, чтобы она могла работать безъ предварительно подготовляемаго и обсуждаемаго, въ менѣе многочисленномъ составѣ, матеріала. Залогомъ успѣха дѣятельности комиссіи было цѣлесообразное распредѣленіе этой подготовительной работы между подкомиссіями. Во второмъ засѣданіи комиссіи, когда послѣдняя, собственно, приступила къ организаціи своихъ работъ, было сдѣлано, въ этомъ направленіи, не мало предложеній. Изъ нихъ принято предложеніе А. Ф. Аладьина и образована, на первый разъ, одна подкомиссія, подъ предсѣдательствомъ М. Я. Герценштейна, «для выработки плана работъ комиссіи», о которой я уже упоминалъ. При первомъ же приступѣ къ исполненію возложеннаго на нее порученія, подкомиссія убѣдилась въ томъ, что планъ работъ комиссіи стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ тѣми принципами аграрной реформы, которые она положитъ въ основу этихъ работъ, и что поэтому обсужденіе одного невозможно безъ обсужденія другого. «Подкомиссія—читаемъ мы въ III-мъ протоколѣ аграрной комиссіи—приступивъ къ выработкѣ плана работъ аграрной комиссіи, признала необходимымъ коснуться и основныхъ началъ аграрной реформы», и аграрная комиссія, одобривъ такое направленіе ея работъ, продолжила ея полномочія.

Чтобы намѣтить путь для дальнѣйшихъ занятій комиссіи, подкомиссія сначала, по предложенію также А. Ф. Аладьина, попыталась сдѣлать сводку общихъ положеній, содержащихся какъ въ запискахъ 42 и 104-хъ, такъ и въ только что появившейся программѣ «прогрессивной» партіи, вслѣдъ затѣмъ переименовавшейся въ партію мирнаго обновленія. Оказалось однако, что «въ большинствѣ пунктовъ онѣ совершенно между собой расходятся, и сдѣлать сводку ихъ представляется невозможнымъ». Тогда подкомиссія—читаемъ мы дальше въ томъ же III протоколѣ аграрной комиссіи—«пошла нѣ-

[1]) I.—№ 155.

сколько инымъ путемъ и, принимая во вниманіе, что такъ называемый аграрный вопросъ состоитъ изъ цѣлаго ряда вопросовъ, попыталась выдѣлить важнѣйшіе изъ нихъ. Первымъ такимъ вопросомъ являлся вопросъ о расширеніи землепользованія трудового крестьянскаго населенія. Конечно,—полагала подкоммисія,—однимъ дополнительнымъ надѣленіемъ разрѣшить аграрнаго вопроса нельзя, но необходимо начать именно съ расширенія землепользованія, такъ какъ безъ него дальнѣйшее проведеніе аграрной реформы невозможно. Въ сложной аграрной реформѣ безъ сношенія съ мѣстными учрежденіями, гдѣ были бы представлены и помѣщичьи, и крестьянскіе интересы, обойтись нельзя,—потому прежде всего необходимо выработать основанія организаціи мѣстныхъ комитетовъ; этимъ комитетамъ необходимо дать общія указанія, чтобы они не дѣйствовали въ разбродъ. Одно изъ основныхъ началъ аграрной реформы—неизбѣжность принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель—предрѣшено уже государственной думой въ отвѣтномъ адресѣ государю»... Считая принципъ этотъ поставленнымъ, и теперь уже прочно, подкомиссія остановила свое вниманіе на предѣлахъ отчужденія и намѣтила рядъ общихъ положеній, которыя и явились предметомъ дальнѣйшаго обсужденія въ самой подкомиссіи и, въ переработанномъ и, въ предѣлахъ возможности, согласованномъ видѣ, вносились на разсмотрѣніе пленарныхъ собраній аграрной комиссіи. Положенія эти сводились къ перечню, съ одной стороны, категорій земель, безусловно не подлежащихъ принудительному отчужденію, и, съ другой,—категорій земель, безусловно такому отчужденію подлежащихъ. По срединѣ оставалась значительная масса частновладѣльческихъ земель, именно такія, которыя, будучи эксплоатируемы за собственный счетъ владѣльцевъ, не подходятъ однако ни подъ одну изъ категорій земель, безусловно изъемлемыхъ отъ принудительнаго отчужденія. Вопросъ объ этихъ земляхъ возбудилъ въ подкомиссіи серьезныя сомнѣнія и разногласія. Говорить о нихъ по существу намъ придется гораздо дальше,—здѣсь достаточно упомянуть о томъ, что по этому вопросу «подкомиссія не могла придти къ окончательному выводу, за отсутствіемъ твердо установленныхъ данныхъ». Такіе спорные вопросы—совершенно цѣлесообразно рѣшила подкомиссія—могутъ рѣшать только мѣстные комитеты.

Само собою разумѣется, что отъ правильности и цѣлесообразности того общаго плана земельной реформы, который былъ намѣченъ подкомиссіей и который—считаю нелишнимъ замѣтить—

совершенно совпадалъ, въ существѣ, съ тѣмъ общимъ планомъ, который намѣчался на съѣздахъ и совѣщаніяхъ партіи народной свободы, зависѣла, въ значительной мѣрѣ, и вся судьба этой реформы. Поэтому я рискну злоупотребить вниманіемъ читателя и, въ дополненіе къ приведеннымъ выдержкамъ изъ протокола аграрной комиссіи привести довольно длинный отрывокъ изъ напечатанной въ «Вѣстникѣ партіи народной свободы» [1]) статьи одного изъ ближайшихъ и самыхъ видныхъ участниковъ какъ предварительной партійной работы, такъ и работы въ подкомиссіи, В. Е. Якушкина. «Подъ руководствомъ М. Я. Герценштейна, — пишетъ г. Якушкинъ, — былъ выработанъ такой планъ занятій, принятый комиссіей. При современномъ положеніи нашей земельной статистики и при современной постановкѣ свѣдѣній о земельныхъ отношеніяхъ и земельной нуждѣ отдѣльныхъ мѣстностей невозможно немедленно же составить полный, исчерпывающій всѣ условія, земельный законъ. Для выработки всѣхъ его подробностей, для согласованія его съ существенными мѣстными особенностями необходимо произвести серьезныя подготовительныя работы на мѣстахъ. Но это вовсе не значитъ, что весь вопросъ долженъ быть отложенъ, что никакого закона не нужно издавать, а только организовать пока должнымъ образомъ мѣстныя изслѣдованія по земельному дѣлу. Во-первыхъ, при томъ аграрномъ движеніи, которое охватило почти всѣ губерніи и во многихъ мѣстахъ приняло такія рѣзкія формы, представлялось невозможнымъ медлить: для того, чтобы остановить аграрные безпорядки, для того, чтобы предупредить ихъ распространеніе и расширеніе, для того, чтобы народъ съ увѣренностью ждалъ законнаго проведенія земельной реформы, онъ долженъ знать, что реформа начата и что она направлена дѣйствительно къ устраненію его земельной нужды; во вторыхъ, самыя мѣстныя изслѣдованія не могутъ быть цѣлесообразно поставлены и плодотворно, успѣшно произведены, если въ основу ихъ не будутъ положены главныя положенія земельной реформы. Такимъ образомъ, задача земельнаго законодательства сама собою распадалась на двѣ части, и все дѣло представлялось въ такомъ видѣ: сначала долженъ быть изданъ законъ, содержащій основныя положенія реформы; одновременно съ нимъ необходимо издать законъ о мѣстныхъ земельныхъ учрежденіяхъ, которыя, имѣя въ виду основныя положенія, уже уста-

[1]) „Вѣстн. парт. нар. своб.“, № 21, 22, стр. 1287—1288.

новленныя въ законѣ, должны выяснить на мѣстѣ земельный вопросъ въ полномъ его объемѣ, подготовить всѣ нужные матеріалы, свѣдѣнія, мѣстные отзывы и пожеланія; для руководства мѣстнымъ земельнымъ учрежденіямъ должна быть издана подробная инструкція, въ развитіе общихъ положеній закона. Послѣ того, какъ съ мѣстъ, черезъ установленныя земельныя учрежденія, будутъ получены всѣ нужныя данныя, можно будетъ приступить къ окончательному установленію въ законѣ всѣхъ подробностей земельной реформы и затѣмъ къ ея осуществленію въ жизни; на основаніи данныхъ, доставленныхъ съ мѣстъ, законъ внесетъ необходимыя отличія въ мѣстныя положенія о земельномъ устройствѣ, а самое проведеніе въ жизнь реформы будетъ поручено опять-таки мѣстнымъ силамъ, мѣстнымъ землеустроительнымъ учрежденіямъ, съ опредѣленною самостоятельностью, съ широкими полномочіями».

Въ зависимости отъ такой общей постановки дѣла разрѣшался и вопросъ о внутренней организаціи работъ самой аграрной комиссіи. Наряду съ подкомиссіей М. Я. Герценштейна, взявшей на себя, какъ я уже упоминалъ, выработку общихъ положеній основного земельнаго закона, являлась, по схемѣ этой подкомиссіи, необходимость образовать: 1) «подкомиссію объ организаціи мѣстныхъ комитетовъ; въ эту подкомиссію, въ виду разнохарактерныхъ въ Россіи земельныхъ отношеній, необходимо пригласить всѣхъ представителей окраинъ; подкомиссія эта будетъ работать параллельно съ другими, получая отъ общей комиссіи общія основанія, по мѣрѣ ихъ выясненія и установленія. Принудительное отчужденіе — полагала дальше подкомиссія, — требуетъ для своего проведенія въ жизнь извѣстнаго времени. Между тѣмъ, сельское населеніе нуждается въ немедленномъ улучшеніи своего положенія и, между прочимъ, въ прекращеніи злоупотребленій на почвѣ арендныхъ отношеній. Временное регулированіе аренды не устраняетъ и не замедляетъ принудительнаго отчужденія, — а потому предлагалось образовать вторую подкомиссію для временнаго регулированія арендныхъ отношеній»; и, наконецъ, «необходимость дать законную защиту сельскохозяйственнымъ рабочимъ побуждала предложить третью подкомиссію о пересмотрѣ правилъ о наймѣ сельскохозяйственныхъ рабочихъ». Эти предложенія были приняты аграрной комиссіей, но послѣднія двѣ комиссіи было рѣшено соединить въ одну, и, такимъ образомъ, наряду съ комиссіей общихъ вопросовъ, были образованы: комиссія о мѣстныхъ комитетахъ, подъ предсѣдательствомъ В. П. Обнинскаго, и комиссія о наймѣ с.-х. рабочихъ

и о временномъ регулированіи аренды, подъ предсѣдательствомъ кн. Г. Е. Львова [1]).

Конечно, центръ тяжести работъ аграрной комиссіи долженъ былъ, на ближайшее время, сосредоточиться въ подкомиссіи общихъ вопросовъ, — и ясно, какъ трудна была ея задача, при разнообразіи направленій и теченій, представленныхъ и въ комиссіи, и въ подкомиссіи. «При такомъ разнообразномъ составѣ комиссіи и ея подкомиссій», — пишетъ В. Е. Якушкинъ въ той же статьѣ, — масса труда и усилій затрачивалась «на высказываніе разныхъ, иногда противоположныхъ взглядовъ, на установленіе возможнаго между ними соглашенія; но это подробное обсужденіе вопросовъ приводило къ ихъ большему выясненію, къ достиженію — гдѣ было возможно — соглашенія или хотя бы взаимнаго пониманія; вопросы обсуждались медленнѣе, рѣшеніе устанавливалось труднѣе, но зато дѣло было устанавливаемо основательнѣе, прочнѣе, и при этомъ было очевидно, что часть тренія, которое преодолѣно въ комиссіи или въ подкомиссіи, уже не возобновится при обсужденіи въ думѣ» [2]). Сказанное относится въ одинаковой степени и къ комиссіи, и къ подкомиссіямъ, въ особенности же — къ подкомиссіи общихъ вопросовъ, гдѣ происходило, такъ сказать, первое столкновеніе взглядовъ и мнѣній, которыя уже затѣмъ, въ выясненномъ и возможно согласованномъ видѣ, переходили на обсужденіе пленарнаго состава комиссіи. Какъ много было сдѣлано въ этомъ отношеніи, подкомиссіей общихъ вопросовъ, — видно хотя бы изъ того, что всѣ тѣ пункты общихъ положеній, которые подкомиссія успѣла разсмотрѣть, были приняты комиссіей, за немногими и несущественными измѣненіями, въ томъ самомъ видѣ, какъ они были предложены подкомиссіей. И въ этомъ, несомнѣнно, громадная заслуга предсѣдателя подкомиссіи, покойнаго М. Я. Герценштейна. По свидѣтельству того же В. Е. Якушкина, «Герценштейнъ блестяще справился съ выпавшею на него задачей: онъ вполнѣ оправдалъ увѣренность въ немъ тѣхъ, кто стоялъ за избраніе его предсѣдателемъ подкомиссіи. Можно было только удивляться той спокойной энергіи, тому неустанному вниманію, тому запасу знаній, тому умѣнью ставить вопросы для обсужденія, отсѣкая все второстепенное, всѣмъ тѣмъ качествамъ, которыя проявилъ предсѣдатель аграрной подкомиссіи», — и «его трудъ былъ вознагражденъ блестящими результатами. Герценштейнъ нерѣдко успѣвалъ достигнуть въ подкомиссіи едино-

[1]) III.

[2]) Тамъ же, стр. 1286.

гласія: онъ устранялъ изъ обсужденія подробности, не представляющія существенной важности, но заключавшія въ себѣ поводы для разногласій и споровъ; онъ замѣнялъ одни термины другими, устанавливалъ порядокъ изложенія, выдвигая впередъ менѣе трудные, менѣе спорные пункты; послѣ извѣстнаго соглашенія по этимъ пунктамъ и болѣе важные предметы спора разрѣшались легче, скорѣе» [1]). И въ то же время Герценштейнъ «умѣлъ вводить вопросъ въ предѣлы его обсужденія», иначе сказать — умѣлъ придать послѣднему строго-дѣловой, конечно, не исключающій строгой принципіальности, но устраняющій фразу и реторику, характеръ.

Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, работа какъ всѣхъ, вообще, подкомиссій, такъ и пленарныхъ собраній аграрной комиссіи, очень отличалась отъ общихъ думскихъ преній по аграрному вопросу,—чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно пробѣжать хотя бы протоколы пленарныхъ засѣданій: въ думѣ, какъ мы знаемъ, очень многіе говорили не для думы, а черезъ думу,—говорили, чтобы пропагандировать свои взгляды въ странѣ, чтобы оповѣстить своихъ избирателей о добросовѣстномъ исполненіи принятаго на себя долга. Въ комиссіи, а тѣмъ болѣе въ подкомиссіяхъ, не было ни публики, ни представителей печати—говорить приходилось не для страны, а исключительно для самой комиссіи, и потому говорили лишь то, что дѣйствительно требовалось для выясненія вопроса; въ комиссіи не говорилось рѣчей, а происходило обсужденіе опредѣленныхъ вопросовъ, отличавшееся спокойнымъ и строго-дѣловымъ характеромъ. Недаромъ покойный М. Я. Герценштейнъ въ посмертной статьѣ, написанной уже послѣ роспуска думы, констатируетъ, что тѣ, кто нападали на думу за иногда, можетъ быть, излишнюю страстность раздававшихся въ ней рѣчей, «ни словомъ не обмолвились относительно того, что дѣлалось въ думскихъ комиссіяхъ» и, въ частности, въ аграрной: «если бы они потрудились ознакомиться съ ходомъ работъ въ главнѣйшихъ комиссіяхъ,—а самою главною изъ нихъ была, конечно, аграрная, — они легко убѣдились бы въ томъ, что дума была очень далека отъ того, что ей приписывали» [2]).

Аграрная комиссія существовала, какъ знаетъ читатель, ровно мѣсяцъ, причемъ, собираясь регулярно два раза въ недѣлю, въ дни, свободные отъ думскихъ засѣданій, имѣла всего 9 засѣданій; съ того времени, какъ сформировались подкомиссіи, первая половина каждаго комиссіоннаго дня отводилась засѣданіямъ подкомиссій, вто-

[1]) № 187; см. № 158.

[2]) № 189.

рая, послѣ перерыва въ полчаса, пленарнымъ засѣданіямъ комиссіи. За мѣсяцъ комиссія успѣла разсмотрѣть рядъ общихъ положеній, выработанныхъ подкомиссіею общихъ вопросовъ; сверхъ того, подкомиссіею былъ выработанъ и подготовленъ для разсмотрѣнія въ комиссіи рядъ дальнѣйшихъ положеній. А какъ видно изъ уже неоднократно цитированной статьи В. Е. Якушкина, подкомиссія общихъ вопросовъ успѣла подвергнуть обсужденію еще и рядъ дальнѣйшихъ положеній, которымъ она только не успѣла дать окончательной формулировки, и такимъ образомъ частью черезъ комиссію, частью черезъ подкомиссію успѣла пройти большая часть основныхъ положеній реформы; неразсмотрѣнными остались еще только два пункта: объ условіяхъ оцѣнки отчуждаемыхъ земель и объ основаніяхъ связанной съ отчужденіемъ финансовой операціи. Изъ остальныхъ двухъ подкомиссій подкомиссія о мѣстныхъ комитетахъ не вышла изъ стадіи предварительнаго обсужденія основаній организаціи комитетовъ,—что и вполнѣ естественно, потому что окончательная выработка ихъ требовала предварительнаго установленія основныхъ началъ самой земельной реформы. Подкомиссія же о рабочемъ наймѣ и о временномъ урегулированіи аренды, при участіи приглашеннаго къ участію въ ея занятіяхъ проф. А. А. Мануилова, въ настоящее время перваго знатока аренднаго вопроса, успѣла выработать проектъ правилъ о временномъ фиксированіи аренды и объ урегулированіи арендныхъ цѣнъ, который, однако, не былъ разсмотрѣнъ аграрной комиссіей.

Разсуждая количественно, результаты усиленной работы аграрной комиссіи и ея подкомиссій были невелики. Но если вспомнить прежде всего, что имъ приходилось исполнять не только функціи законодательнаго учрежденія, но и обязанности, которыя, при нормальномъ порядкѣ вещей, лежали бы на министерствѣ; иначе сказать, что имъ приходилось не критиковать готовые проекты, а заниматься и самимъ ихъ составленіемъ; если вспомнить, въ особенности, о крайней трудности вопроса и о чрезвычайномъ разнообразіи взглядовъ и теченій, равнодѣйствующую которыхъ должно было подвести комиссіонное обсужденіе, то работу комиссіи и подкомиссій нельзя не признать чрезвычайно плодотворною.

Въ послѣднихъ засѣданіяхъ аграрной комиссіи вниманіе ея было отвлечено исполненіемъ тяжелой обязанности—составленіемъ и обсужденіемъ отвѣта на правительственное сообщеніе по аграрному вопросу.

Собственно говоря, ни это правительственное сообщеніе, ни тѣмъ болѣе все, что изъ него вытекло, не относится прямо къ предмету

настоящаго очерка. Я поэтому лишь въ самыхъ краткихъ чертахъ коснусь этого, какъ оказалось, послѣдняго момента краткой, но богатой содержаніемъ исторіи первой русской государственной думы.

Я не буду, конечно, излагать здѣсь содержанія правительственнаго сообщенія—оно достаточно извѣстно. Первымъ отзвукомъ его было заявленіе о запросѣ, подписанное 116 членами думы, кажется, безъ различія партій. Авторы заявленія констатировали, прежде всего, неконституціонность сообщенія: «въ виду того, что министерству принадлежитъ лишь исполнительная власть, почему оно можетъ обращаться къ населенію лишь по поводу и на основаніи уже обнародованныхъ законовъ; что тѣмъ болѣе ему не предоставляется права обращенія къ населенію съ критикой предположеній законодательной власти, и что министерство отнюдь не можетъ претендовать на исключительное единеніе съ верховною властью послѣ учрежденія государственной думы и отождествляетъ себя съ правительствомъ,—«означенное сообщеніе является актомъ незакономѣрнымъ». Но еще гораздо важнѣе было, конечно, существо дѣла. Министерство «предало широкому оглашенію основы аграрной реформы, находящіяся въ полномъ и явномъ противорѣчіи съ заявленными государственною думою предположеніями и, не ограничившись этимъ, въ заключительной части своего сообщенія, подвергло провозглашенныя думой начала искаженію и критикѣ, въ оффиціальномъ документѣ трудно допустимымъ». Предположенія министерства—говорятъ далѣе авторы заявленія,—о томъ, что прибавленіе земли крестьянамъ можетъ ихъ разорить..., а равно предостереженія о якобы грядущемъ отнятіи у крестьянъ ихъ земель и отчужденіи всей земли въ пользу государства, являясь, съ одной стороны, совершенно произвольными,—съ другой, имѣютъ нескрываемую цѣль опорочить въ глазахъ населенія работу государственной думы», тогда какъ такія вещи, какъ указанія, наряду съ передачей крестьянамъ казенныхъ земель, на покупку добровольно предлагаемыхъ частновладѣльческихъ земель, «могутъ породить сомнѣніе въ твердости установленнаго думою начала принудительнаго отчужденія такихъ земель въ пользу крестьянъ»; и въ конечномъ результатѣ «сообщеніе министерства, помимо своей незакономѣрности съ формальной стороны, можетъ, при современномъ положеніи государства, повести лишь къ обостренію земельныхъ отношеній». Въ резолютивной части авторы запроса требовали опроверженія самимъ министерствомъ правительственнаго сообщенія и распоряженія «о томъ, чтобы подобные акты болѣе не повторялись».

Иначе ставился вопросъ при обсужденіи заявленія думою засѣданіи 26 іюня. Изъ преній выяснилось, что правительствен сообщеніе не только «можетъ повести къ обостренію аграрн отношеній», но что оно, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, уже вызв новый взрывъ аграрныхъ безпорядковъ; что населеніе, терпѣл ожидавшее разрѣшенія аграрнаго вопроса государственною ду начало терять терпѣніе, когда министерство, въ сообщеніи свое открыто заявило: «пусть государственная дума говоритъ, что угодно, а рѣшеніе земельной нужды придетъ къ вамъ, но только отъ государственной думы» (Кузьминъ-Караваевъ), и лишній р подчеркнуло «совершенную, съ его точки зрѣнія, недопустимость» т принциповъ аграрной реформы, на которые народъ возложилъ свои надежды. И для всѣхъ или почти для всѣхъ стало ясно, единственно-дѣйствительный способъ «противодѣйствія тѣмъ бе печно вреднымъ послѣдствіямъ, которыя, несомнѣнно, могутъ п истечь отъ распубликованія правительственнаго сообщенія», распубликованіе контръ-сообщенія отъ лица государственной ду способнаго разсѣять ту смуту, которая была посѣяна правительст нымъ сообщеніемъ.

По предложенію А. А. Муханова, аграрной комиссіи было ручено выработать «своего рода обращеніе къ странѣ», способ парализовать дѣйствіе правительственнаго сообщенія.

Я совершенно не буду излагать послѣдующей исторіи выра таннаго комиссіею проекта обращенія. Достаточно напомнить, документъ этотъ, послужившій, повидимому, ближайшимъ повод для роспуска думы, явился вмѣстѣ съ тѣмъ поводомъ для откры раскола между двумя вліятельными думскими группами—трудово польскимъ коломъ, и партіей народной свободы. Въ обращеніи, как томъ первоначальномъ видѣ, въ какомъ оно вышло изъ аграрной миссіи, такъ и въ переработанной фракціею народной свободы ре ціи, подробно излагалась исторія конфликта думы съ министерств выражалась твердая рѣшимость думы не отступать отъ тѣхъ о ваній новаго земельнаго закона, которыя были выражены ещ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь, и отклонять всѣ предложе съ ними несогласованныя, и вмѣстѣ съ тѣмъ выражалась наде что «разъясненіе истиннаго положенія вопроса о земельномъ конѣ дастъ населенію возможность спокойно и мирно ждать о чанія работъ по изданію земельнаго закона». Соціалъ-демок голосовали противъ такого обращенія, мотивируя это тѣмъ, текстъ его «сводится къ укору народа и призыву его къ спо

ствію, а не къ обличенію тѣхъ правительственныхъ насильниковъ, которые сдѣлали думу безсильною». Трудовая группа отказалась отъ участія въ голосованіи, исходя изъ того соображенія, что «государственная дума сильна лишь могучею поддержкою народа и не можетъ взять на себя призыва къ мирному и спокойному ожиданію окончанія работъ, въ виду все еще продолжающагося безнаказаннаго произвола и насилія со стороны властей; что, напротивъ того, дума должна сосредоточить вокругъ себя сочувствіе всего населенія и особенно подчеркнуть свою надежду на помощь и поддержку организованнаго народа». Польское коло воздержалось отъ голосованія послѣ того, какъ партія народной свободы отказалась принять предложенную отъ его имени поправку, подчеркивавшую, что земельная реформа будетъ примѣнена «согласно съ мѣстными условіями, по волѣ мѣстнаго населенія». Смыслъ заявленій соціалъ-демократовъ и трудовой группы достаточно ясенъ—значеніе поправки, предложенной польскимъ коло, и мотивы ея отклоненія будутъ выяснены въ дальнѣйшемъ изложеніи» [1]).

9 іюля первая русская государственная дума была распущена.

II.

Характеристика главнѣйшихъ думскихъ партій и теченій.—„Думская правая".—„Аристократическое" теченіе.—Партія прогрессистовъ.—Партія демократическихъ реформъ.—Крайняя лѣвая.—Трудовая группа.—Безпартійные крестьяне.—Партія народной свободы. — Автономистическія теченія вообще; прибалтійская группа; польское коло, сѣверо- и юго-западная группа.

На предыдущихъ страницахъ я представилъ то, что можно назвать внѣшнею исторіею аграрнаго вопроса въ государственной думѣ. Теперь я перехожу къ внутренней его исторіи и прежде всего постараюсь охарактеризовать тѣ главнѣйшія теченія, которыя обозначались въ средѣ государственной думы и равнодѣйствующую которыхъ долженъ былъ подвести вырабатывавшійся думскими комиссіями аграрный законъ.

Пробнымъ камнемъ, на которомъ опредѣляется отношеніе разныхъ партій и теченій къ предстоящей аграрной реформѣ, являлся вопросъ о принудительномъ отчужденіи. Если же принять за исходную точку отношеніе отдѣльныхъ группъ и партій къ вопросу о принудительномъ отчужденіи, то окажется, что въ составѣ думы почти не было такой группы или партіи, которую можно было

[1]) 1748—1754. №№ 173, 174, 175.

бы назвать крайнею правой. Принципіально-отрицательное отношеніе къ вопросу о принудительномъ отчужденіи нашло себѣ выраженіе исключительно въ рѣчахъ представителей правительства, встрѣтившихъ со стороны палаты такое рѣзкое и единодушное осужденіе. Люди, безусловно отрицательно относившіеся къ принципу принудительнаго отчужденія, конечно, были и въ составѣ думы—недаромъ весьма освѣдомленный хроникеръ «Русскихъ Вѣдомостей» говоритъ о группахъ, со стороны которыхъ «принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель встрѣчаетъ рѣзкій отпоръ»,—со стороны которыхъ «рѣчь идетъ не о предѣлахъ принудительнаго отчужденія, а о томъ, допустимо-ли оно вообще» [1]). Но если такое теченіе въ думѣ и существовало, то съ достаточною ясностью оно обнаружилось развѣ только среди нѣкоторыхъ изъ окраинныхъ, автономистскихъ группъ, о которыхъ намъ придется ниже говорить особо,—да и тутъ наличность его приходится не столько устанавливать на основаніи точнаго смысла говорившихся въ думѣ рѣчей, сколько выводить изъ сопоставленія разнообразныхъ, нерѣдко невѣсомыхъ данныхъ, въ томъ числѣ и классового состава, и предыдущей исторіи данной группы. Если же говорить пока только о представителяхъ коренной Россіи, то если среди нихъ и были «форменные аграріи», то они, очевидно, не рѣшались открыто выступать со своею profession de foi. При самомъ тщательномъ просмотрѣ стенографическихъ отчетовъ думы, я нашелъ только одну рѣчь, въ которой обнаружилось приблизительно такое отношеніе къ принципу принудительнаго отчужденія, какое выразилось въ правительственной декларації или въ рѣчахъ гг. Стишинскаго и Гурко. Это рѣчь рязанскаго депутата Ярцева, начинавшаяся съ категорическаго заявленія, что въ предположеніяхъ записки 42-хъ «получается своего рода насиліе надъ собственностью, съ чѣмъ согласиться никакъ невозможно. Государственная дума—говорилъ г. Ярцевъ—стремится къ свободѣ личности и не должна стремиться къ насилію надъ собственностью личности, а придумать что-либо другое»; принудительное отчужденіе рязанскій депутатъ допускаетъ «лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, гдѣ оно вызывается особыми исключительными обстоятельствами» [2]).

Безконечно далеко отъ такой точки зрѣнія стоитъ та группа, которую за время существованія думы привыкли называть «думскою правой», — не даромъ тѣ же «Русскія Вѣдомости» рѣзко

[1]) № 131.
[2]) 507

противопоставляютъ, напр., М. А. Стаховича «тѣмъ ораторамъ, которые, подъ видомъ критики внесенныхъ въ думу предположеній, въ сущности заботились только о сохраненіи своего привилегированнаго положенія и не шли ни на какія уступки». Еще во время преній по проекту адреса виднѣйшіе представители этой «правой» выступили съ категорическимъ признаніемъ принципа принудительнаго отчужденія, — и имена гр. Гейдена и М. А. Стаховича служатъ порукою тому, что заявленія ихъ выражали ихъ дѣйствительный взглядъ на дѣло. «Разъ уступка частной собственности,—заявилъ при обсужденіи адреса графъ Гейденъ,—въ пользу успокоенія страны является государственною необходимостью, то право частной собственности должно, разумѣется, уступить государственной необходимости, и это есть мѣра ни революціонная, ни насильственная,— это есть мѣра успокоенія страны, и потому я лично подамъ голосъ за то, чтобы не останавливаться передъ принятіемъ мѣры принудительнаго отчужденія». Съ неменьшею опредѣленностью виднѣйшіе представители «думской правой» высказались и во время общихъ преній. «Я категорически и не колеблясь—заявилъ М. А. Стаховичъ—стою за увеличеніе площади крестьянскаго землевладѣнія»; это «государственная необходимость», и состоитъ эта государственная необходимость «въ томъ, что для крестьянъ, по ихъ культурному и экономическому положенію», отвѣтственность за которое г. Стаховичъ возлагаетъ всецѣло на правящую бюрократію,—«безъ увеличенія основного капитала не доступна ни самодѣятельность, ни развитіе хозяйства». «Схема разрѣшенія аграрнаго вопроса—говорилъ со своей стороны гр. Гейденъ—безспорно должна заключаться въ томъ, что будетъ допускаться принудительное отчужденіе земли во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ инымъ путемъ нельзя разрѣшить земельнаго вопроса. Тѣ, которые опасаются, что это есть подрывъ священнаго права собственности, я думаю, ошибаются въ томъ отношеніи, что право собственности сложилось вѣдь историческимъ путемъ, при наличности тѣхъ или другихъ данныхъ въ той или другой мѣстности», что «всякое право устанавливается все-таки силой»; между тѣмъ, «государство обязано и можетъ ограждать слабаго отъ сильнаго и путемъ постепенныхъ законодательныхъ работъ устранять вредныя вліянія исторически сложившихся условій. Нѣтъ никакого сомнѣнія—восклицалъ графъ Гейденъ, что жители каждой мѣстности гораздо важнѣе для государства, чѣмъ сохраненіе крупной собственности»...

Я намѣренно остановился нѣсколько дольше, чѣмъ было бы

безусловно необходимо, на этой profession de foi «думской правой». Читатель видитъ, что провозглашеніе думою начала принудительнаго отчужденія отнюдь нельзя отнести—какъ хотѣлось бы правительству—насчетъ однихъ только принципіальныхъ революціонеровъ, къ которымъ, опять-таки, правительству такъ хотѣлось бы причислить и партію народной свободы. Я намѣренно подчеркнулъ и то, что рѣзко отрицательный взглядъ на принудительное отчужденіе, проводившійся кабинетомъ г. Горемыкина, не нашелъ себѣ защитниковъ—по крайней мѣрѣ откровенныхъ защитниковъ,—въ средѣ государственной думы. Пусть въ составѣ ея были «форменные аграріи»,—но разъ они не рѣшались даже выступить съ откровеннымъ изъявленіемъ своихъ мнѣній, то въ этомъ заключается самое полное и безусловное ихъ осужденіе.

Для «думской правой» рѣчь шла, именно, только «о предѣлахъ отчужденія», и въ этомъ отношеніи она существенно отличалась не только отъ лѣвыхъ партій, но и отъ того господствующаго теченія въ партіи народной свободы, которое нашло себѣ выраженіе въ проектѣ 42-хъ. «Думская правая» безусловно противъ такого толкованія принципа принудительнаго отчужденія, «которое будетъ имѣть въ виду уничтоженіе частной собственности вообще»; она возстаетъ противъ всякой такой постановки вопроса, которая исходитъ изъ мнѣнія, что «чѣмъ больше взять имущества, тѣмъ лучше». «Это—говорилъ гр. Гейденъ въ аграрной комиссіи—не правильный взглядъ, а только желаніе одной стороны; намъ необходимо удовлетворить не то или другое желаніе, а рѣшить, что слѣдуетъ сдѣлать ради государственной пользы для населенія, прилагающаго свой трудъ къ землѣ. Я отвергаю—продолжалъ гр. Гейденъ—что вся цѣль взять у однихъ и дать другимъ,—на эту точку зрѣнія не можетъ стать государственная дума, но она можетъ ограничить право собственности въ видахъ государственной цѣли, а именно, въ видахъ обезпеченія трудящагося сельскаго населенія». Стоя на этой точкѣ зрѣнія, представители «думской правой» еще при обсужденіи проекта адреса высказывались противъ включеннаго въ этотъ проектъ и вошедшаго въ адресъ точнаго и опредѣленнаго указанія на «отчужденіе частновладѣльческихъ земель»,—формулировка, по ихъ мнѣнію, «не указывающая никакихъ предѣловъ этого отчужденія», и предлагали съ своей стороны такія формулировки, которыя «не предрѣшали никакого вопроса», не вели за собой «уничтоженія частной собственности», а ограничивали принудительное отчужденіе предѣлами дѣйствительной необходимости. И позже, во время об-

щихъ преній въ думѣ и при комиссіонномъ обсужденіи, представители «думской правой» высказываются за принудительное отчужденіе лишь «во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ инымъ путемъ нельзя разрѣшить земельнаго вопроса», и лишь постольку, «поскольку оно мирится съ производительностью земли при переходѣ ея изъ однихъ рукъ въ другія.

Другая характерная черта «думской правой», поскольку таковая представлена гр. Гейденомъ, М. А. Стаховичемъ и др., — это безусловно отрицательное отношеніе къ отводу земли на правѣ пользованія и категорическое требованіе, чтобы земля предоставлялась крестьянамъ непремѣнно въ собственность: «установленіе мелкой личной собственности»—это второе «главное начало» земельной реформы, которое гр. Гейденъ ставитъ рядомъ съ принципомъ принудительнаго отчужденія и которому онъ придаетъ, значитъ, столь же важное значеніе,—и съ этимъ тѣсно связывается отрицательное отношеніе къ принципу права на землю. «Право на землю—говорилъ гр. Гейденъ въ подкомиссіи общихъ вопросовъ, это фантазія, которая неосуществима. Землю нельзя приравнивать воздуху и водѣ—живутъ люди безъ земли и иногда лучше, чѣмъ на землѣ. Установить право на землю—значитъ дать человѣку жить впроголодь, потому что по условіямъ климата, напримѣръ, на сѣверѣ жить одною землею невозможно. Право на землю—это уравненіе нищенства. Единственный исходъ —это созданіе прочнаго мелкаго крестьянскаго хозяйства; нужно расширить крестьянское землевладѣніе» не для того, чтобы уравнять всѣхъ или осуществить всеобщее право на землю, а для того, «чтобы создать прочное крестьянство» [1]).

Всѣ эти черты міровоззрѣнія видныхъ представителей «думской правой» сближаютъ ее съ тѣмъ теченіемъ, которое покойный М. Я. Герценштейнъ удачно обозначилъ названіемъ «аристократическаго»—названіе, которое, однако, отнюдь не должно давать читателю повода видѣть въ этомъ теченіи, въ какой бы то ни было мѣрѣ, представительство интересовъ нашей, по преимуществу земельной, аристократіи. Представителями этого теченія въ думѣ были, главнымъ образомъ, видный представитель партіи народной свободы Л. І. Петражицкій и вышедшій изъ состава партіи Н. Н. Львовъ, вскорѣ послѣ того, вмѣстѣ съ гр. Гейденомъ и М. А. Стаховичемъ,

[1]) 137, 196, 197, 579—580, 705 и др.; IV, V; №№ 146, 149 и 164; изъ помѣщеннаго въ этомъ послѣднемъ № „Русск. Вѣд.“ отчета о засѣданіи подкомиссіи общ. вопр. заимствовано изложеніе рѣчи гр. Гейдена въ этой подкомиссіи.

основавшій новую партію, сначала назвавшуюся прогрессивною, а затѣмъ принявшую названіе партіи мирнаго обновленія; изъ аналогичнаго круга идей черпали свои соображенія и аргументы нѣкоторые депутаты западныхъ губерній, представители прибалтійскаго края и, до извѣстной степени,—нѣкоторые изъ польскихъ депутатовъ.

Читатель не посѣтуетъ на меня, если я охарактеризую это «аристократическое» теченіе цитатами изъ одной изъ статей покойнаго Герценштейна, посвященной анализу «основныхъ теченій», обнаружившихся при обсужденіи аграрнаго вопроса, дополняя ихъ выдержками изъ рѣчей виднѣйшихъ представителей «аристократическаго» теченія [1]). Это теченіе,—говоря словами покойнаго Михаила Яковлевича, представляетъ цѣлое, «стройное міросозерцаніе. Оно вытекаетъ не изъ отрицательнаго отношенія къ аграрной реформѣ вообще, даже не изъ защиты благопріобрѣтенныхъ правъ имущихъ классовъ—оно основано на недовѣріи къ крестьянской культурѣ и на вытекающемъ отсюда опасеніи построить реформу на широкихъ демократическихъ началахъ, въ которой могли бы принять участіе широкіе слои населенія»... Главное, что надо имѣть въ виду, говорилъ проф. Петражицкій, критикуя записку 42-хъ,—«это культура, но не сельскохозяйственная, а человѣческая, цивилизація человѣческая. Главная и наиболѣе важная жертва состояла бы въ превращеніи всей страны сплошь въ крестьянскую страну. Крестьянство съ теченіемъ вѣковъ сдѣлается очень просвѣщеннымъ; но пока этого нѣтъ», такое превращеніе «можетъ остановить цивилизацію, прогрессъ имперіи на продолжительный періодъ и дать политикѣ имперіи характеръ косности и консервативности»». Вмѣсто лежащаго въ основѣ записки 42-хъ стремленія равномѣрно распредѣлить между населеніемъ земельные запасы страны, въ рѣчахъ представителей «аристократическаго» теченія «пробивается стремленіе усилить дифференціацію въ деревнѣ, создать мощное крестьянство, выдѣливъ изъ сѣрой массы болѣе зажиточныхъ. Надо поднять благосостояніе крестьянъ и дать имъ возможность пріобщиться къ культурѣ, принимать близкое участіе въ мѣстномъ самоуправленіи, но это не можетъ быть предоставлено широкимъ массамъ, въ этомъ можетъ принимать участіе лишь часть крестьянства. Не для

---

[1]) Для большей ясности, я буду обозначать цитаты изъ статьи М. Я. Герценштейна простыми („...“), выдержки изъ рѣчей—двойными („„...““). ковычками.

защиты интересовъ нынѣшнихъ поземельныхъ собственниковъ, повторяетъ Герценштейнъ—«а для спасенія нашей культуры представители этого міросозерцанія высказываются въ самой категорической формѣ противъ нѣкоторыхъ пунктовъ» проекта партіи народной свободы. «Тутъ не было защиты крупной собственности»,—напротивъ, «въ рѣчи проф. Петражицкаго мы увидѣли прежде всего категорическое признаніе принципа принудительнаго отчужденія, особенно цѣнное въ устахъ одного изъ нашихъ лучшихъ цивилистовъ». Юридическій вопросъ о правѣ собственности—категорически заявлялъ проф. Петражицкій—«не только не можетъ имѣть рѣшающаго значенія въ области аграрной реформы, но, вообще, не относится къ дѣлу. Во всякомъ учебникѣ гражданскаго права можно найти разъясненіе, что неприкосновенность собственности имѣетъ смыслъ вовсе не какой-то абсолютной неотъемлемости, а иной смыслъ, такой, съ которымъ вполнѣ мирится начало принудительнаго отчужденія со справедливымъ вознагражденіемъ, если того требуетъ общественная или государственная польза». А для того, «чтобы отрицать наличность требованія общественной пользы, надо обладать не только безсердечіемъ, но и слѣпотой, неумѣніемъ видѣть то, что есть, и предвидѣть то, что можетъ быть»... «Такое же признаніе принудительнаго отчужденія—пишетъ далѣе Герценштейнъ—мы видѣли во вдохновенной, изящной рѣчи одного изъ благороднѣйшихъ представителей земскаго либерализма, Н. Н. Львова».

«Каковы же—спрашиваетъ далѣе М. Я. Герценштейнъ—положительные идеалы сторонниковъ этого міросозерцанія? Прежде всего, прочнымъ основаніемъ для подъема благосостоянія можетъ быть только собственность». «Надѣленіе не въ собственность, а только въ неподлежащее распоряженію пользованіе—говорилъ деп. Петражицкій—есть прикрѣпленіе къ землѣ, а поэтому укрѣпленіе и усиленіе основной болѣзни. Это значило бы сказать крестьянамъ: хоть ты здѣсь и голодаешь,—оставайся здѣсь и голодай, а если уйдешь, то ты понесешь потерю». Но главное: чтобы крестьяне, «дойдя до извѣстнаго благосостоянія, были на мѣстахъ культурнымъ элементомъ, проводникомъ и разсадникомъ цивилизаціи», — для этого «необходимо надѣленіе частною собственностью, а не въ пользованіе; нужно, чтобы была возможность дифференціаціи, чтобы тѣ, которые находятъ, что лучше въ городѣ, могли продать свой участокъ и идти въ городъ, избрать иныя профессіи, а другіе, оставаясь на землѣ, могли прикупить земли»; для подъема сельскохозяйственной

культуры необходимо разселеніе хуторами,—между тѣмъ «какой можетъ быть хозяйственный планъ, если у меня владѣніе состоитъ изъ кусочка собственности и кусочка пользованія?» Какое можетъ быть повышеніе сельскохозяйственной культуры, если «при надѣленіи во временное пользованіе невозможно не только устроеніе хуторскаго хозяйства, но даже сноснаго подворнаго или общиннаго землепользованія?» Равнымъ образомъ, «вызывала съ ихъ стороны возраженія идея образованія государственнаго земельнаго фонда. Имъ мерещилась новая, всесильная, опасная для свободнаго развитія человѣка и его способностей бюрократія, которая на все наложитъ свою тяжелую лапу. Странѣ угрожаетъ деспотизмъ, еще болѣе опасный, нежели тотъ, который давилъ ее до сихъ поръ,—и это заставило ораторовъ рѣзко высказаться противъ грядущаго рабства». «Для осуществленія вашего плана — обращается Н. Н. Львовъ къ защитникамъ идеи государственнаго земельнаго запаса—вамъ придется организовать неслыханное вмѣшательство въ хозяйственную жизнь народа, вы должны будете создать огромный штатъ чиновниковъ здѣсь, въ Петербургѣ, и огромный штатъ въ провинціи, штатъ земельныхъ начальниковъ,—только при наличности диктаторской, деспотической власти можно будетъ ввести въ жизнь основныя положенія» записки 42-хъ...

«Ради чего же—спрашиваетъ М. Я. Герценштейнъ отъ имени сторонниковъ «аристократическаго теченія»—все это предпринимается? На это и Петражицкій, и Львовъ даютъ, въ сущности, одинаковый отвѣтъ. Вы создаете голодныя нормы—населеніе будетъ на границѣ голоданія, оно будетъ возвращаться изъ городовъ въ деревню, мы вернемся къ старой московской кабалѣ, которая низводила насъ всѣхъ къ нищетѣ и приниженности». «На клочкахъ арендной земли—говоритъ Н. Н. Львовъ,—отведенной въ предѣлахъ продовольственной нормы, не можетъ быть процвѣтанія земледѣлія; намъ постоянно указывали, что улучшенія въ крестьянскомъ хозяйствѣ невозможны благодаря малоземелью. Но возможны развѣ прогрессъ и улучшенія на участкахъ продовольственной нормы? А если это невозможно, то населеніе обречено на полунищее существованіе, а при увеличеніи населенія—и на періодическія голодовки... Исходъ долженъ быть иной: при установленіи основъ земельной реформы слѣдуетъ имѣть въ виду, чтобы, стремясь излечить болѣзнь, не углубить и не ухудшить ея—такимъ ухудшеніемъ было бы все то, что прикрѣпляло бы крестьянъ къ землѣ или, что было бы еще хуже, возвращало бы изъ города въ деревню. Реформа

должна быть проведена такъ, чтобы былъ изъ деревни свободный выходъ и даже вытягиваніе людей»». При установленіи земельныхъ нормъ отнюдь не слѣдуетъ, поэтому, задаваться цѣлью надѣлить землею всѣхъ. Существеннѣйшій пунктъ правильно поставленной земельной реформы—поставить дѣло такъ, ««чтобы по возможности остались на землѣ и появились тамъ вновь изъ крестьянъ люди по среднимъ и высшимъ образованіемъ»». А для этого трудовая норма должна быть ««не такая, чтобы человѣкъ своими собственными руками, за плугомъ, могъ обрабатывать ее, а такая, чтобы образованный человѣкъ считалъ возможнымъ пахать ниву не только въ буквальномъ смыслѣ, но и ниву народную въ переносномъ смыслѣ, быть производителемъ культуры и цивилизаціи»».

Таковы существеннѣйшія положенія того теченія, которое я, слѣдуя за М. Я. Герценштейномъ, называю аристократическимъ. «Несмотря на нѣкоторыя отличительныя черты заключаетъ Герценштейнъ свою характеристику, все же оба оратора—и Петражицкій, и Львовъ—являются представителями того же міросозерцанія, построеннаго на тѣхъ же философскихъ и психологическихъ посылкахъ. Ихъ не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ смѣшивать съ тѣми, которые возражали противъ проекта изъ чисто-классовыхъ эгоистическихъ мотивовъ... Если то, съ чѣмъ выступалъ въ думѣ Н. Н. Львовъ, не отвѣчало настроенію думы, то никто не вправѣ отказать ему въ правдивости, искренности и безкорыстіи» [1]).

И, конечно, идеи представителей «аристократическаго теченія»—какъ ни правильны, въ частностяхъ, нѣкоторыя [2]) ихъ замѣчанія,—не отвѣчали не только настроенію думы, но и условіямъ современнаго историческаго момента. Тенденція «выдѣлить изъ крестьянства лишь элиту, поднимающуюся надъ сѣрою массой въ ущербъ этой массѣ», имѣетъ много подкупающаго, если смотрѣть на вопросъ съ чисто-производственной, чисто-культурной точки зрѣнія. Но

---

[1]) 451—458, 447—480; № 134.

[2]) Нѣкоторыя, но не всѣ. Я, съ своей стороны, совсѣмъ не вижу, почему право государства или мѣстныхъ самоуправляющихся союзовъ распоряжаться земельнымъ фондомъ осуществимо лишь при „грядущемъ рабствѣ“; не вижу также, чтобы приложеніе болѣе интенсивнаго труда къ землѣ возможно было лишь при полномъ правѣ собственности, при свободномъ отчужденіи; и подавно не вижу, почему отводъ земли на правѣ пользованія, безъ права переуступки другимъ частнымъ лицамъ, былъ бы равносиленъ прикрѣпленію—вѣдь если земля будетъ приносить крестьянину убытки, онъ ничего не потеряетъ, возвративъ ее въ земельный фондъ.

куда же дѣвать, все таки, эту сѣрую массу? Въ города, на фабрики? Но мало сказать: нужна политика, благопріятствующая развитію городовъ и промышленности; нужны десятилѣтія, чтобы она принесла свои плоды, и принесетъ она ихъ только въ томъ случаѣ, если развитіе городской жизни и промышленности получитъ твердую базу въ благосостояніи крестьянскихъ массъ. Нашъ же аграрный вопросъ, именно, потому и стоитъ такъ остро, у насъ потому и пожаръ, который приходится тушить экстренными мѣрами, что крестьянину **некуда** уйти изъ деревни, что избытокъ населенія деревни не находитъ себѣ мѣста ни въ городахъ, ни въ промышленности, что единственнымъ способомъ сколько нибудь поднять благосостояніе сѣрой массы является, именно, расширеніе ея землевладѣнія [1]).

Я уже упоминалъ о томъ, что одинъ изъ представителей того теченія, о которомъ я только что говорилъ, Н. Н. Львовъ, вмѣстѣ съ двумя виднѣйшими представителями думской правой, явились основателями «прогрессивной партіи», очень скоро переименовавшейся въ партію мирнаго обновленія. До времени роспуска государственной думы эта партія успѣла выступить только съ «основными положеніями аграрной программы», которыя, какъ я упоминалъ, имѣлись въ виду аграрной комиссіей наряду съ проектами партіи народной свободы и трудовой группы. Если попытаться въ немногихъ словахъ охарактеризовать эту программу, то съ извѣстнымъ основаніемъ можно сказать, что основныя положенія ея «во многомъ напоминаютъ постановленія аграрныхъ съѣздовъ конституціонно-демократической партіи, отчасти программу партіи демократическихъ реформъ, но въ то же время она рѣзко отличается отъ нихъ категорическимъ признаніемъ принципа надѣленія крестьянъ на началахъ собственности, а не пользованія, и отрицательнымъ отношеніемъ къ государственному земельному фонду»; при этомъ «цѣлью ея тенденціи является возможно большее обезпеченіе одной части населенія, хотя бы это было связано съ невозможностью поднять менѣе значительную часть населенія» [2]). Сходство программы партіи прогрессистовъ съ программою партіи демократическихъ реформъ, главнымъ образомъ, внѣшнее, оно выражается преимущественно въ болѣе детальной разработкѣ нѣкоторыхъ вопросовъ. Сходство ея съ постановленіями аграрныхъ съѣздовъ партіи народной свободы или точнѣе со взглядами, высказывавшимися на

[1]) 451—458. 447—430; № 134.

[2]) №№ 156—157.

этихъ съѣздахъ представителями одного изъ существующихъ внутри партіи теченій, выражается главнымъ, образомъ въ вопросѣ о предѣлахъ принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель; программа прогрессистовъ выдвигаетъ на первый планъ отчужденіе земель, чрезполосныхъ съ крестьянскими, впустѣ лежащихъ, обычно сдаваемыхъ въ аренду земледѣльческому населенію, латифундій въ части ихъ, превышающей установленный для данной мѣстности предѣльный размѣръ,—и не допускаетъ отчужденія владѣній средняго размѣра, лѣсовъ, сохраненіе которыхъ необходимо въ общихъ интересахъ страны, земель, обслуживающихъ промышленныя предпріятія, и тѣхъ изъ крупныхъ владѣній, за которыми будетъ признано общеполезное значеніе. Что касается до перечисленныхъ особенностей программы прогрессистовъ, то земли, какъ уже состоящія въ распоряженіи государства, такъ и подлежащія отчужденію, передаются населенію не иначе, какъ въ собственность, либо личную, либо общинную, смотря по существующей въ данной мѣстности формѣ землевладѣнія,—причемъ принимаются лишь мѣры къ тому, чтобы предупредить скопленіе въ однѣхъ рукахъ большого количества земли. Отрицательное отношеніе къ идеѣ государственнаго фонда выражается въ томъ, что отчуждаемыя въ извѣстномъ районѣ частновладѣльческія земли могутъ быть употребляемы на расширеніе землевладѣнія лишь мѣстнаго населенія, — переселенцы же изъ другихъ мѣстностей могутъ быть направляемы лишь въ мѣстности, особо указанныя въ законодательномъ порядкѣ. Что касается, собственно, до «аристократической тенденціи», то она угадывается изъ отсутствія въ программѣ постановленій о земельныхъ нормахъ: «при распредѣленіи подлежащихъ отчужденію земель — говоритъ только программа — между нуждающимся въ расширеніи землевладѣнія мѣстнымъ земледѣльческимъ населеніемъ принимаются во вниманіе какъ особенности данной мѣстности, такъ и количество этихъ земель. Наконецъ, еще одну весьма существенную особенность программы прогрессистовъ представляетъ собою требованіе «немедленнаго» проведенія въ жизнь, наряду съ расширеніемъ площади землевладѣнія сельскаго населенія, также и «ряда другихъ мѣропріятій» аграрнаго, экономическаго и сельскохозяйственно-культурнаго характера, «существенно необходимыхъ для поднятія благосостоянія крестьянскаго населенія и для развитія сельскаго хозяйства».

О послѣдней изъ думскихъ группъ (оставляя пока въ сторонѣ группы окраинныя!), стоящихъ, въ общемъ, нѣсколько правѣе партіи народной свободы, именно о партіи демократическихъ реформъ, мнѣ

достаточно сказать нѣсколько словъ: прежде всего потому, что партія эта, хотя и являлась какъ самостоятельная партія при выборахъ въ аграрную комиссію и въ ея подкомиссіи, но не выступала съ какими либо самостоятельными программными заявленіями, и представители ея, игравшіе видную роль въ другихъ областяхъ думской работы, не принимали, повидимому, особо дѣятельнаго участія въ разработкѣ аграрнаго вопроса. Съ другой стороны, мнѣ нѣтъ надобности подробнѣе останавливаться на программныхъ положеніяхъ партіи демократическихъ реформъ еще и потому, что ея аграрная программа не представляетъ существенныхъ отличій отъ программы партіи к.-д.; программныя положенія партіи демократическихъ реформъ цѣликомъ укладываются въ предѣлахъ той длинной гаммы разнообразныхъ оттѣнковъ, которые находятъ себѣ мѣсто въ широкихъ рамкахъ программы партіи народной свободы, причемъ первая изъ этихъ партій, стоя, вообще, нѣсколько правѣе второй, по своей аграрной программѣ не только не правѣе, но, наоборотъ. стоитъ ближе къ лѣвому, нежели къ правому флангу конституціонно-демократической партіи.

Перехожу теперь къ группамъ, стоящимъ лѣвѣе партіи народной свободы, и начну съ крайняго лѣваго фланга, на которомъ стоятъ соціалъ-демократы и соціалисты-революціонеры. Ни одна изъ этихъ партій, какъ таковая, не участвовала въ разработкѣ думою основаній аграрной реформы. Партія соціалъ-демократовъ выступила въ думѣ, въ качествѣ самостоятельной думской партіи, лишь 16 іюня, значитъ уже послѣ завершенія общихъ преній по аграрному вопросу и послѣ образованія аграрной комиссіи и ея подкомиссіи. Въ деклараціи своей, прочтенной 16 іюня депутатомъ Джапаридзе, она обѣщала требовать для крестьянъ «отчужденія безъ всякаго выкупа всѣхъ удѣльныхъ, кабинетскихъ, церковныхъ, монастырскихъ и помѣщичьихъ земель и передачи ихъ въ распоряженіе органовъ мѣстнаго самоуправленія, выбранныхъ на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія» [1]),—иначе сказать, обязалась отстаивать тѣ требованія, которыя изложены въ «платформѣ» россійской соціалъ-демократической партіи, въ послѣдней ея переработкѣ, произведенной изъ «тактическихъ» соображеній и имѣющей такъ мало общаго какъ съ еще недавними программными требованіями той же партіи, такъ, по моему крайнему разумѣнію, и съ самимъ соціалъ-демократическимъ ученіемъ. За протекшія съ тѣхъ поръ до рос-

[1]) 1404.

пуска думы три съ небольшимъ недѣли соціалъ-демократы не имѣли случая высказаться въ думѣ по аграрному вопросу, и выступленіе ихъ во время преній по поводу отвѣта на правительственное сообщеніе касалось, какъ мы видѣли, не аграрнаго вопроса, а тактики думы въ ея борьбѣ съ правительствомъ. Партія соціалистовъ-революціонеровъ и выдѣлившіяся изъ нея въ послѣднее время теченія вовсе не выступали, въ качествѣ самостоятельныхъ парламентскихъ фракцій, до самаго конца существованія первой думы, и ихъ взгляды отражались на думской работѣ лишь постольку, поскольку эти взгляды проводились если не всею трудовою группою, то извѣстными ея элементами,—причемъ въ наиболѣе опредѣленной формѣ идеи соціалистовъ-революціонеровъ выступили, какъ мы знаемъ, въ подписанномъ 34 членами трудовой группы «проектѣ основного земельнаго закона», который государственная дума отказалась передать отъ своего имени въ аграрную комиссію.

Переходимъ теперь къ самому трудному — къ характеристикѣ трудовой группы [1]).

Извѣстно, что по первоначальной мысли лицъ, которымъ принадлежала инпціатива образованія этой группы, предполагалось образовать чисто крестьянскую партію. Такой ея характеръ высказывался въ томъ, что она выдвинула на особенно видное мѣсто аграрный вопросъ, и что крестьяне, считая ее своею особою партіею, записывались въ нее, какъ только пріѣзжали въ думу. «На самомъ дѣлѣ—говоритъ депутатъ Езерскій въ статьѣ, посвященной «парламентской трудовой группѣ»,—такой чисто крестьянскій характеръ группа не сохранила и не могла сохранить. Сами инпціаторы ея были люди, уже выбившіеся изъ трудового крестьянства, прошедшіе извѣстную школу, были уже интеллигенты, а не пахари. Кромѣ первоначальныхъ инпціаторовъ, въ партію вошло еще много «трудовой интеллигенціи», какъ эта часть группы себя офиціально именуетъ: эта интеллигенція выставляла чисто народныя требованія, во главѣ ихъ—передачу земли всѣмъ трудящимся; съ другой стороны, группа нуждалась въ интеллигентныхъ силахъ, которыя проводили бы партію чрезъ дебри парламентаризма. Къ этимъ двумъ группамъ—чисто крестьянской и интеллигентской, крайней

[1]) Въ задачу составителя этого очерка совершенно не входитъ общая характеристика группы; тѣмъ не менѣе, авторъ считаетъ необходимымъ напомнить о нѣкоторыхъ чертахъ этой характеристики, такъ какъ въ этихъ чертахъ заключается объясненіе очень многихъ особенностей и въ аграрныхъ идеяхъ, и въ тактикѣ группы.

лѣвой въ тѣсномъ смыслѣ слова, примкнула группа рабочихъ»,—которая, однако, для насъ не представляетъ интереса въ данную минуту, такъ какъ эта группа, собственно въ обсужденіи аграрнаго вопроса, ничѣмъ себя не проявляла. Конечно, интеллигентными руководителями была выработана программа группы или партіи, которая и была принята группою въ полномъ составѣ. Тѣмъ не менѣе, единство послѣдней далеко не было полнымъ и, такъ сказать, органическимъ: «слабымъ мѣстомъ партіи или группы, говоритъ деп. Езерскій въ той же статьѣ, было коренное различіе между главными фракціями ея — крестьянами и интеллигентными членами. Послѣдніе представляютъ сплоченную на почвѣ соціалистическихъ принциповъ, дѣйствительную политическую партію, задающуюся цѣлями соціальнаго переворота. Передача земли въ руки народа была одною изъ этихъ цѣлей, она вытекала изъ всего остального ученія и только особенно сильно подчеркивалась, въ виду всеобщаго требованія крестьянства. Напротивъ, крестьяне относились довольно безразлично къ деталямъ программы политической, въ иныхъ случаяхъ кореннымъ образомъ расходились съ главарями въ убѣжденіяхъ, но все свое вниманіе, всѣ силы души вкладывали въ вопросъ о землѣ. Разногласія между главарями группы и рядовыми депутатами-крестьянами начинаются уже въ области самого аграрнаго вопроса: «что землю нужно отдать народу—въ этомъ согласны всѣ, но к а к ъ распорядиться землею? Исходя изъ положеній соціалъ-революціонной партіи, нужно признать право каждаго гражданина на часть земли, нужно ввести поравненіе земли между всѣми и возобновлять его періодически. Между тѣмъ, крестьянинъ-малороссъ говоритъ въ думѣ, что землю нужно отдать въ пожизненное пользованіе, что крестьянинъ долженъ имѣть свой особый участокъ, и члены-крестьяне ему съ восторгомъ апплодируютъ». Мало того: въ стенографическихъ отчетахъ государственной думы можно найти такое заявленіе одного изъ крестьянъ—членовъ трудовой группы: «господа народные представители, я подписался машинально подъ заявленіемъ и проектомъ по земельному вопросу, внесеннымъ трудовою группой. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ я съ проектомъ не согласенъ. Заявляю, что для крестьянъ тамбовской губерніи земля должна быть дана только на правахъ собственности» [1])...

Спѣшность этой работы и непмѣніе подъ руками необходимыхъ

---

[1]) 881.

матеріаловъ не позволяютъ мнѣ точно установить генеалогію тѣхъ проектовъ основныхъ положеній земельной реформы, которые вносились трудовою группой или ея руководящими дѣятелями въ государственную думу. Мнѣ достаточно напомнить читателю, что тотъ «проэктъ основного земельнаго закона», который былъ внесенъ въ думу 6 іюня за подписью 34 членовъ и который дума, большинствомъ двухъ третей голосовъ, отказалась передать въ аграрную комиссію, представлялъ собою неумолимо послѣдовательное развитіе принциповъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, скорѣе всего того изъ выдѣлившихся изъ этой партіи теченій, которое, нѣсколько времени назадъ, носило названіе молодого народничества. Я затрудняюсь, конечно, опредѣленно сказать, какова была роль въ дѣлѣ выработки этого проекта подписавшихъ его членовъ трудовой группы и какова роль непринадлежащихъ къ составу группы представителей названнаго или близкаго къ нему теченія общественной мысли; но самое изящество и стройность изложенія и совершенная неожиданность появленія этого проекта, начала котораго не отстаивались никѣмъ во время общихъ преній по земельному вопросу, позволяетъ предполагать, что подписавшіе его члены государственной думы получили проектъ, въ болѣе или менѣе готовомъ видѣ, изъ рукъ лица или группы лицъ, не принадлежащихъ къ составу государственной думы.

Въ выработкѣ проекта, внесеннаго въ думу 18 мая,—когда, значитъ, уже шли пренія по запискѣ 42-хъ, за подписью 104-хъ членовъ трудовой группы, также принимали участіе видные представители партіи соціалистовъ-революціонеровъ и близкихъ къ ней теченій—гг. Мякотинъ, Пѣшехоновъ, Черновъ и Бунаковъ *); подъ ихъ, очевидно, вліяніемъ первоначальный, очень умѣренный проектъ общихъ положеній, выработанный въ средѣ самой трудовой группы, былъ подвергнутъ довольно существенной переработкѣ въ болѣе радикальномъ направленіи, что имѣло слѣдствіемъ рядъ недоразумѣній вродѣ того, которое выразилось въ цитированномъ только что заявленіи депутата Бочарова,—подобно тому, какъ принятіе лидерами группы подъ свою фирму второго, чисто «эсъ-эровскаго» проекта

*) Долженъ замѣтить, что я въ данномъ случаѣ не раздѣляю мнѣнія г. Езерскаго, осуждающаго „эсъ-эровъ“ за то, что они, „не попавъ въ думу съ передняго крыльца, пришли съ задняго“. („Русск. Вѣд.“, № 147). Мнѣ кажется, что неправильная—и на мой взглядъ—тактика бойкота думы нисколько не лишала тѣхъ кто, ея держался, нравственнаго права проводить въ думу и черезъ думу свои взгляды.

имѣло то не совсѣмъ удобное для группы послѣдствіе, что часть ея собственныхъ членовъ голосовала противъ передачи записки 34-хъ въ комиссію.

Тѣмъ не менѣе, и въ такомъ переработанномъ видѣ проектъ 104-хъ отнюдь не поражаетъ какимъ-либо особеннымъ радикализмомъ. Проектъ, правда, ставитъ цѣлью земельнаго законодательства «установленіе такихъ порядковъ, при которыхъ вся земля съ ея нѣдрами и водами принадлежала бы всему народу», но установленіе такихъ порядковъ ставится именно только конечною цѣлью, также точно, какъ въ запискѣ 42-хъ членовъ партіи народной свободы «руководящимъ началомъ земельной политики» ставится «передача земли въ руки трудящихся». Разница между двумя проектами—только въ темпѣ проведенія въ жизнь различно изложенныхъ, но по существу тождественныхъ «руководящихъ началъ»; и если темпъ проекта трудовиковъ нѣсколько болѣе быстрый, нежели темпъ проекта партіи народной свободы, то предъявляемое первыми требованіе немедленной ликвидаціи всего нетрудового землевладѣнія является вполнѣ пріемлемымъ для всѣхъ тѣхъ членовъ партіи народной свободы, которые стоятъ, въ аграрномъ вопросѣ, на лѣвомъ ея флангѣ. Мало того — даже и разница въ темпѣ между обоими проектами далеко не такъ значительна, какъ хотятъ думать представители трудовой группы; недаромъ во время преній въ государственной думѣ раздавались голоса, что проведеніе въ законъ проекта 42-хъ будетъ фактически равносильно полной ликвидаціи нетрудового владѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, проектъ трудовой группы признаетъ возмездность отчужденія, что опять-таки сближаетъ его съ проектомъ партіи народной свободы и проводитъ рѣзкую границу между нимъ и программами «эсэровъ», требующихъ простого «уничтоженія» нетрудового землевладѣнія.

Далеко не рѣзкая, поскольку рѣчь идетъ о внесенныхъ въ государственную думу проектахъ, разница между партіей народной свободы и трудовой группой гораздо рѣзче обозначилась во время преній въ государственной думѣ, причемъ трудовики, или, по крайней мѣрѣ, ихъ лидеры, сознательно стремились возможно рѣзче отграничить себя отъ к.-д. партіи, даже противупоставить себя партіи народной свободы, какъ и всѣмъ другимъ «господскимъ» партіямъ. «Члены трудовой группы—заявлялъ депутатъ Аладьинъ, защищая проектъ о немедленномъ учрежденіи мѣстныхъ комитетовъ—посланы народомъ съ порученіемъ немедленно и безъ всякихъ задержекъ двинуть впередъ дѣло земельной реформы». Члены тру-

довой группы — и только они, и еще во время преній по проекту адреса депутатъ Заболотный, «какъ представитель большинства русскаго народа, какъ представитель крестьянства», обращался «къ случайному большинству палаты съ ходатайствомъ отъ имени этого народа».

Въ мою задачу не входитъ разбирать, насколько правы были лидеры трудовой группы, выставляя себя единственными «настоящими» представителями крестьянства, и, въ качествѣ таковыхъ противуполагая себя всѣмъ остальнымъ. Для меня достаточно констатировать фактъ: что трудовая группа, или точнѣе ея лидеры, противупоставляла себя «случайному думскому большинству» и признавала себя особо уполномоченной говорить отъ имени народа. Другіе, правда, тоже говорили, и много говорили, объ аграрной реформѣ, — но когда, напримѣръ, составленный партіей народной свободы проектъ адреса «говоритъ объ аграрной реформѣ, то кажется, что эти слова не есть истинное желаніе, а какое-то вынужденное заявленіе» (Меркуловъ). И это присвоенное себѣ лидерами трудовой группы преимущественное право говорить отъ имени народа, въ связи съ ихъ стремленіемъ говорить не столько къ думѣ, сколько черезъ голову думы, рѣзко отражалось и на содержаніи, и въ особенности на тонѣ ихъ рѣчей. Уже во время обсужденія проекта адреса, какъ мы знаемъ, представители трудовой группы вносятъ предложеніе указать на необходимость въ «основу землевладѣнія т е п е р ь же заложить принципъ принадлежности всей земли всему народу, а пользованіе ею провозгласить неотъемлемымъ правомъ всякаго гражданина, но при условіи исключительно личнаго труда»; они заявляютъ, что это «главное требованіе крестьянъ не можетъ быть половинчатымъ, не можетъ быть неокончательнымъ и не можетъ быть половиннымъ». Принимая, въ концѣ концовъ, «земельную программу» адреса, какъ «минимумъ того, на что они могли въ адресѣ согласиться», они принимаютъ адресъ потому, что «вкладываютъ въ него свое, крестьянское, содержаніе». И съ такою же категоричностью они выступаютъ позже, во время общихъ преній по земельному вопросу. «Не милости и не жертвы, заявляетъ депутатъ Заболотный, народъ требуетъ отъ государства—онъ требуетъ признанія своего естественнаго права въ полномъ его размѣрѣ». «Милліоны голосовъ, восклицаетъ депутатъ Онипко, сливаются въ одномъ могучемъ возгласѣ: «всю землю, всю волю всему народу», и въ этомъ священномъ требованіи крестьянинъ не допуститъ ни малѣйшей урѣзки»... Народъ, за-

являетъ депутатъ Масловъ, «собственно рѣшилъ уже этотъ вопросъ, и если мы скажемъ нѣтъ, то это значитъ, что мы не соглашаемся съ народомъ и, значитъ, на нашей сторонѣ не будетъ правды». Мало того: «всѣ тѣ, кто противится этому справедливому требованію крестьянъ, кто боится личной обработки земли, не признаетъ трудовой нормы, опираясь на трудность и несвоевременность подобнаго разрѣшенія, того страшатъ сопровождающія обстоятельства, тотъ— заявляетъ деп. Тесля—умышленно защищаетъ паразитовъ-эксплоататоровъ, боится честнаго, справедливаго труда и гражданскаго равенства»; всякій, значитъ, кто позволяетъ себѣ хотя бы только сомнѣваться въ практической осуществимости надѣленія по «трудовой нормѣ», тотъ умышленно защищаетъ паразитовъ-эксплоататоровъ!.. Записка 42-хъ предлагаетъ «половинчатыя мѣры», которыми нечего и «пробовать успокоить крестьянство» (Онипко); авторы ея хотятъ «въ видѣ подачки, по пословицѣ «на тоби, Боже, что намъ не гоже», отдать какіе похуже кусочки земли» (Литвиновъ), — и это говорится о проектѣ 42-хъ, при проведеніи котораго въ жизнь все, что останется отъ частнаго землевладѣнія, можно будетъ — по удачному выраженію одного оратора на III съѣздѣ партіи народной свободы—помѣстить въ жилетный карманъ... Раздавались въ рѣчахъ нѣкоторыхъ представителей трудовой группы и болѣе прямыя угрозы: «не будемъ медлить, господа,=восклицалъ тотъ же Онипко,—проведемъ проектъ, пока не поздно! Иначе встанетъ народный мститель, и тогда вмѣстѣ съ виновниками народныхъ бѣдствій могутъ погибнуть случайно и друзья народа»...

Въ своихъ рѣчахъ представители трудовой группы рѣдко пытаются аргументировать свои требованія и, въ частности, требованіе—«всей земли всему народу». Въ рѣчахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчаются, однако, и аргументы, иногда—чисто принципіальнаго, иногда—практическаго характера. «Если человѣкъ трудится—вотъ, кажется, единственный примѣръ аргументаціи перваго типа, заимствованный изъ рѣчи крестьянина Зубченко,—но не получаетъ систематически результатовъ отъ производительнаго труда своего, человѣкъ долженъ умереть отъ недоѣданія или просто отъ голода. А такъ какъ, по нашимъ понятіямъ, жизнь человѣка священна, то, слѣдовательно, кто отнимаетъ результаты труда человѣческаго, тотъ нарушаетъ священныя права его на жизнь, и отсюда слѣдуетъ, что всѣ результаты труда человѣка, какъ и его жизнь, это его единственная собственность, и эта собственность должна быть священна и неприкосновенна». Земельная реформа, значитъ, выводъ изъ права

на жизнь—и крестьянъ удовлетворитъ «только та земельная реформа, которая признаетъ право каждаго гражданина на жизнь, которая признаетъ право каждаго гражданина на результаты его труда». Практическія соображенія—въ томъ, что иначе не хватитъ земли для достаточнаго земельнаго обезпеченія трудового крестьянства. «Ясное дѣло,—говорилъ деп. Локоть,—что прочное обезпеченіе землею земледѣльческаго населенія возможно только при передачѣ въ руки этого населенія всей земли, по той простой причинѣ, что у насъ не хватаетъ земли даже до трудовой нормы,—земли все равно будетъ мало, слѣдовательно, полное обезпеченіе выражается передачей всей земли въ руки земледѣльческаго населенія». И этотъ доводъ надо признать неотразимымъ, если только исходить изъ той точки зрѣнія, что частное, нетрудовое землевладѣніе, само по себѣ, никогда и ни въ какихъ случаяхъ не играетъ никакой положительной роли въ народной экономіи,—что благосостояніе крестьянъ можетъ быть поднято только и исключительно землею, что земля можетъ способствовать благосостоянію населенія только тогда, когда она передана въ непосредственное его распоряженіе. Читатель частью уже видѣлъ и еще увидитъ изъ дальнѣйшаго, что какъ разъ эти положенія встрѣтили, при обсужденіи аграрнаго вопроса въ государственной думѣ и ея комиссіяхъ, не мало сомнѣній и возраженій.

Другой острый вопросъ,—это вопросъ о выкупѣ или конфискаціи владѣльческихъ земель. Какъ мы знаемъ, проектъ 104-хъ принципіально предусматриваетъ вознагражденіе владѣльцевъ за отчуждаемыя земли, хотя и дѣлаетъ такую оговорку: «размѣръ этого вознагражденія и условія его уплаты, а также тѣ случаи, когда земля отчуждается безвозмездно, могутъ быть опредѣлены не прежде, чѣмъ этотъ вопросъ и вся аграрная реформа будутъ обсуждены народомъ на мѣстахъ»,—ясно, что цѣль такого обсужденія заключается, въ данномъ случаѣ, въ возможномъ сокращеніи размѣровъ вознагражденія владѣльцевъ. Съ этой же точки зрѣнія, въ видѣ правила, затрагивался представителями трудовой группы вопросъ о вознагражденіи и во время преній въ думѣ: рѣчь шла не о принципѣ вознагражденія, а о томъ, какъ примѣнить этотъ принципъ, какъ истолковать его въ возможно благопріятномъ смыслѣ для крестьянъ. Принципіально вопросъ о вознагражденіи былъ затронутъ, кажется, всего два раза—въ рѣчахъ гг. Меркулова и Аладьина. Для перваго вопросъ ставится совершенно ясно и опредѣленно—совсѣмъ не такъ, какъ онъ поставленъ

*

въ проектѣ 104-хъ: «скажемъ твердо и разъ навсегда—заявилъ г. Меркуловъ—земля должна отойти къ намъ вся, и безплатно». Г. Аладьинъ, хотя и временно, условно, стоитъ на точкѣ зрѣнія, болѣе близкой къ проекту. «Въ широкихъ массахъ населенія—говорилъ онъ въ одной изъ своихъ рѣчей — народъ предпочитаетъ пока пойти по средней дорогѣ, взять землю и въ томъ или иномъ размѣрѣ заплатить за нее; но я съ особенною силою,—добавляетъ г. Аладьинъ,—напираю на слово «пока»: если будетъ упущенъ моментъ для проведенія земельной реформы, то дѣло получитъ другой оборотъ—придется работать надъ тѣмъ, какъ придать юридическую форму практическому захвату, и тогда уже вопроса о выкупѣ, о платежѣ быть не можетъ, потому что земли уже будутъ захвачены»...

Я конечно не могу задаваться цѣлью дать здѣсь полную характеристику аграрнаго міросозерцанія трудовиковъ, какъ оно выразилось въ преніяхъ о земельной реформѣ—отношеніе ихъ къ ряду вопросовъ освѣтится въ дальнѣйшемъ изложеніи, когда мы должны будемъ познакомиться съ тѣмъ освѣщеніемъ, которое получили въ сужденіяхъ думы важнѣйшіе спорные пункты аграрной реформы. Теперь же я остановлюсь еще только на одномъ характерномъ пунктѣ—именно, на той постановкѣ, которую даютъ лидеры трудовой группы вопросу о мѣстныхъ землеустроительныхъ учрежденіяхъ.

По проекту 104-хъ завѣдываніе общенароднымъ земельнымъ фондомъ, за исключеніемъ земель, имѣющихъ общенародное значеніе, должно быть возложено на избранныя по четырехчленной формулѣ мѣстныя самоуправленія,—для подготовительныхъ же дѣйствій къ земельной реформѣ и для упорядоченія экономическихъ отношеній въ теченіе переходнаго времени должны быть учреждены мѣстные комитеты—губернскіе, уѣздные и волостные, избираемые также посредствомъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. Читатель знаетъ, что и партія народной свободы, и составленная, въ большинствѣ, изъ членовъ этой партіи думская аграрная коммисія считали и считаютъ необходимымъ привлечь мѣстныя силы къ самому дѣятельному участію въ подготовкѣ земельной реформы и разработкѣ ея основаній. Но не останавливаясь на вопросѣ объ организаціи мѣстныхъ комитетовъ и въ частности о способѣ ихъ комплектованія, по поводу котораго партія к.-д. пока еще не взыскалась, я долженъ напомнить читателю, что самая роль комитетовъ совершенно не такъ рисуется лидерамъ трудовой группы, какъ она представляется составителямъ проекта, изложеннаго въ запискѣ 42-хъ. Разница эта съ полною ясностью обнаружилась

при обсужденіи записки 35-ти членовъ трудовой группы о безотлагательномъ образованіи комитетовъ. Суть дѣла далеко не только въ томъ, что къ великому дѣлу земельной реформы «долженъ быть притянутъ весь народъ, что только мѣстные комитеты, выбранные при непремѣнномъ условіи свободъ, на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права сумѣютъ обсудить его, сумѣютъ произвести оцѣнку земли, произвести ея передѣлъ, опредѣлить размѣры вознагражденія за нѣкоторыя земли, опредѣлить основанія пользованія, опредѣлить самую норму и т. д.»,—что только «при участіи всего народа можетъ воплотиться въ жизнь этотъ законъ». (Онипко). Она не только въ томъ, что трудовая группа хочетъ дать мѣстнымъ комитетамъ, по словамъ депутата Аладьина, «не право нѣкоторыхъ видоизмѣненій» основныхъ началъ, выработанныхъ центральною законодательною властью,—а «дѣйствительное, реальное право дать намъ тѣ необходимыя данныя, изъ которыхъ мы или наши преемники могли бы выработать «необходимыя нормы,—подъ всѣмъ этимъ подписались бы многіе изъ членовъ партіи народной свободы и особенно изъ представителей автономистскихъ теченій. Суть дѣла въ томъ, что для трудовиковъ мѣстные комититы—лишь одинъ изъ способовъ «привести, русскій народъ въ то движеніе, котораго остановить не возможно», тогда какъ конституціонныя думскія партіи желаютъ видѣть въ думѣ «верховнаго вершителя всѣхъ законодательныхъ работъ, а не создавать другихъ органовъ, которые будутъ давить на нее и заставлять рѣшать не въ томъ смыслѣ, какъ она желаетъ рѣшать, а въ томъ, въ какомъ эта тысяча парламентовъ заставитъ ее рѣшать». (гр. Гейденъ)...[1]).

На этомъ я заканчиваю то, что я имѣлъ сказать для общей характеристики взглядовъ и тактики трудовой группы, поскольку то и другое обнаружилось въ ея проектахъ и въ думскихъ преніяхъ по земельному вопросу. Къ сожалѣнію, наличные матеріалы даютъ слишкомъ мало данныхъ для характеристики комиссіонной работы. Но я не могу не вспомнить многократно слышаннаго мною отъ покойнаго Герценштейна, что рѣзко бросавшаяся въ глаза во время думскихъ преній манера представителей трудовой группы ставить и трактовать вопросы значительно сглаживалась въ аграрной комиссіи и въ ея подкомиссіяхъ. Конечно, и здѣсь представители

---

[1]) 101, 133, 143, 195, 207, 487, 589, 623—624, 674, 693, 702, 713, 812, 284, 41, 849 859, 979, 988, 993, 996, №№, 123, 146, 147.

трудовой группы стояли на почвѣ своей программы, но даже изъ нѣсколько отрывочнаго изложенія протоколовъ комиссіи видно, что и они не уклонялись отъ общаго, строго дѣлового тона, сразу установившагося при комиссіонномъ обсужденіи, — и замѣчанія, напр., Сѣдельникова (впрочемъ, вообще во многомъ уклонявшагося отъ господствовавшаго въ группѣ теченія) во многомъ содѣйствовали уясненію обсуждавшихся комиссіей вопросовъ и достиженію— что главное—согласованныхъ рѣшеній [1]).

Какъ я упоминалъ, трудовая группа возникла какъ чисто крестьянская партія и до самаго конца признавала себя главною или даже единственною представительницею крестьянскихъ требованій и интересовъ. Но въ трудовую группу вошло даже не большинство депутатовъ-крестьянъ, а нѣкоторые изъ вошедшихъ вышли изъ группы, когда слишкомъ рѣзко обозначились «эсэровскія» тенденціи ея руководителей, далеко не соотвѣтствовавшія взглядамъ значительной части крестьянскихъ депутатовъ. Около 40 крестьянъ входило въ составъ партіи народной свободы, и до сотни не вошло ни въ какую партію или организованную группу. Очевидно, что дать какую-либо общую характеристику этихъ безпартійныхъ крестьянъ, въ силу самой ихъ безпартійности, крайне затруднительно или, вѣрнѣе, невозможно, — они именно потому не вошли ни въ какую партію и не составили самостоятельной группы, что ихъ взгляды не могутъ быть подведены подъ какую либо общую характеристику. Единственное, что ихъ объединяетъ — это страстное стремленіе къ землѣ, сознаніе своего долга передъ избирателями «охлопотать» имъ землю, отчасти и боязнь тѣхъ послѣдствій, которыя для нихъ лично можетъ повлечь за собою неудача ихъ хлопотъ. Во всемъ остальномъ, очевидно, неорганизованная группа безпартійныхъ крестьянъ представляетъ собой нѣчто крайне пестрое, какъ пестра она и въ отношеніи личнаго состава: въ числѣ безпартійныхъ крестьянъ, выступавшихъ въ преніяхъ по аграрному вопросу, есть, очевидно, люди уже съ извѣстнымъ образованіемъ и развитіемъ — назову хотя бы покойнаго Андреянова, Филякина, Зеленина, Назаренко, — нѣкоторые изъ нихъ видали виды по части политической дѣятельности и связанныхъ съ нею преслѣдованій; другіе, насколько можно судить по ихъ рѣчамъ, — настоящіе сѣрые мужики, прямо отъ сохи, — какихъ немало, впрочемъ, было и въ средѣ организованныхъ думскихъ фракцій и особенно въ трудовой группѣ.

[1]) VII, VIII.

Такъ же разнообразенъ и характеръ тѣхъ рѣчей, съ которыми безпартійные крестьяне выступали въ думѣ. Иногда безпартійный крестьянинъ выходилъ на трибуну, просто, съ воплемъ о землѣ. «Посылая меня, говоритъ крестьянинъ Филякинъ при обсужденіи проекта адреса, народъ сказалъ, чтобы были освобождены всѣ невинно сосланные и заключенные, чтобы земельная нужда крестьянъ была удовлетворена, такъ какъ народъ голодаетъ, и чтобы ему были указаны правильные способы землепользованія... Вотъ что сказали мнѣ крестьяне — и какъ сказали! это былъ вопль наболѣвшей души». «Я не буду много говорить, сказалъ могилевскій крестьянинъ Семеновъ, вся рѣчь котораго дѣйствительно умѣстилась на 13 строкахъ, — потому что время дорого для насъ. Я скажу одно — что для крестьянина надѣленіе землей нужно такъ, какъ нуженъ воздухъ для дыханія человѣка...» Или уже цитированное выше заявленіе Коренькова, тоже при обсужденіи адреса: «крестьяне, первое нужно просить государя императора, чтобы онъ помогъ намъ бороться съ нашими соперниками — нужда крестьянская не ждетъ, а потому, братья крестьяне, не прекращайте преній»... Иногда этотъ вопль звучитъ какъ бы прошеніемъ ходока, котораго крестьяне послали ходатайствовать за нихъ передъ всесильной властью. Вотъ, господа — такъ началъ свою рѣчь бессарабскій депутатъ-крестьянинъ А. Поповъ,—давно уже я получилъ просьбу крестьянъ такой-то деревни, которые весьма просятъ, чтобы ихъ какъ либо защитить и скорѣе разрѣшить аграрный вопросъ; они живутъ на землѣ помѣщика такого-то»—и затѣмъ идетъ довольно длинная, очень яркая характеристика бѣдственнаго положенія и земельной нужды крестьянъ, приславшихъ просьбу; «женщина—такъ кончается эта характеристика, а вмѣстѣ съ нею и вся рѣчь—моетъ бѣлье, и за бѣлье нужно заплатить, а нѣтъ, то иди къ нему и работай... Я больше говорить не буду. Прошу товарищей, чтобы какъ можно скорѣе облегчили крестьянъ и какъ можно скорѣе разрѣшили аграрный вопросъ». Или другой примѣръ—рѣчь рязанскаго крестьянина Черникова: онъ «получаетъ отъ крестьянъ упреки, что мы, представители крестьянъ, говоримъ или думаемъ, что имъ земля не нужна. Поэтому,—говоритъ ораторъ,—я хочу заявить, что рязанскому мужику земля нужна также, какъ мужику любой губерніи»,— и это утвержденіе иллюстрируется фактическими данными объ условіяхъ аренды въ губерніи и выдержками изъ крестьянскихъ писемъ и приговоровъ. Или рѣчь крестьянина Кострова—онъ «единственный представитель отъ крестьянскаго сословія ярославской губер-

ніи»; онъ имѣетъ «личныя просьбы и приговоры отъ крестьянъ объ отчужденіи земель частновладѣльческихъ и прочихъ»; онъ «имѣетъ письма, изъ коихъ видно, что они съ нетерпѣніемъ ждутъ результатовъ этого вопроса»; онъ убѣжденъ «въ полной рѣшимости думы о мѣрахъ, ею принимаемыхъ для удовлетворенія крестьянъ»; онъ «надѣется на благой исходъ этого дѣла» и заканчиваетъ свою рѣчь словами: «блаженъ разумѣяй и нища и убога, въ день лютъ избавитъ его Господь». Въ рѣчахъ другихъ—напримѣръ Бабича, Назаренко, Арсеньева, Андреянова, Кондрашука,—звучитъ уже другая нота—не ходатайство передъ власть имущими, а настоятельное заявленіе своихъ требованій, — требованій самого народа. «Безъ царя, земли и свободы—говоритъ, напримѣръ, Арсеньевъ,—мы не поѣдемъ домой—мы должны исполнить приказаніе пославшихъ насъ сюда—такъ я покорнѣйше попрошу государственную думу и господъ помѣщиковъ рѣшить для насъ это дѣло миромъ, приступить къ разрѣшенію аграрной реформы и мирно прекратить въ странѣ пылающій пожаръ». Иногда въ этихъ требованіяхъ слышатся ноты, очень близкія къ рѣчамъ представителей трудовой группы: «теперешнее изголодавшееся крестьянство, — говоритъ, напримѣръ, Кондрашукъ, не признаетъ за такой землей священнаго права собственности и настойчиво требуетъ себѣ земли»; для Бабича «вопросъ о томъ, кому принадлежитъ земля, вопросъ уже рѣшенный. Вопросъ этотъ рѣшилъ самъ народъ—земля принадлежитъ тому, кто на ней трудится—вопросъ только въ томъ, какъ эту землю взять, какимъ образомъ передать эту землю трудовому народу». Иногда, напротивъ, требованія земли заявляются безъ всякой идеологической обосновки, напротивъ—въ рѣчахъ нѣкоторыхъ ораторовъ изъ безпартійныхъ крестьянъ звучитъ самый неприкрытый крестьянскій эгоизмъ: такъ, тотъ самый Кругликовъ, который такъ ярко и образно говорилъ противъ женскаго избирательнаго права, настаиваетъ на томъ, что «у насъ, что̀ ни больше крестьяне земли имѣютъ, то лучше живутъ, а у кого земли нѣтъ, тому нечѣмъ дѣйствительно жить», и заявляетъ, что «теперь, если мы уѣдемъ отсюда безъ земли, безъ свободы и безъ воли, намъ нельзя къ своимъ пріѣзжать»;—и въ тоже время онъ весьма категорически высказывается противъ всякаго широкаго пониманія права на землю: надѣлять слѣдуетъ «только тѣхъ людей, которые трудомъ будутъ обрабатывать, а горожане, мѣщане—эти будутъ только въ аренду сдавать; нужно дать только крестьянамъ—тѣмъ людямъ въ Россіи, которые будутъ сами обрабатывать».

Очень часто въ рѣчахъ безпартійныхъ крестьянъ звучитъ полемическая нотка—они выступаютъ съ возраженіями противъ тѣхъ, кто «говоритъ, что если землю отдать, то вся Россія будетъ погибать»—иначе сказать, противъ представителей правительства, доказывавшихъ ненужность и зловредность земельной реформы, основанной на началѣ принудительнаго отчужденія, и противъ тѣхъ изъ думскихъ ораторовъ, въ рѣчахъ которыхъ проявлялась или чудилась ораторамъ-крестьянамъ враждебная этому послѣднему тенденція. Расширенію крестьянскаго землевладѣнія противополагается многими, какъ болѣе дѣйствительное средство улучшить положеніе крестьянъ, подъемъ крестьянской культуры; высказываются опасенія или даже увѣренность, что передача земли крестьянамъ будетъ связана съ пониженіемъ ея производительности—и ораторы изъ безпартійныхъ крестьянъ особенно охотно направляютъ въ эту сторону свои доводы и стрѣлы своей иронін. «Если передадутъ земли въ руки крестьянина,—говоритъ кіевскій крестьянинъ Грабовецкій,—то онъ прекрасно сумѣетъ ее обработать,—не знаю про прочія губерніи, но знаю про малороссію, гдѣ наши землепашцы прекрасно обрабатываютъ землю, а не то, что они говорятъ — не сумѣетъ; сумѣетъ прекрасно—я самъ крестьянинъ и обрабатывать умѣю прекрасно». Все, что говорится противъ реформы съ этой точки зрѣнія—«это сущая можетъ быть неправда. Крестьянинъ знаетъ,—говоритъ другой,—какъ землю обработать, знаетъ, когда что дѣлать на землѣ. Зачѣмъ пугать крестьянина, что ему является отъ земли совершенный убытокъ—крестьянинъ можетъ больше получить дивиденда отъ земли, чѣмъ землевладѣлецъ, затѣмъ что крестьянинъ работаетъ самъ черезъ свои руки». Говорятъ: «крестьяне не умѣютъ удобрять, не умѣютъ обрабатывать, и то и другое»—говоритъ третій безпартійный крестьянинъ—но «крестьяне могли бы землю обрабатывать, если бы она у нихъ была, а то ея нѣтъ. Развѣ при полуторахъ десятинахъ крестьянинъ можетъ выписывать фосфоритъ и другія такія вещи, т. е. прививать культуру въ сельскохозяйственной промышленности?»... Крестьяне такъ свыклись съ мыслью, что всякіе разговоры о культурѣ являются только явнымъ или замаскированнымъ аргументомъ противъ нихъ, крестьянскихъ, требованій, что съ раздраженіемъ относятся ко всякому упоминанію о культурѣ, когда оно даже дѣлается съ самыми добрыми намѣреніями: «мнѣ кажется — заявляетъ Кондрашукъ, — что дума не станетъ учить крестьянъ, какъ хозяйничать, потому что крестьянинъ отъ такихъ рѣчей сытъ быть не можетъ; ему нужна земля, чтобы онъ имѣлъ

на чемъ работать—и когда будетъ у него земля, тогда онъ самъ сумѣетъ хозяйничать». «Легко говорить о поднятіи культуры—восклицалъ крестьянинъ Штефанюкъ,—тѣмъ у которыхъ сотни и тысячи десятинъ земли, если бы они помѣнялись своими владѣніями на надѣлы крестьянъ, то, вѣроятно, перестали бы говорить о культурѣ» [1])...

Перехожу теперь къ самой многочисленной и вліятельной партіи первой государственной думы—къ партіи народной свободы.

Какъ извѣстно, эта партія имѣетъ свою довольно длинную исторію; въ частности, довольно длинную исторію имѣетъ за собою ея аграрная программа. Здѣсь не мѣсто, конечно, излагать ходъ этой исторіи и анализировать постепенное развитіе идей партіи по аграрному вопросу. Совершенно достаточно упомянуть о томъ, что аграрная программа партіи была впервые разработана на съѣздахъ земцевъ-конституціоналистовъ и на организованномъ ими осенью 1905 года аграрномъ съѣздѣ, имѣвшемъ нѣсколько засѣданій подъ предсѣдательствомъ покойнаго Герценштейна, а затѣмъ отмѣтить тотъ фактъ, что развитіе преобладающихъ въ партіи взглядовъ по земельному вопросу, которые находили себѣ выраженіе сначала въ постепенно измѣнявшихся редакціяхъ ея аграрной программы, а потомъ—въ тѣхъ работахъ, которыя имѣли своею непосредственною задачею подготовку матеріала для законодательной работы перваго русскаго представительнаго собранія,—что это развитіе шло въ направленіи все большей и большей демократизаціи, все болѣе и болѣе широкаго соотвѣтствія непосредственнымъ потребностямъ и интересамъ трудящихся массъ. И съ особенною рѣзкостью эта эволюція влѣво обозначилась въ послѣднихъ по времени фазисахъ партійной работы по аграрному вопросу,—когда, какъ я уже упоминалъ, партія начала готовиться къ непосредственному участію въ законодательной работѣ. Читатель знаетъ, конечно, что для этой собственно цѣли на II-мъ общемъ съѣздѣ партіи, состоявшемся въ началѣ января, было постановлено образовать аграрную комиссію, въ составъ которой вошелъ рядъ спеціалистовъ—экономистовъ, агрономовъ и статистиковъ. Комиссія выработала первоначальный проектъ общихъ положеній и представила его на обсужденіе совѣщанія, состоявшагося въ Москвѣ 17—19 апрѣля, при участіи спеціально приглашенныхъ мѣстныхъ дѣятелей. Совѣщаніе это, принявъ, въ общемъ, основныя положенія

[1]) 131, 135, 200, 209, 494, 495, 608, 694, 836, 840, 842, 873, 876, 878, 928, 932, 936, 940, 942, 983, 990 и др. у.

комиссіи, внесло въ нихъ нѣкоторыя существенныя измѣненія и дополненія, въ указанномъ выше направленіи. Въ такомъ переработанномъ видѣ проектъ былъ переданъ въ центральный комитетъ, для доклада состоявшемуся во второй половинѣ апрѣля, непосредственно передъ открытіемъ государственной думы, III-му партійному съѣзду. Изъ состава этого съѣзда была выдѣлена особая аграрная секція, въ которую вошли, вмѣстѣ съ членами партійной аграрной комиссіи, до сорока делегатовъ, избранныхъ съѣздомъ, по одному отъ каждой представленной на съѣздѣ губерніи. Всѣ предложенныя и принятыя въ секціи измѣненія и дополненія, касающіяся частью существа, главнымъ же образомъ редакціи проекта, были сведены членами постоянной аграрной комиссіи, и въ соотвѣтственно измѣненномъ видѣ проектъ основныхъ положеній былъ внесенъ на обсужденіе общаго собранія съѣзда. Обсужденіе проекта на съѣздѣ началось 23 апрѣля, причемъ въ преніяхъ приняло участіе до 50 делегатовъ, изъ которыхъ многіе представили письменно свои замѣчанія и проекты дополненій, измѣненій или резолюцій. Въ концѣ концовъ, съѣздъ принялъ предложенную центральнымъ комитетомъ резолюцію, въ которой руководящимъ принципомъ партіи провозглашалась передача земли въ руки трудящихся и одобрялись въ общихъ основаніяхъ общія положенія въ редакціи, принятой аграрною секціею съѣзда,—и поручилъ аграрной комиссіи передать проектъ положенія думской фракціи партіи народной свободы, вмѣстѣ со всѣми тѣми замѣчаніями, которыя участники съѣзда, принимавшіе участіе въ преніяхъ, пожелали изложить въ письменной формѣ, и съ заключеніемъ по поводу ихъ комиссіи. Думская фракція, сначала въ выдѣлившейся изъ ея состава особой аграрной комиссіи подъ предсѣдательствомъ В. Е. Якушкина, а потомъ въ полномъ своемъ составѣ, подвергла проектъ общихъ основаній новому обсужденію, въ результатѣ котораго проектъ, какъ мы сейчасъ увидимъ подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ и дополненіямъ. Въ этомъ видѣ проектъ общихъ положеній и вошелъ въ извѣстную записку 42-хъ.

Въ запискѣ этой, какъ я уже въ своемъ мѣстѣ упоминалъ, воспроизводятся относящіеся къ аграрной реформѣ и въ частности—къ вопросу о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія пункты партійной программы, которые затѣмъ развиваются въ десяти пунктахъ общихъ положеній. «Руководящимъ началомъ земельной политики», въ соотвѣтствіи съ резолюціею съѣзда, провозглашается «передача земли въ руки трудящихся», важнѣйшія же практическія постано-

вленія проекта сводятся, въ краткомъ изложеніи къ слѣдующимъ пунктамъ:

Задача земельной реформы—увеличеніе площади землепользованія населенія, обрабатывающаго землю личнымъ трудомъ, государственными, удѣльными, кабинетскими, монастырскими, церковными землями и путемъ принудительнаго отчужденія, за счетъ государства, частновладѣльческихъ земель, съ вознагражденіемъ владѣльцевъ по справедливой оцѣнкѣ, т. е. сообразно съ нормальною для данной мѣстности доходностью, при условіи самостоятельнаго хозяйства, не принимая во вниманіе арендныхъ цѣнъ, созданныхъ земельною нуждою. Право на расширеніе землепользованія за счетъ перечисленныхъ источниковъ признается за безземельными и малоземельными земледѣльцами, включая сельскохозяйственныхъ рабочихъ, гдѣ послѣдніе образуютъ особый классъ, и семей, прекратившихъ хозяйство вслѣдствіе малоземелья если они пожелаютъ возстановить его. Нормы земельнаго обезпеченія установляются для каждой мѣстности особо, по соображенію съ имѣющимися земельными запасами и возможнымъ добровольнымъ выселеніемъ, причемъ желательнымъ признается доведеніе размѣровъ земельнаго обезпеченія до потребительной нормы, при опредѣленіи которой должны быть приняты во вниманіе средніе потребности крестьянской семьи и учтены прочные промысловые доходы. Самымъ важнымъ и въ то-же время острымъ является, само собою разумѣется, вопросъ о предѣлахъ отчужденія. По проекту 42-хъ признаются подлежащими отчужденію безъ всякихъ ограниченій всѣ земли, обычно сдававшіяся въ аренду до 1 января 1906 года,—замѣчу, что весьма существенное указаніе на срокъ было добавлено уже парламентскою фракціей,—а также земли, обрабатываемыя преимущественно крестьянскимъ инвентаремъ, и земли впустѣлежащія, но признанныя годными для разработки; затѣмъ, безусловно же подлежащими отчужденію признавались, независимо отъ способа эксплоатаціи, крупныя владѣнія въ части, превышающей установленный для каждой дачной мѣстности высшій размѣръ землевладѣнія; изъ земель, не превышающихъ по площади этого максимума и обрабатываемыхъ за счетъ и инвентаремъ владѣльца, принудительное отчужденіе допускается исключительно въ интересахъ мѣстнаго земледѣльческаго населенія—если оно не можетъ получить достаточнаго обезпеченія изъ другихъ земель той же мѣстности, или ради исправленія чрезполосицы и т. п. неудобствъ; иначе сказать, крупное землевладѣніе признается подлежащимъ принудительному отчужденію независимо отъ способа эксплоатаціи земли и въ интере-

сахъ какъ мѣстнаго, такъ и посторонняго земледѣльческаго населенія, среднее же, при условіи веденія экономическаго хозяйства,—лишь въ интересахъ мѣстнаго населенія. Затѣмъ, не подлежащими отчужденію признавались: городскія выгонныя земли, а также земли учрежденій, непосредственно служащія ихъ общеполезнымъ цѣлямъ, въ составѣ же крупныхъ и среднихъ частныхъ владѣній: а) земли подъ усадьбами и особо цѣнными угодьями вродѣ садовъ, виноградниковъ, искусственныхъ лѣсонасажденій—за исключеніемъ случая, когда отчужденіе этихъ земель необходимо для устраненія вредной чрезполосности; б) земли, непосредственно занятыя заводскими или сельскохозяйственными промышленными предпріятіями—находящіяся подъ ихъ строеніями, складами, сооруженіями и т. п.; земельныя угодья, обслуживающія ихъ хозяйственныя потребности, признаются подлежащими отчужденію наравнѣ съ другими землями, лишь съ установленіемъ извѣстнаго порядка и послѣдовательности перехода ихъ въ государственный земельный запасъ, и в) участки, которые центральнымъ землеустроительнымъ учрежденіемъ признано будетъ необходимымъ сохранить, въ виду ихъ исключительнаго характера и общеполезнаго значенія. Въ послѣднихъ двухъ пунктахъ, при пересмотрѣ проекта думскою фракціей, сдѣланы довольно существенныя измѣненія, имѣвшія цѣлью «сократить число случаевъ, когда владѣльцы могли бы изъять свои земли отъ принудительнаго отчужденія»: въ пунктѣ б) подчеркнуто, что земельныя угодья, обслуживающія заводскія предпріятія, «подлежатъ отчужденію наравнѣ съ другими землями», цитированная же буквально редакція пункта в) замѣнила собой слѣдующую, нѣсколько болѣе широкую редакцію, выработанную аграрною секціею III съѣзда: «имѣнія, или части имѣній, сохраненіе которыхъ будетъ признано необходимымъ съ точки зрѣнія общественнаго значенія, какъ исключительно интенсивныхъ, образцово-показательныхъ и т. д., центральнымъ учрежденіемъ, завѣдывающимъ поземельнымъ устройствомъ». Что касается затѣмъ до лѣсовъ, то въ богатыхъ лѣсомъ мѣсностяхъ допускается обращеніе подъ земельное обезпеченіе земледѣльцевъ лѣсовъ, не имѣющихъ защитнаго и водоохраннаго значенія; въ мѣстностяхъ, не имѣющихъ избытка лѣсовъ, лѣса признаются подлежащими отчужденію лишь въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ это требовалось бы нуждою населенія въ лѣсныхъ матеріалахъ, причемъ отчуждаемые лѣса, въ интересахъ ихъ сохраненія, не передаются населенію, а остаются въ распоряженіи государства, которое беретъ на себя снабженіе населенія лѣсными

матеріалами. Затѣмъ, принципіальный характеръ реформы, какъ ее представляетъ себѣ партія к.-д., выражается въ томъ положеніи записки 42-хъ, въ силу котораго отчуждаемыя земли, вмѣстѣ съ государственными, удѣльными и т. п., образуютъ государственный земельный запасъ; земли изъ этого запаса передаются въ долгосрочное пользованіе на срокъ, опредѣляемый подлежащими учрежденіями, безъ права переуступки,—причемъ начала, на которыхъ земли государственнаго запаса подлежатъ передачѣ нуждающемуся въ нихъ населенію, должны быть установлены сообразно съ особенностями землевладѣнія и землепользованія въ различныхъ областяхъ Россіи. За всѣ земли, отводимыя изъ запаса, взимается плата, размѣръ которой опредѣляется соотвѣтственно доходности земель и сообразно съ общимъ планомъ земельнаго обложенія. При отводѣ земель изъ государственнаго запаса преимущество отдается, въ каждой данной мѣстности, мѣстному населенію—отводъ свободной земли для переселенцевъ, не получившихъ земельнаго обезпеченія по мѣсту прежняго жительства, допускается лишь за удовлетвореніемъ потребности мѣстнаго населенія. Затѣмъ идутъ два важныя постановленія, изъ которыхъ одно значительно измѣнено парламентскою фракціею противъ проектировавшагося аграрною секціею III съѣзда, а другое введено парламентскою фракціею вновь: въ силу перваго, законъ, опредѣливъ общія основанія земельной реформы, долженъ допускать со стороны мѣстныхъ учрежденій представленія о видоизмѣненіи этихъ основъ согласно съ мѣстными условіями, съ непремѣннымъ сохраненіемъ однако главнаго принципа реформы — прочнаго обезпеченія землею земледѣльческаго населенія путемъ обязательнаго отчужденія; эта послѣдняя оговорка внесена, надо думать, подъ впечатлѣніемъ тѣхъ враждебныхъ самимъ основамъ реформы настроеній и стремленій, которыя, какъ мы сейчасъ увидимъ, обнаружились въ средѣ нѣкоторыхъ изъ автономистическихъ думскихъ фракцій. Второе, добавленное парламентскою фракціей, постановленіе касается вопроса о мѣстныхъ землеустроительныхъ учрежденіяхъ, который ранѣе предполагалось подвергнуть разработкѣ совершенно независимо отъ общихъ основаній реформы: законъ—такова суть этого постановленія, долженъ установить систему и порядокъ учрежденій, центральнаго и мѣстныхъ, для подготовки и проведенія земельной реформы; учрежденія эти должны немедленно приступить къ собиранію и разработкѣ необходимыхъ матеріаловъ, имѣя въ виду нормы, установленныя закономъ и стоя въ тѣсной связи съ мѣстнымъ населеніемъ.

Читатель не посѣтуетъ на менвя, если я отвелъ слишкомъ много мѣста изложенію содержанія проекта, внесеннаго въ думу представителями партіи народной свободы. Я счелъ необходимымъ это сдѣлать потому, что этотъ собственно проектъ далъ канву для общихъ думскихъ преній по аграрному вопросу, и онъ же послужилъ основнымъ матеріаломъ для преждевременно прервавшейся комиссіонной работы.

Я не могу входить здѣсь, конечно, въ подробное изложеніе мотивовъ проекта партіи народной свободы—въ значительной мѣрѣ они выяснятся изъ дальнѣйшаго изложенія. Но я считаю необходимымъ въ нѣсколькихъ выдержкахъ изъ рѣчей, произнесенныхъ видными представителями партіи во время общихъ преній, охарактеризовать общую тенденцію, общій тонъ этого проекта.

Прежде всего, въ чемъ принципъ, основная мысль проекта? Не сомнѣнно—это принципъ трудового землевладѣнія. «Отчуждая у меня одинъ квадратный аршинъ земли для того, чтобы передать его кому нибудь—говорилъ деп. Обнинскій, мы этимъ самымъ ступимъ на послѣднюю ступеньку для того, чтобы сказать открыто и во всеуслышаніе: «вся земля для трудящихся». Вотъ принципъ, который слѣдовало бы съ самаго начала откровенно установить»; и этотъ принципъ—мы видѣли, выраженъ и въ резолюціи III съѣзда, и въ запискѣ 42-хъ въ качествѣ «основного начала земельной политики». Весь вопросъ—въ извѣстной постепенности осуществленія этого принципа; вопросъ въ томъ, въ какой мѣрѣ онъ можетъ быть немедленно осуществленъ, считаясь съ реальными условіями и не подрывая производительныхъ силъ страны. Записку 42-хъ, во время преній, очень многіе обвиняли «во 1-хъ, въ ея непослѣдовательности, находили, что она не доводитъ принципа, на которомъ она основывается, до конца. На это—говорилъ В. Е. Якушкинъ, я долженъ замѣтить, что законы, а также матеріалъ для законовъ—это не есть символъ вѣры, гдѣ все должно быть согласовано между собой и не можетъ быть ничего недосказаннаго, ничего не доведеннаго до конца. Законъ по существу всегда есть компромиссъ съ жизнью, и съ этой точки зрѣнія и составлялась аграрная программа партіи народной свободы, съ этой точки зрѣнія былъ обработанъ въ общихъ чертахъ матеріалъ, который изложенъ въ этой запискѣ и который думѣ предлагается передать на обсужденіе особой комиссіи»; въ частности, для ближайшаго времени «мы хотимъ обезпечить народъ достаточнымъ количествомъ земли и вмѣстѣ съ тѣмъ считаемъ необходимымъ имѣть въ виду тѣ реальныя отношенія, которыя су-

ществуютъ въ настоящее время; мы не хотимъ требовать отъ частнаго землевладѣнія больше жертвъ, чѣмъ это необходимо для земельной реформы». Руководствуясь надеждой, что «аграрный вопросъ долженъ быть разрѣшенъ мирнымъ путемъ—путемъ конституціоннаго законодательства», партія «не противополагаетъ дѣйствующимъ экономическимъ и правовымъ нормамъ началъ совершенно новыхъ, революціонныхъ—мы беремъ, говорилъ Е. Н. Щепкинъ, изъ существующихъ условій примѣры для будущаго, но только то, что въ существующемъ строѣ дѣйствуетъ какъ исключеніе, мы возводимъ въ общее правило»; партія при этомъ исходитъ изъ стремленія избѣжать одной опаснѣйшей въ политикѣ ошибки—изъ желанія «ни кого не доводить до отчаянія; поэтому проектъ 42-хъ и представляетъ собою попытку сдѣлки съ тѣми интересами, съ тѣми физическими силами стараго строя, которыя стоятъ за старыми точками зрѣнія въ аграрномъ вопросѣ». И со своей стороны я позволю себѣ подчеркнуть еще одну точку зрѣнія, которая въ приведенныхъ выдержкахъ осталась нѣсколько въ тѣни: партія хочетъ не только избѣжать слишкомъ рѣзкаго конфликта; еще важнѣе—она не хочетъ и не можетъ слишкомъ быстрымъ проведеніемъ принципа подвергать опасности производительныя силы страны. Но какими бы соображеніями ни опредѣлялась политика партіи, между прочимъ и въ аграрномъ вопросѣ,—ея проектъ во всякомъ случаѣ не заслуживаетъ тѣхъ квалификацій, которыя, какъ мы видѣли, давались ему изъ среды трудовой группы: то, что предлагаетъ партія,—конечно не «подачки, по пословицѣ на тобѣ боже, что намъ не гоже», не готовность «отдать какіе хуже кусочки земли». Предлагаемое партіей, какъ подчеркивалъ во время преній В. П. Обнинскій, стоитъ гораздо ближе къ совершенному или почти совершенному уничтоженію крупной и средней частной земельной собственности. Я не въ достаточной мѣрѣ оптимистъ, чтобы раздѣлять высказываемую членомъ партіи народной свободы, крестьянскимъ депутатомъ Д. Васильевымъ, увѣренность въ томъ, что «если ея программа будетъ проведена въ жизнь, то русскому народу и русскому государству будутъ завидовать сосѣди-иностранцы»; что «земельная реформа по программѣ партіи народной свободы и всеобщее народное просвѣщеніе приведутъ нашу родину къ миру и процвѣтанію». Но вмѣстѣ въ П. Б. Струве—я извиняюсь передъ читателемъ, что ссылаюсь на не думскаго оратора—я думаю, что «проектъ даетъ максимумъ того, что можетъ быть дано законодательнымъ порядкомъ»; что проведеніе въ жизнь земельной реформы въ такомъ—я лично сказалъ бы,

даже въ нѣсколько меньшемъ—объемѣ дастъ каждому изъ насъ право гордиться принадлежностью къ партіи, которая провела бы такую грандіозную реформу.

Въ отличіе отъ той системы, которой я держался и буду держаться при характеристикѣ другихъ думскихъ партій и группъ, я не буду давать какой либо общей характеристики партіи народной свободы, какъ она выступала собственно въ думскихъ преніяхъ и при комиссіонномъ обсужденіи аграрнаго законопроекта—не буду отчасти для сбереженія мѣста, отчасти—въ виду своей лично принадлежности къ составу этой партіи. А затѣмъ—дать о б щ у ю характеристику партіи, какъ ея члены выступали въ преніяхъ и комиссіонныхъ обсужденіяхъ, было бы невозможно и по существу, въ виду широкой амплитуды колебаній во взглядахъ членовъ партіи на аграрный вопросъ. «Именно по аграрному вопросу, совершенно вѣрно замѣчалъ М. Я. Герценштейнъ въ одной изъ своихъ статей, взгляды членовъ партіи рѣзко расходятся: нѣкоторые изъ нихъ приближаются по своимъ воззрѣніямъ къ трудовикамъ, другіе, напротивъ, мало отличаются отъ прогрессивной партіи». И, въ соотвѣтствіи съ этимъ, мы найдемъ въ числѣ выступавшихъ въ думѣ представителей партіи народной свободы и Л. І. Петражицкаго, котораго мнѣ пришлось, слѣдуя за покойнымъ М. Я., отнести къ «аристократическому теченію», и П. Е. Сафонова, который въ вопросѣ о предѣлахъ принудительнаго отчужденія шелъ дальше, чѣмъ многіе изъ трудовиковъ [1]).

Совершенно особое мѣсто занимаютъ тѣ теченія, которыя можно назвать окраинными или автономистическими. Я не имѣю здѣсь въ виду тѣхъ немногихъ рѣчей, въ которыхъ нашли себѣ выраженіе специфическіе интересы нашихъ восточныхъ окраинъ—Сибири, киргизскаго края, Башкиріи; немногихъ, главнымъ образомъ потому, что депутаты азіатскихъ губерній и областей либо совсѣмъ не успѣли попасть въ государственную думу, либо пріѣхали передъ самымъ ея закрытіемъ, уже по окончаніи общихъ преній по аграрному вопросу. Я считаю возможнымъ не останавливаться на нихъ потому, что въ этихъ рѣчахъ затрогивались вопросы, не имѣющіе прямого отношенія къ аграрной проблемѣ, въ той ея общей постановкѣ, въ какой мы ею занимались до сихъ поръ.

Читатель знаетъ, что принципъ если не автономнаго, то во

[1]) 502, 716, 719, 812, 869, 930: №№ 114, 129, 134, 157. Протоколъ III съѣзда партіи.

всякомъ случаѣ децентрализованнаго разрѣшенія аграрнаго вопроса игралъ видную роль въ предположеніяхъ какъ партіи народной свободы, такъ и въ особенности трудовой группы, для которой перенесеніе центра тяжести рѣшенія земельнаго вопроса на мѣста было, какъ мы знаемъ, средствомъ обезпечить крестьянамъ возможно полное осуществленіе ихъ желаній. Но въ средѣ какъ партіи народной свободы, такъ и трудовой группы были теченія, стремившіяся и къ болѣе полному осуществленію принциповъ децентрализаціи и автономности какъ при выработкѣ, такъ и при проведеніи въ жизнь основаній земельной реформы. Представителемъ такого теченія въ составѣ трудовой группы былъ, главнымъ образомъ, оренбургскій депутатъ Сѣдельниковъ: для него проведеніе принципа децентрализаціи было не только способомъ «привести въ движеніе» народныя массы,—онъ признавалъ децентрализованное разрѣшеніе аграрнаго вопроса единственнымъ средствомъ достигнуть разрѣшенія послѣдняго въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными, безконечно разнообразными требованіями жизни. «Если бы мы провели—говорилъ г. Сѣдельниковъ, какой либо однообразный законъ поземельнаго устройства, то получилось бы, что еще не опредѣлившіяся, не закончившіяся, не установившіяся формы земельнаго хозяйства мы возложили бы на прокрустово ложе и должны были бы втиснуть ихъ туда насильно». Въ частности съ этой точки зрѣнія г. Сѣдельниковъ, «принадлежа къ трудовой группѣ, не раздѣляетъ того мнѣнія, что въ настоящее время, въ настоящій историческій моментъ возможна общая національзація всѣхъ земель»,—она назрѣла, по его мнѣнію, только въ черноземной полосѣ, въ остальныхъ же мѣстностяхъ Россіи необходимо только «широкое поземельное устройство въ цѣляхъ постепеннаго установленія большей равномѣрности въ земельномъ обезпеченіи крестьянъ». А для того, чтобы земельная реформа была, дѣйствительно, осуществлена въ соотвѣтствіи со всѣмъ разнообразіемъ требованій жизни, необходимо, «намѣтивъ только общіе принципы этой программы, передать дѣло для обсужденія на мѣстахъ», а за самою думою сохранить «въ высшей степени благодарную и благородную роль посредника между отдѣльными обществами, отдѣльными уѣздами, отдѣльными общинами» [1]). Не менѣе убѣжденные защитники децентрализованнаго разрѣшенія земельнаго вопроса были и въ средѣ партіи народной свободы. Такимъ защит-

[1]) 709, 712.

никомъ являлся, напримѣръ, предсѣдатель подкомиссіи о мѣстныхъ комитетахъ В. П. Обнинскій. Основнымъ принципомъ земельной реформы, «который, по его мнѣнію, слѣдовало бы съ самаго начала откровенно установить» и который съ необходимостью вытекаетъ изъ предположеній, изложенныхъ въ запискѣ 42-хъ, долженъ быть принципъ «вся земля для трудящихся». Но «не всюду одновременно могъ бы быть осуществленъ этотъ высокій принципъ»—въ то время, какъ «въ уральской области оставалось бы только закрѣпить нынѣ существующее положеніе, быть можетъ въ Польшѣ не одинъ десятокъ лѣтъ пришлось бы ждать, прежде нежели принципъ этотъ получилъ бы осуществленіе»; слѣдовательно, «въ рѣшеніи этого вопроса центръ тяжести, несомнѣнно, переносится на отдѣльныя мѣстности русскаго государства, которыми этотъ вопросъ и долженъ быть рѣшенъ», для чего необходимо областное самоуправленіе и переустройство органовъ земскаго самоуправленія. Съ другой стороны, децентрализація распоряженія государственнымъ земельнымъ фондомъ выдвигается нѣкоторыми членами партіи к.-д. какъ средство противъ той чрезмѣрной централизаціи и бюрократизаціи, которой, какъ мы видѣли, боятся представители «аристократическаго теченія»: «разъ распоряженіе государственнымъ фондомъ,—говорилъ депутатъ Ишпенецкій,—будетъ находиться въ рукахъ мелкихъ общественныхъ органовъ, то опасаться того, что образованіе государственнаго земельнаго фонда усилитъ бюрократію и поставитъ населеніе въ зависимость отъ центральнаго правительства, нѣтъ никакихъ основаній». Въ томъ же смыслѣ высказывается одинъ изъ виднѣйшихъ представителей малорусскаго автономизма—депутатъ Шрагъ,—но у него децентрализація завѣдыванія земельнымъ фондомъ связывается съ децентрализаціей и самого земельнаго законодательства. Какъ ни старались — говоритъ онъ — авторы проекта 42-хъ считаться съ мѣстными особенностями,—«но если эти мѣстныя особенности будутъ принимаемы во вниманіе только въ центральныхъ учрежденіяхъ, то онѣ не будутъ достаточно разработаны, не будутъ даже достаточно уважены. Задача центральнаго представительства должна поэтому заключаться въ томъ, чтобы установить тѣ основныя положенія, которыя дѣйствительно должны быть признаны общими для всѣхъ областей и народовъ Россійской Имперіи»,—именно, начало принудительнаго отчужденія и передачу отчуждаемыхъ земель въ пользованіе или собственность трудящагося населенія, а затѣмъ «всѣ подробности и разработка частностей должны быть произведены на мѣстахъ».

*

Аналогичные по существу взгляды высказываются прибалтійскими и нѣкоторыми изъ польскихъ депутатовъ. Такъ, сувалкскій депутатъ Витковскій, «признавая принципъ принудительнаго отчужденія частной собственности и принципъ достаточнаго надѣленія землей нуждающагося въ землѣ земледѣльческаго населенія», высказывается категорически противъ той формулировки правъ мѣстныхъ комитетовъ, которая дана была въ проектѣ партіи народной свободы: «нужно предоставить—говоритъ онъ—мѣстнымъ комитетамъ безусловное право измѣнять нормы согласно мѣстнымъ условіямъ, право опредѣлять способы и условія землепользованія, съ условіемъ только не входить въ противорѣчіе съ основными принципами аграрной реформы: принудительнымъ отчужденіемъ, достаточнымъ обезпеченіемъ и финансовою стороною реформы». Лифляндскій депутатъ Теннисонъ, одинъ изъ виднѣйшихъ представителей прибалтійскаго края, по частному разногласію, возникшему въ аграрной комиссіи, рѣзко подчеркиваетъ столкновеніе «централистовъ», какими онъ считаетъ кадетское большинство комиссіи, съ «автономистами», какими онъ признаетъ себя и своихъ единомышленниковъ; по конструкціи большинства «всѣ свѣдѣнія и заключенія мѣстныхъ земельныхъ учрежденій будутъ разсматриваться какъ матеріалъ»; по убѣжденію г. Теннисона, «мѣстному населенію должно быть предоставлено самое установленіе земельныхъ нормъ».

Но дальше всѣхъ въ данномъ направленіи идутъ, какъ и слѣдовало ожидать, представители Царства Польскаго, какъ въ отдѣльныхъ заявленіяхъ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе видныхъ польскихъ депутатовъ, такъ и декларацiяхъ, дѣлавшихся отъ общаго имени всего польскаго коло. Еще во время обсужденія адреса люблинскій депутатъ-крестьянинъ Наконечный, отъ имени депутатовъ Царства Польскаго, заявилъ, что «надлежащее рѣшеніе аграрнаго вопроса» въ этомъ краѣ «возможно не иначе, какъ тѣмъ способомъ и на тѣхъ началахъ, какія будутъ опредѣлены органами мѣстнаго самоуправленія и представительнымъ собраніемъ края». «Аграрная реформа, объяснялъ подробнѣе тотъ же Наконечный уже во время общихъ преній, предлагаемая нынѣ въ думѣ, не должна коснуться Царства Польскаго, гдѣ удовлетворительное разрѣшеніе таковой реформы требуетъ спеціальной внимательной разработки и знакомства съ особыми основами гражданскаго и экономическаго быта. Единственно правильный выходъ изъ такого положенія депутаты Царства Польскаго усматриваютъ въ предоставленіи аграрнаго законопроекта вѣдѣнію мѣстныхъ учрежденій». Великое дѣло земель-

ной реформы «должно быть предоставлено законодательному собранію Царства Польскаго, причемъ собранію этому должно быть предоставлено право принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель по его собственному усмотрѣнію и почину», «навязывать же Царству Польскому аграрную реформу изъ Петербурга, построенную на совершенно чуждой польскому сознанію теоріи, это означало бы—ни болѣе ни менѣе!!—дальнѣйшую попытку къ окончательному разгрому Польши». И не менѣе категорически тотъ же взглядъ былъ высказанъ въ пространной и очень интересной рѣчи одного изъ виднѣйшихъ представителей польскаго коло—деп. Стецкаго: «Если вы—говорилъ г. Стецкій, обращаясь къ думскому большинству,—вспомните о своемъ политическомъ происхожденіи, то придется вамъ въ моментъ, когда вы принимаетесь за переустройство своей хозяйственной жизни, предоставить и намъ право устроить ее согласно съ нашими понятіями, съ нашими обычаями и пожеланіями. Десятимилліонное слишкомъ населеніе Царства Польскаго ожидаетъ этого отъ васъ, представители русскаго народа». Иная постановка вопроса звучитъ для г. Стецкаго «фальшивой нотой притѣснительныхъ временъ абсолютизма», и, хотя увѣренный, «что это не болѣе, какъ отголосокъ прошлаго», г. Стецкій «признаетъ необходимымъ оговориться ясно: аграрная реформа въ Царствѣ Польскомъ, если ей суждено послужить народному благу и сохранить демократическій характеръ, должна всецѣло явиться плодомъ работы польскаго законодательнаго собранія». И робкимъ диссонансомъ въ стройномъ хорѣ польскихъ голосовъ прозвучало только заявленіе сувалкскаго депутата-крестьянина Гирнюса, который сталъ, какъ разъ, на ту точку зрѣнія, въ которой его соотчичи усматривали «фальшивую ноту притѣснительнаго абсолютизма»: «если дума—говорилъ г. Гирнюсъ,—намѣтитъ въ краткомъ видѣ принципы своего законопроекта объ отчужденіи по справедливой оцѣнкѣ и передачѣ дѣла на мѣста и ограничится этимъ, то дума можетъ вызвать партійную и классовую борьбу, которою воспользуется нашъ непріятель... Законодательная палата должна поэтому поставить въ законъ не только принципъ отчужденія, но и указать, гдѣ, какимъ образомъ, отъ кого, сколько и какъ отчуждать—на мѣстахъ это рѣшиться не можетъ». Несомнѣнно, что въ рѣчи сувалкскаго депутата обнаружилось полное смѣшеніе функцій законодательной палаты и исполнительнаго органа. Но изъ дальнѣйшаго будетъ видно, что тѣ опасенія, которыя вызывала въ немъ «передача дѣла на мѣста» и которыя заставляли его вы-

сказываться за централистическую постановку дѣла, были не со всѣмъ лишены основаній [1])...

Дѣло въ томъ. что автономистическія стремленія и у представителей прибалтійскихъ губерній, и у польскихъ депутатовъ, къ которымъ близко примыкаютъ члены такъ называемой сѣверо и юго-западной группы, связаны съ чрезвычайно существенными особенностями во всемъ ихъ культурномъ и экономическомъ міросозерцаніи,—особенностями, которыя, у тѣхъ и у другихъ, проистекаютъ, до нѣкоторой степени, изъ одного общаго корня: и Царство Польское, и Прибалтійскій край—мѣстности, сравнительно, съ очень старою и прочною культурой, которая чрезвычайно дорога мѣстному населенію, къ какому бы оно ни принадлежало классу и каковы бы ни были специфическія стремленія и интересы этого класса. И я имѣю здѣсь въ виду не только о б щ у ю культуру, но и ея существеннѣйшую—разъ мы говоримъ о земельномъ вопросѣ—отрасль, культуру сельскохозяйственную. И вотъ, рѣчи какъ польскихъ, такъ и прибалтійскихъ депутатовъ полны разсужденіями о важности и значеніи той самой культуры, упоминаніе о которой такъ раздражало нашихъ крестьянскихъ депутатовъ, и они нисколько не смущаются не только ставить рядомъ земельный и культурный вопросы, но даже въ той или иной мѣрѣ противопоставлять культурныя задачи и культурные методы воздѣйствія расширенію крестьянскаго землевладѣнія. «Не одно увеличеніе площади крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія подниметь благосостояніе сельскаго населенія, говоритъ представитель польскаго кола Стецкій, и земельное переустройство есть едва начало великой преобразовательной дѣятельности, ведущей къ обезпеченію за мелкимъ землевладѣніемъ вѣрнаго и скораго развитія»; увеличеніе площади крестьянскаго землевладѣнія «само по себѣ не способно повліять въ благотворномъ смыслѣ на зажиточность и культурность сельскаго населенія», оно «можетъ быть допустимо по мѣстнымъ условіямъ», но только въ томъ случаѣ, «если будетъ поставлено въ связь съ законодательными мѣрами, направленными къ развитію началъ свободнаго личнаго хозяйства, къ раскрѣпощенію сельскихъ жителей, къ упроченію ихъ собственности и обезпеченію ихъ кредитомъ». И такой взглядъ основывается, непосредственно, на указаніяхъ жизни: съ одной стороны, польскій крестьянинъ-собственникъ «не скупится на удобреніе

[1]) 131, 197, 606, 615, 616, 878, 879, 882, 883, 938, 991 и др.; IX, 97—98.

почвы, обрабатываетъ ее гораздо тщательнѣе, старательнѣе; и этотъ то улучшенный способъ хозяйства не только спасалъ польскаго крестьянина отъ голодной смерти, но и доставлялъ ему средства на покупку земли» (Наконечный). И наоборотъ: «есть крестьяне и такіе, у которыхъ имѣется земли достаточное количество, но и эти крестьяне тоже терпятъ нужду и остаются безъ хлѣба весною», — и это потому, что «въ витебской губерніи треть поля гуляетъ, и крестьянинъ остается безъ хлѣба» (кс. Трасунъ). Или предоставимъ слово представителямъ Прибалтійскаго края. И они нисколько не стѣсняются подчеркивать ничтожность того эффекта, который можетъ принести расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, по сравненію съ тѣмъ, который можетъ дать повышеніе сельскохозяйственной культуры: «отчужденіемъ всѣхъ имѣющихся разновидныхъ земель крупной собственности, говоритъ лифляндецъ Бремеръ, можно увеличить площадь мелкаго землевладѣнія только на 35%, — а всю сумму абсолютнаго урожая, только сколько нибудь улучшивъ культуру сельскаго хозяйства, можно поднять на 100%, если же говорить про дѣйствительную культуру, тогда, пожалуй, и на 200%. Значитъ центръ тяжести аграрнаго вопроса заключается въ повышеніи производительности земледѣльческаго труда». И это не только для такихъ мѣстностей, какъ Прибалтійскій край — наоборотъ: «въ первобытномъ состояніи хозяйства, говоритъ другой видный лифляндскій депутатъ, г. Теннисонъ, крупное хозяйство превосходитъ мелкое. Если вы, обращается г. Теннисонъ къ представителямъ коренной Россіи, желаете обезпечить за народнымъ хозяйствомъ продуктивность и тѣмъ не менѣе желаете поддержать мелкое хозяйство, то вы должны прежде всего содѣйствовать интенсификаціи хозяйства», въ противномъ случаѣ «вы губите народное хозяйство вмѣсто того, чтобы поднять народное благосостояніе».

Какъ читатель отчасти уже могъ видѣть изъ приведенныхъ выдержекъ, вопросъ о повышеніи культуры тѣсно связанъ и для поляковъ, и для балтійцевъ съ вопросомъ объ институтѣ собственности; какъ тѣ, такъ и другіе безусловно не признаютъ никакой иной формы владѣнія и безусловно отвергаютъ самую мысль о государственномъ земельномъ фондѣ; если у крестьянина внутреннихъ губерній нѣтъ идеи собственности, то это «потому, что тамъ сельское хозяйство стоитъ на очень низкой ступени культуры, и по отношенію къ землѣ приложено очень мало труда и капитала» (Бремеръ). И въ многочисленныхъ рѣчахъ поляковъ и балтійцевъ мы встрѣчаемъ настоящіе дифирамбы институту крестьянской

собственности: «полная возможность личнаго почина и обезпеченія за трудящимися приложенія капитала къ землѣ — говоритъ тотъ же Бремеръ — мыслима только тогда, когда земля — полная собственность трудящагося лица». «Аксіома — говоритъ другой лифляндецъ, Озолинъ: не земля кормитъ насъ, а только производительность труда; значитъ, необходимо поднять уровень производительныхъ силъ хозяйства», а это «достижимо только при передачѣ земли на правахъ собственности». Польскіе крестьяне, по торжественному удостовѣренію все того же депутата Наконечнаго, ни въ какомъ случаѣ не будутъ удовлетворены отводомъ имъ земли на какихъ бы то ни было иныхъ началахъ: «мы привыкли сидѣть на своей собственной землѣ, и я берусь утверждать, что самый исхудалый (sic) изъ насъ скорѣе согласится имѣть одну десятину навсегда, чѣмъ пять на неопредѣленное время въ качествѣ выдѣла общественнаго владѣнія». А полная національзація земли— значитъ «лишеніе крестьянъ права собственности на землю,— причинила бы въ западной части Россіи страшную внутреннюю смуту и вызвало бы рѣшительный протестъ всего населенія» (Яловецкій, Вил. губ.); уничтоженіе частной собственности «вызоветъ среди крестьянъ бурю негодованія, а можетъ быть и что-либо худшее» (Рютли, Лифл. губ.). Правда, изъ среды самихъ же польскихъ и балтійскихъ депутатовъ раздавались и сомнѣнія въ обоснованности столь категорическихъ заявленій отъ имени польскаго и балтійскаго крестьянства. «Безземельные и малоземельные—говорилъ сувалкскій депутатъ Витковскій, получая землю, будутъ ей рады, на какихъ бы условіяхъ ее ни получали»,—и приблизительно тоже самое высказалъ эстляндскій депутатъ Геллатъ: «у меня нѣтъ основаній,— говорилъ онъ,—заявить здѣсь, что населеніе Эстляндіи подниметъ бурю въ защиту неприкосновенности земельной собственности. Я думаю, наоборотъ, что населеніе Эстляндіи будетъ радостно привѣтствовать эту реформу, въ особенности, если тѣ крестьянскіе участки, которые выкуплены, не будутъ подлежать принудительному отчужденію, если земельный фондъ будетъ находиться въ завѣдываніи и распоряженіи мѣстнаго самоуправленія и если, наконецъ, вновь образуемыя хозяйства, въ размѣрѣ трудовой нормы, будутъ сдаваться въ аренду долгосрочную, пожизненную и потомственную». Но такія рѣчи совершенно терялись въ массѣ другихъ рѣчей, гдѣ вопросъ о крестьянской собственности ставился вполнѣ категорически, не допуская ни малѣйшихъ компромиссовъ.

На первый взглядъ трудно замѣтить существенную разницу ме-

жду польскимъ и прибалтійскимъ теченіями и въ наиболѣе острому вопросѣ—о допустимости принудительнаго отчужденія и о его предѣлахъ. Прибалтійскіе депутаты, среди которыхъ вѣдь не было представителей отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, не могли быть заподозрѣны въ аграрныхъ тенденціяхъ. Съ ихъ стороны и нельзя было предполагать какихъ-либо принципіальныхъ возраженій противъ расширенія крестьянскаго землевладѣнія вообще и въ частности—противъ принудительнаго отчужденія. Какъ ни дорожатъ они правомъ собственности, они безусловно признаютъ, что «соціальная необходимость ограничиваетъ и наше право на землю» (Теннисонъ); они «признаютъ и защищаютъ принципъ права собственности—но это вовсе не устраняетъ необходимости допущенія принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель, разъ это вызывается государственною необходимостью»,—въ данный же моментъ «такая необходимость существуетъ, и правильное разрѣшеніе аграрнаго вопроса немыслимо безъ отчужденія части частновладѣльческихъ земель» (Озолинъ). Принудительное отчужденіе—это тотъ единственный общій принципъ проекта 42-хъ, который «примѣнимъ въ Прибалтійскомъ краѣ, и примѣнимъ въ полномъ размѣрѣ» (Рютли); мало того—«безъ принудительнаго выкупа нельзя обойтись въ самыхъ широкихъ размѣрахъ» (Крейцбергъ). И наряду съ этимъ—здѣсь уже отражаются своеобразныя соціальныя условія Прибалтійскаго края—«въ Прибалтійскомъ краѣ надо уничтожить всякія привиллегіи, которыми обладаютъ у насъ имѣнія аграріевъ» и такую яркую характеристику которыхъ мы находимъ, напр., въ рѣчахъ Рютли и Крейцберга. Но изъ предыдущаго мы уже знаемъ, что расширенію крестьянскаго землевладѣнія группа прибалтійскихъ депутатовъ не придаетъ такого рѣшающаго значенія, какое приписываютъ мѣрамъ этого порядка представители коренной Россіи. А въ такомъ случаѣ прибалтійскіе депутаты не могутъ не считаться съ культурно-хозяйственнымъ значеніемъ крупнаго землевладѣнія—они «охотно допускаютъ крупное землевладѣніе, когда оно приноситъ населенію больше пользы, чѣмъ мелкое». Исходя изъ этой, однимъ высказываемой, другими подразумѣваемой точки зрѣнія, большинство прибалтійскихъ депутатовъ обставляетъ принудительное отчужденіе болѣе или менѣе серьезными ограниченіями. Одни, какъ деп. Теннисонъ, отказываются признать принципъ принудительнаго отчужденія въ какой-либо общей формулировкѣ, исходя изъ того сообра-

[1]) 197, 418, 497, 499, 604, 613, 664, 815, 816, 818, 829, 830, 854, 878, 881, 937 и др.

женія, что «этотъ принципъ зависитъ въ высокой степени отъ нужды населенія въ землѣ, отъ условій, въ которыя поставлено земледѣльческое населеніе, а также отъ того, какіе есть другіе пути для выхода изъ тяжелаго положенія». Другіе ограничиваютъ примѣненіе принципа принудительнаго отчужденія, исходя изъ хозяйственнаго значенія самого частнаго землевладѣнія: такъ деп. Крейцбергъ—одинъ изъ тѣхъ, въ рѣчахъ котораго особенно рѣзко выразилась ненависть латышскаго крестьянства къ феодальному дворянству, въ вопросѣ объ отчужденіи не идетъ далѣе неправильно присвоенныхъ помѣщиками крестьянскихъ земель, имѣній, отданныхъ въ пользованіе рыцарству и, «латифундій», а деп. Озолинъ наряду съ латифундіями полагаетъ подвергнуть принудительному отчужденію только тѣ земли, «которыя воздѣлываются не самими владѣльцами, а служатъ для нихъ только источникомъ доходовъ—рентнымъ фондомъ: всѣ эти земли должны быть отчуждены въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, потому что въ данномъ случаѣ уже отпадаютъ всѣ возраженія, которыя можно привести при отчужденіи частновладѣльческихъ земель»; онъ допускаетъ отчужденіе лишь «при условіи сохраненія цѣльности веденія отдѣльныхъ хозяйствъ, въ связи съ ихъ производствомъ».

И тѣмъ не менѣе, прибалтійская группа встрѣчаетъ къ себѣ самое сочувственное отношеніе если, можетъ быть, не со стороны трудовиковъ, то во всякомъ случаѣ — со стороны думскаго центра. «Съ представителями этого района, говоритъ хорошо освѣдомленный хроникеръ «Русскихъ Вѣдомостей», соглашеніе не будетъ представлять затрудненій, потому что всѣ они стоятъ за широкое отчужденіе земель; что касается до прибалтійскихъ землевладѣльцевъ, то они не имѣли представителей въ думѣ». И въ этомъ именно вся суть: что бы ни говорили балтійскіе депутаты, какъ бы ихъ взгляды ни уклонялись въ томъ или другомъ вопросѣ отъ взглядовъ думскаго центра, а тѣмъ болѣе—самыхъ лѣвыхъ группъ, въ нихъ чувствовались дѣйствительные представители трудового народа. Въ ихъ рѣчахъ, говоритъ М. Я. Герценштейнъ въ уже цитированной статьѣ, посвященной обзору думскихъ теченій, «слышалось чувство глубоко затаенной обиды, чувство народа, такъ долго терпѣливо сносившаго иго крупнаго землевладѣнія». Въ ихъ рѣчахъ «чувствовалась большая сила, упорство — такимъ представителямъ можно довѣрить свои интересы. Совершенно ясно было, что въ думу послалъ своихъ представителей трудолюбивый, привыкшій къ борьбѣ со всѣми невзгодами, выросшій въ лише-

ніяхъ народъ, который сумѣетъ добиться своей доли счастья на землѣ. До сихъ поръ они не имѣли возможности заставить себя выслушать; теперь они властно заявляютъ, что за ними стоитъ народъ, который далекъ отъ фантастическихъ несбыточныхъ требованій, но за то не отступитъ отъ своихъ законныхъ требованій [1]).

Совсѣмъ другимъ оказалось положеніе, среди думскихъ партій, польскаго коло и близкихъ къ нему по взглядамъ сѣверо- и юго-западной группы. Изъ среды этой послѣдней еще при обсужденіи адреса раздались заявленія, очевидно шедшія въ разрѣзъ съ самимъ принципомъ принудительнаго отчужденія. Въ нѣсколько туманной формѣ, такое заявленіе было сдѣлано епископомъ бар. Роппомъ — «мы должны, говорилъ виленскій депутатъ, также желать пріобрѣсти больше земли, чѣмъ сегодня имѣемъ, но все-таки не нарушая правъ чужихъ, безъ насилія и безъ внутренней борьбы, а постепеннымъ развитіемъ на существующихъ основахъ». Не отличались совершенною ясностью и заявленія двухъ другихъ депутатовъ изъ западнаго края — гг. Скирмунта и гр. Потоцкаго. «Существуютъ въ Россіи районы, говорилъ послѣдній, а къ ихъ числу принадлежитъ и районъ, который я имѣю честь здѣсь представлять, гдѣ уничтоженіе частной земельной собственности не будетъ отвѣчать благосостоянію крестьянъ», гдѣ «такой переворотъ уменьшилъ бы на половину заработокъ самого крестьянства даже при увеличеніи теперешняго ихъ надѣла». «Частная собственность, говорилъ съ своей стороны деп. Скирмунтъ, уже во время преній объ учрежденіи аграрной комиссіи, по его иниціативѣ принявшихъ характеръ общихъ преній по существу вопроса, — можетъ быть сохранена и должна быть сохранена, для общей пользы государства», — хотя «одновременно площадь крестьянскаго землевладѣнія можетъ быть и должна быть увеличена». Ни въ одномъ изъ этихъ заявленій нѣтъ прямого и безусловнаго отрицанія принципа принудительнаго отчужденія. Но смыслъ этихъ заявленій не оставляетъ мѣста никакому сомнѣнію — это, дѣйствительно, говорили землевладѣльцы и защищали свои интересы, — это, несомнѣнно, рѣшительные и явные противники принудительнаго отчужденія.

Нѣсколько иначе держали себя представители Царства Польскаго — польское коло. Въ ихъ рѣчахъ нельзя найти чего-нибудь похожаго на категорическое отрицаніе принципа принудительнаго

---

[1]) 497, 498, 500, 563-565, 816, 829-833 и др. — IV. — №№ 134, 149.

отчужденія. Напротивъ, въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, изъ этихъ рѣчей есть прямое признаніе этого принципа. «Мы сразу должны сказать, заявлялъ г. Стецкій отъ имени польскаго коло, что мысль объ оказаніи активной помощи мелкому землевладѣнію, разумѣется на счетъ крупной поземельной собственности, для насъ не только вполнѣ симпатична, но что мы ее вполнѣ раздѣляемъ, что она составляетъ основу нашихъ же собственныхъ политическихъ взглядовъ и програмныхъ требованій». Въ частности, увеличеніе площади крестьянскаго землевладѣнія «можетъ быть по мѣстнымъ условіямъ допустимо путемъ отчужденія частновладѣльческихъ земель», — и настаивая на автономномъ разрѣшеніи аграрнаго вопроса для Царства Польскаго, польское коло, устами г. Стецкаго, признаетъ необходимымъ предоставить мѣстному законодательному собранію «право отчуждать частновладѣльческія земли съ тѣмъ, чтобы починъ и примѣненіе этого права принадлежали къ кругу вѣдѣнія собранія». Я приводилъ уже аналогичныя заявленія деп. Наконечнаго, — позволю себѣ еще привести выдержку изъ рѣчи деп. Парчевскаго, тоже одного изъ видныхъ ораторовъ коло: принципъ неприкосновенности собственности, высказалъ г. Парчевскій, «слѣдуетъ ограничить другимъ принципомъ — что для увеличенія площади крестьянскаго землевладѣнія можетъ быть примѣненъ принципъ экспропріаціи. И это единственное основное положеніе должно считаться общеимперскимъ, и слѣдовательно должно быть распространено и на Царство Польское, но съ предоставленіемъ мѣстному представительству [опредѣлять], въ какихъ именно границахъ и при какихъ условіяхъ этотъ принципъ отчужденія можетъ состояться». Какъ видитъ читатель—это, въ сущности, почти тоже, чего требовали, напримѣръ, представители малороссійскаго автономизма. Опредѣленное признаніе принципа принудительнаго отчужденія содержится и въ рѣчахъ нѣкоторыхъ изъ представителей западнаго края—напр. гг. Понятовскаго и Сонгайло—и они высказываются только противъ безпредѣльно-широкой формулировки этого принципа, выступая при обсужденіи проекта адреса съ предложеніемъ дополнить помѣщенное въ адресѣ указаніе на принудительное отчужденіе оговоркою, что оно будетъ производиться только «въ случаѣ необходимости»; опять таки,—это тоже, чего требовали гр. Гейденъ и другіе представители думской правой, которыхъ мы никогда не рѣшились бы заподозрить въ сознательномъ отстаиваніи аграрныхъ интересовъ. Мало того: мнѣ лично пришлось слышать въ клубѣ народной свободы докладъ

одного изъ представителей коло съ торжественнымъ заявленіемъ, что въ программу коло входитъ расширеніе крестьянскаго землевладѣнія и какъ средство для этого—принудительное отчужденіе,— и во время преній по этому докладу я высказывалъ то мнѣніе, что разъ думская партія выступаетъ съ опредѣленнымъ заявленіемъ, то мы обязаны вѣрить его искренности. И, однако, отношеніе къ польскому коло не только крайней лѣвой, но и думскаго большинства, и тѣхъ, кто стоялъ на одной съ ними почвѣ, было совсѣмъ не то, что къ прибалтійской группѣ. Въ польскихъ депутатахъ чувствовали серьезную силу, потому что они «хорошо знаютъ, чего они желаютъ, у нихъ нѣтъ никакихъ колебаній, они идутъ прямо къ цѣли, готовятся къ засѣданіямъ и выступаютъ съ матеріаломъ въ рукахъ». Но съ самаго же начала общихъ преній для всѣхъ ясно поставился вопросъ: «к т о ж е является представителемъ Царства Польскаго, ч ь и интересы защищаютъ тѣ ораторы, которые до сихъ поръ высказывались.?» А, когда пренія закончились, отвѣтъ на этотъ вопросъ сталъ ясенъ и для тѣхъ, кто отнюдь несклоненъ былъ расточать направо и налѣво обвиненія въ сознательномъ служеніи интересамъ землевладѣльческаго класса. «Царство Польское—прямо говоритъ несомнѣнно компентный и отчетливо отражающій взгляды думскаго центра хроникеръ «Русскихъ Вѣдомостей»,—послало представителей, отстаивающихъ интересы землевладѣльцевъ. Если прислушиваться къ ихъ рѣчамъ, то можно прійти къ заключенію, что съ землею они разставаться не хотятъ. Наряду съ весьма законными и по существу правильными возраженіями, здѣсь придется, можетъ быть, натолкнуться на систематическое противодѣйствіе со стороны землевладѣльцевъ, не желающихъ ничѣмъ поступиться въ пользу меньшей братіи». И я долженъ сказать, что рѣчи польскихъ депутатовъ, въ значительной мѣрѣ, оправдывали такого рода предположенія. Съ одной стороны, они такъ подчеркивали принципъ автономности, такъ настаивали на томъ, что примѣненіе принципа принудительнаго отчужденія должно быть всецѣло предоставлено мѣстному представительству, притомъ тщательно остерегаясь указать, какой будетъ минимумъ его примѣненія,—что поневолѣ возникалъ вопросъ: а что, если мѣстное представительство вовсе не пожелаетъ пускать въ ходъ принудительнаго отчужденія? и не потому ли желаютъ свести къ нулю роль центральнаго народнаго представительства, что принципіально отвергаютъ право установленія какихъ бы то ни было общихъ началъ аграрной реформы? Съ другой стороны, самая потребность въ расширеніи крестьянскаго

землевладѣнія въ западномъ краѣ обставлялась столькими оговорками, такъ усиленно подчеркивалась, что интенсивная культура устраняетъ самый вопросъ о малоземельѣ, что опять-таки невольно возникалъ вопросъ: а что, если потребности въ расширеніи землевладѣнія, въ концѣ концовъ, и вовсе не окажется? А главное—въ рѣчахъ польскихъ депутатовъ слишкомъ сильно звучало желаніе «содѣйствовать улучшенію крестьянскаго хозяйства такимъ образомъ, чтобы не разрушать крупныхъ землевладѣній и фабричныхъ производствъ» (бар. Роппъ), въ нихъ слишкомъ подчеркивалась противоположность польскаго владѣльческаго хозяйства «отсталому и забитому» русскому крупному хозяйству (Стецкій), въ нихъ въ слишкомъ обобщенной формѣ заявлялось о томъ, что въ Царствѣ Польскомъ «помѣщикъ вноситъ въ свое хозяйство значительную часть личнаго труда, ведетъ хозяйство въ высшей степени интенсивно». Если всего этого и было, можетъ быть, слишкомъ мало для того, чтобы опредѣленно говорить о нежеланіи польскихъ депутатовъ «ничѣмъ поступиться въ пользу меньшей братіи, то все это дѣлало—какъ констатируетъ покойный Герценштейнъ—очень труднымъ «опредѣлить, какая положительная программа представителей Царства Польскаго. Съ одной стороны, они высказываются въ принципѣ за принудительное отчужденіе; съ другой стороны, они такъ сильно связываютъ аграрную реформу съ автономіею и такъ подчеркиваютъ особенности своего края, что трудно уловить, какая же положительная программа, которую они думаютъ отстаивать въ комиссіи и въ думѣ»... Покойный М. Я. не отрицаетъ, конечно, ряда существенныхъ особенностей Царства Польскаго, въ томъ числѣ «высокаго уровня сельскохозяйственной техники, преобладанія имѣній средняго размѣра, тѣсной связи владѣльцевъ съ землею, слабаго развитія крестьянской аренды»—условія, подробно выясненныя въ рѣчахъ представителей польскаго коло. «Однако—замѣчаетъ онъ, это не исключаетъ всетаки необходимости приступить къ земельной реформѣ. Вопросъ только въ томъ, какъ представляютъ себѣ эту реформу представители Царства Польскаго»...

И вопросъ этотъ такъ до конца существованія первой думы и остался вопросомъ—мы до сихъ не знаемъ, какъ именно представляютъ себѣ польскіе депутаты земельную реформу и въ частности предѣлы принудительнаго отчужденія—знаемъ только, что они во что бы то ни стало стремились изъять этотъ вопросъ изъ сферы общерусскаго законодательства и перенести его въ мѣстное пред-

ставительное учрежденіе. И не удивительно при такихъ условіяхъ, что когда польское коло потребовало включенія въ проектъ отвѣта на извѣстное правительственное сообщеніе указанія на то, что земельная реформа будетъ произведена «согласно съ мѣстными условіями по волѣ мѣстнаго населенія», то партія народной свободы, должна была отвергнуть это дополненіе; устами И. И. Петрункевича партія к.-д. признала невозможнымъ «заранѣе устранять для извѣстныхъ мѣстностей тѣ принципіальныя основанія, которыя могутъ быть приняты государственною думой»; И въ дальнѣйшихъ словахъ И. И. Петрункевичъ поставилъ точку на і; «если напримѣръ въ Царствѣ Польскомъ всѣ земельныя отношенія будутъ признаны находящимися въ полномъ порядкѣ—то при такихъ условіяхъ никакая земельная реформа тамъ не будетъ имѣть мѣста». Партія народной свободы, конечно, не могла допустить такой возможности [1]).

III.

Основные вопросы земельной реформы. — Расширеніе крестьянскаго землевладѣнія и культурный вопросъ. — Принудительное отчужденіе, какъ историческая необходимость; юридическая его обосновка. — Національнзація земли, государственный земельный фондъ или частная земельная собственность. — Предѣлы принудительнаго отчужденія .— Вознагражденіе владѣльцевъ отчуждаемыхъ земель и основанія оцѣнки. — Нормы надѣленія трудовыхъ земледѣльцевъ.

Попытаемся теперь подвести итогъ тѣмъ взглядамъ, которые нашли себѣ выраженіе при обсужденіи думою основныхъ вопросовъ земельной реформы. Конечно, тутъ не приходится говорить объ окончательномъ итогѣ, который нашелъ бы себѣ выраженіе въ разработанномъ и принятомъ думою законопроектѣ. На той стадіи, на которой были прерваны работы думы, могла, естественно, получиться очень неполная и отрывочная картина, а по ряду вопросовъ, — по всѣмъ тѣмъ, до обсужденія которыхъ не успѣла дойти аграрная комиссія, — очень трудно, иногда и невозможно будетъ съ точностью опредѣлить, каково было господствовавшее въ думѣ теченіе.

Прежде всего, въ чемъ должна заключаться задача земельной реформы? Конечно, въ улучшеніи экономическаго положенія нашего

---

[1]) 82, 109, 128, 198, 409—411, 416, 491, 604, 610, 118, 614, 627, 693, 873, 881—882, 937, 981, 991 и др..—IV.—№№ 131, 142, 149, 157, 175.

крестьянства, въ поднятіи его въ корень разстроеннаго благосостоянія. Что это необходимо и неотложно, что для этого должны быть приняты самыя рѣшительныя мѣры, — въ этомъ, конечно, ни для кого не было сомнѣнія, объ этомъ не возбуждалось никакого вопроса. Но каковы должны быть мѣры, при помощи которыхъ можно было бы надѣяться вывести крестьянъ изъ ихъ теперешняго тяжелаго положенія? иначе сказать, каковы *ближайшія* задачи аграрной реформы? Отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ тоже ясенъ: такою ближайшею задачей должно явиться расширеніе крестьянскаго землевладѣнія. «Конечно, говоритъ аграрная комиссія въ журналѣ одного изъ своихъ первыхъ засѣданій, однимъ дополнительнымъ надѣленіемъ разрѣшить аграрнаго вопроса нельзя, но необходимо начать именно съ расширенія землепользованія, такъ какъ безъ него дальнѣйшее проведеніе аграрной реформы невозможно». Однако, здѣсь уже не было такого полнаго единодушія. Правда, только въ рѣчахъ представителей правительства высказывалось опасеніе и даже увѣренность, что «рѣзкое увеличеніе площади крестьянскаго землепользованія, возстановивъ на время благопріятныя условія экстенсивнаго хозяйства», остановитъ движеніе въ направленіи къ улучшенію способовъ пользованія землею, — «а затѣмъ косность и рутина сдѣлаютъ свое дѣло, и обнаруживающееся стремленіе перейти къ лучшимъ формамъ хозяйства замретъ», — что, слѣдовательно, расширеніе крестьянскаго землевладѣнія можетъ принести вредъ вмѣсто ожидаемой пользы. Но въ средѣ самой думы это мнѣніе не встрѣтило никакого отклика Не мало говорили, однако, о томъ, что расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, въ практически-мыслимыхъ размѣрахъ, не можетъ дать крестьянству существеннаго облегченія, что «земельное переустройство есть едва начало великой преобразовательной дѣятельности». Напомню только о рѣчи лифляндца Бремера, такъ напиравшаго на то, что собственно земельная реформа, даже въ самомъ широкомъ объемѣ, можетъ увеличить площадь крестьянскаго землевладѣнія только на 35%, тогда какъ «всю сумму абсолютнаго урожая, только сколько нибудь улучшивъ культуру сельскаго хозяйства, можно поднять на 100%, если же говорить про дѣйствительную культуру, тогда, пожалуй, и на 200%»... Значитъ, расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, безъ повышенія производительности и доходности крестьянской земли и крестьянскаго хозяйства, не можетъ дать выхода изъ современнаго кризиса. Но какой же изъ этого можно сдѣлать выводъ? Можетъ быть, изъ

этого слѣдуетъ только то, что, значитъ, рядомъ съ заботами о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія надо позаботиться и о повышеніи производительности крестьянской земли; а, можетъ быть, изъ этого слѣдуетъ, что вовсе не стоитъ предпринимать радикальныхъ мѣръ къ расширенію землевладѣнія крестьянъ, а нужно заняться исключительно мѣрами культурно-экономическаго порядка. Не подлежитъ сомнѣнію, что многіе смотрѣли на дѣло именно такъ; что для многихъ, и въ частности для большинства представителей Царства Польскаго и западнаго края, успленные разговоры о культурѣ были только явнымъ или скрытымъ доводомъ противъ радикальныхъ мѣръ къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія. Недаромъ, напримѣръ, виленскій депутатъ Яловецкій такъ напиралъ на то, что въ Даніи, «безъ доктрины націонализаціи земли, безъ принудительнаго захвата частновладѣльческихъ земель, государство пришло на помощь населенію, открывъ денежный кредитъ для перехода отъ общиннаго пополоснаго хозяйства къ хуторскому, заведя въ то-же самое время школьное дѣло въ самыхъ широкихъ размѣрахъ». Недаромъ депутатъ Горватъ, уже при комиссіонномъ обсужденіи, такъ подчеркивалъ, что и Западная Европа «не миновала того сельскохозяйственнаго кризиса, который мы переживаемъ»; что «намъ надо воспользоваться опытомъ другихъ»; что «рѣшать, не справившись, какъ дѣлалось въ другихъ государствахъ, нецѣлесообразно и опрометчиво», и окончательно открываетъ свои карты мимоходомъ брошеннымъ замѣчаніемъ, что «отъ разрѣшенія вопроса о желательности интенсификаціи зависитъ размѣръ отчужденія» частновладѣльческихъ земель... Въ рѣчахъ другихъ защитниковъ культуры я лично не вижу повода подозрѣвать какія-либо заднія мысли. «Вѣдь земельная нужда, говорилъ, напр., депутатъ Ефремовъ при обсужденіи проекта адреса, не есть удовлетвореніе землею, не есть самодовлѣющая цѣль, — это лишь одно изъ средствъ, обезпечивающихъ народное благосостояніе, — одна земля, одна прирѣзка земли не удовлетворитъ, не обезпечитъ благосостоянія земледѣльческаго населенія»... «Я стою за принудительное отчужденіе, говорилъ г. Ефремовъ въ аграрной комиссіи, и думаю, что безъ него нельзя обойтись», — но въ то же время онъ настаиваетъ на томъ, что «разсматривать вопросъ только съ точки зрѣнія землепользованія нельзя — надо изыскивать и другія средства»; что «есть мѣстности, гдѣ можно говорить только о малоземельѣ относительномъ и гдѣ интенсификація вполнѣ возможна». А депутатъ Теннисонъ настаивалъ на томъ, что широ-

кая земельная реформа, связанная съ болѣе или менѣе полною ликвидаціей крупнаго землевладѣнія, не только не ослабляетъ, но даже усиливаетъ остроту вопроса объ интенсификаціи хозяйства... «Въ первобытномъ состояніи хозяйства, говорилъ г. Теннисонъ, въ зерновомъ, крупное хозяйство превосходитъ производительностью мелкое хозяйство. Если вы желаете обезпечить за народнымъ хозяйствомъ продуктивность и, тѣмъ не менѣе, поддерживать мелкое хозяйство» — значитъ, тѣмъ болѣе, если уничтожить крупное хозяйство и сдѣлать Россію страной исключительно мелкаго землевладѣнія,—то «мы должны прежде всего содѣйствовать интенсификаціи хозяйства. Если вы проведете мелкое хозяйство безъ интенсификаціи», то «вы погубите народное хозяйство вмѣсто того, чтобы поднять народное благосостояніе»...

Однако, достаточно было того, что въ нѣкоторыхъ рѣчахъ и заявленіяхъ правительства культурный вопросъ противопоставлялся земельному вопросу въ тѣсномъ смыслѣ слова, чтобы всякое упоминаніе о культурѣ встрѣчалось депутатами-крестьянами съ явнымъ раздраженіемъ: кто говоритъ о культурѣ—тотъ, значитъ не хочетъ дать земли... «Мы посланы за землей—заявляетъ крестьянинъ Онацкій въ аграрной комиссіи,—а насъ хотятъ учить культурѣ!» Или напомню уже цитированное выше заявленіе г. Кондрашука во время общихъ преній: «мнѣ кажется, говорилъ гродненскій депутатъ, что дума не станетъ учить крестьянъ, какъ хозяйничать, потому что крестьянинъ отъ такихъ рѣчей сытъ быть не можетъ; ему нужна земля, и когда будетъ у него земля, тогда онъ самъ сумѣетъ хозяйничать». И этотъ мотивъ звучалъ, къ сожалѣнію, въ рѣчахъ многихъ депутатовъ - крестьянъ: «крестьянинъ знаетъ, какъ землю обработать, знаетъ, когда что дѣлать на землѣ»... Къ сожалѣнію—потому, что, сквозящая въ подобныхъ рѣчахъ, увѣренность крестьянъ въ совершенной достаточности ихъ знанія и ихъ опыта въ дѣлѣ сельскохозяйственной культуры и до сихъ поръ являлась, и—можно опасаться—еще долго будетъ однимъ изъ серьезнѣйшихъ препятствій къ улучшенію крестьянскаго хозяйства. Если крестьянинъ не улучшаетъ своего хозяйства, думаютъ многіе изъ депутатовъ-крестьянъ, то это только отъ того, что у него мало земли. «Тамъ, гдѣ надѣлъ выражается десятичными дробями, тамъ, гдѣ крестьянинъ не въ состояніи даже прокормить себя съ земли—тамъ прежде всего надо говорить о расширеніи его земельной площади; о поднятіи культуры можно говорить устойчивому хозяину, а не крестьянину, который вынужденъ ѣсть съ хлѣбомъ древесную

кору». Надо же вспомнить—говорилъ крестьянинъ Окуневъ,—«что своей-то земли у мужика ужъ очень недостаточно, чтобы приложить къ ней руки, и мужикъ живетъ исключительно арендой»,—а что касается того, что мужикъ не умѣетъ обрабатывать свою землю я скажу, что это или неправда, или нѣчто больше того»... Опять-таки, и такого рода заявленія, въ такой обобщенной формѣ, являются плодомъ недоразумѣнія—не всѣ же крестьяне владѣютъ только дробями десятины и не всѣ «живутъ исключительно арендой»...

Конечно, такіе люди, какъ покойный Герценштейнъ, были далеки отъ такого слишкомъ уже упрощеннаго взгляда на дѣло. «Я понимаю, говорилъ покойный М. Я., отвѣчая деп. Петражицкому, что безъ этой культуры обойтись мы не можемъ. Мы должны поднять эту культуру, мы должны стремиться не только къ тому чтобы крестьянинъ имѣлъ, вмѣсто одной десятины, двѣ, но чтобы онъ, вмѣсто одного колоса, имѣлъ два колоса. Но предварительнымъ условіемъ, безъ котораго немыслима никакая культура, никакое улучшеніе, является въ настоящее время дополнительное надѣленіе. Я не говорю культура в м ѣ с т о дополнительнаго надѣленія, но принимаю ее в м ѣ с т ѣ съ дополнительнымъ надѣленіемъ»... И если на первой очереди стоитъ не культура, а земля, то это потому, что «нельзя теперь предлагать мѣры, расчитанныя на продолжительный срокъ, необходима экстренная мѣра, а принудительное отчужденіе и есть экстренная мѣра». Та же совершенно правильная точка зрѣнія была высказана и однимъ изъ лидеровъ трудовой группы, А. Ф. Аладьинымъ: «Мы знаемъ—заявлялъ г. Аладьинъ во время общихъ преній по аграрному вопросу,—что поднять культуру было-бы даже выгоднѣе, чѣмъ надѣлить крестьянъ землей. Нашей группѣ извѣстно, что заступомъ можно дѣйствительно открыть золотыя розсыпи тамъ, гдѣ золота совершенно нѣтъ... Но въ то же время мы знаемъ, что для того, чтобы поднять производительность земли, нужны десятки лѣтъ, нужны знанія и нуженъ капиталъ, а намъ ждать некогда,—значитъ, волей-неволей о т ъ э т о г о с п о с о б а н а м ъ п р и х о д и т с я о т к а з а т ь с я; приходится приняться за болѣе простое средство—надѣлить крестьянъ землею». Я подчеркнулъ въ этой выдержкѣ слова: «значитъ, отъ этого способа—отъ поднятія культуры!—намъ приходится отказаться». Въ устахъ г. Аладьина они, очевидно, значили, что мы должны отказаться отъ поднятія культуры, какъ мѣры, з а м ѣ н я ю щ е й дополнительное надѣленіе. Но, къ сожалѣнію, въ устахъ многихъ, вѣроятно, даже большинства, они принимали тотъ смыслъ, что теперь, вообще, не время заботиться

о поднятіи культуры. Только такой смыслъ можно придать тому факту, что дума, во время преній по проекту адреса, отвергла предложеніе г. Ефремова наряду съ «принудительнымъ отчужденіемъ» упомянуть о поднятіи производительности сельскаго хозяйства». Только этимъ объясняется тотъ фактъ, что возникшая въ средѣ аграрной комиссіи мысль объ образованіи подкомиссіи о сельско-хозяйственныхъ улучшеніяхъ возбудила продолжительныя пренія, причемъ высказывалось, что «улучшенія въ этой области необходимы, но теперь разговоры о нихъ несвоевременны». Получается нѣчто на первый взглядъ совершенно непонятное: «всѣ согласны,— говоритъ, очевидно, близко знакомый съ внутреннею исторіею этого вопроса, авторъ одной изъ передовыхъ статей «Русскихъ Вѣдомостей»,—что при нынѣшнемъ уровнѣ техники земледѣлія благосостояніе крестьянскаго населенія не можетъ быть достигнуто», и, тѣмъ не менѣе, вопросъ объ учрежденіи такой комиссіи встрѣчаетъ многочисленныя и рѣзкія возраженія. Между тѣмъ,—«если крестьяне послали депутатовъ въ думу не за культурой, а за землею, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы аграрная комиссія могла игнорировать такіе вопросы». Опасаться, что этимъ способомъ былъ бы «отодвинутъ на задній планъ» вопросъ о расширеніи крестьянскаго землепользованія, при данномъ составѣ думы, не было никакого основанія, а между тѣмъ вся важность этого вопроса «нисколько не мѣшаетъ подумать о мѣрахъ, которыя необходимы для улучшенія хозяйства, особенно когда въ комиссіи имѣется группа, желающая отдать этому дѣлу свои силы».

Да проститъ меня читатель, что я, можетъ быть, слишкомъ долго зацержался на этомъ вопросѣ. Но дѣло въ томъ, что вѣдь самая широкая реформа можетъ въ лучшемъ случаѣ лишь на немного времени отсрочить уже теперь назрѣвшую острую необходимость въ коренной экономической и технической реорганизаціи крестьянскаго хозяйства. Говорятъ, такая реорганизація требуетъ времени. Но тѣмъ необходимѣе теперь же, ни мало не медля, начать къ ней готовиться; надо теперь же самымъ энергичнымъ образомъ воздѣйствовать на ту часть крестьянства, которая болѣе или менѣе удовлетворительно обезпечена землею, которая ничего не получитъ или очень мало получитъ отъ земельной реформы и которая, безъ интенсификаціи, очень скоро дойдетъ, если не дошла уже, до того же безвыходнаго положенія, въ какомъ находятся хуже обезпеченныя землею группы крестьянства. «Можно — справедливо говорилъ по этому поводу покойный Герценштейнъ въ одной изъ первыхъ своихъ

статей, посвященныхъ «аграрному вопросу въ государственной думѣ», — предоставить въ распоряженіе крестьянъ всѣ частновладѣльческія земли безъ всякихъ изъятій,—и это нисколько не избавитъ отъ необходимости теперь же принять мѣры къ реорганизаціи крестьянскаго хозяйства» [1])..

Какъ бы то ни было, для меня, какъ для покойнаго Герценштейна, какъ для всѣхъ думскихъ теченій и направленій, до «думской правой» включительно, совершенно ясно, что расширеніе крестьянскаго землевладѣнія и, какъ способъ для того, принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель, являются дѣломъ неизбѣжной исторической необходимости, созданной, въ значительной мѣрѣ, преступнымъ небреженіемъ правительства, вызванной тѣмъ, что правительство земскими начальниками и пулеметами боролось съ тѣми явленіями въ крестьянской средѣ, которыя указывали на необходимость и неотложность широкой системы аграрныхъ, культурныхъ и экономическихъ мѣропріятій. Правительство и своими дѣйствіями, и своимъ бездѣйствіемъ способствовало созданію того положенія, изъ котораго нѣтъ другого выхода, кромѣ принудительнаго отчужденія, вообще—кромѣ расширенія крестьянскаго землевладѣнія. «Земля въ настоящее время—совершенно правильно заявлялъ деп. Локоть во время общихъ преній по аграрному вопросу—единственное спасеніе земледѣльческаго населенія Россіи отъ голодной смерти, крестьяне должны получить землю, потому что у государства нѣтъ другого выхода удовлетворить стремленіе крестьянъ къ труду, къ существованію». «Сейчасъ пожаръ — восклицалъ покойный Герценштейнъ, возражая представителямъ министерства,—его надо тушить, а потушить его можно только увеличеніемъ площади землевладѣнія». И когда тушатъ пожаръ, то сплошь и рядомъ приходится снести крышу или сломать стѣну. Такъ и тутъ: «нельзя — говорилъ деп. Имшенецкій — произвести такую крупную реформу, какъ земельную, которая значительно мѣняетъ расположеніе производительныхъ силъ страны, безъ того, чтобы это не нарушало существующихъ условій производства. Необходимо было подумать объ этомъ раньше, а теперь мы стоимъ передъ такой нуждой, передъ такимъ настроеніемъ широкихъ слоевъ населенія, которое обязываетъ насъ пойти навстрѣчу тѣмъ потерямъ, которыя грозятъ всему обществу»... Ломать ничего не понадобилось бы, если бы не было пожара, а была постепенная пере-

[1]) 119, 120, 199, 211, 347, 453, 470, 481, 484, 514, 524, 529, 604 - 605, 613—618, 721, 815, 829, 841, 878—879, 923, 940 и др.—IV, V.—№№ 121, 129 136, 166, 169.

стройка зданія; потерь этихъ не было бы если бы о широкой аграрной реформѣ подумали тогда, когда надо было начать о ней думать...

Я говорю, какъ о неизбѣжной исторической необходимости, о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія и о принудительномъ отчужденіи, какъ средствѣ для такого расширенія. И мнѣ нѣтъ, я думаю, надобности подробно мотивировать такое отождествленіе. Есть, правда, казенныя и удѣльныя земли Европейской Россіи, есть крестьянскій банкъ, есть переселеніе въ Сибирь и другія наши азіатскія владѣнія. Но въ настоящее время не приходится уже доказывать, что ни казенными и удѣльными землями, ни переселеніемъ, ни операціями крестьянскаго банка нѣтъ возможности въ сколько-нибудь ощутительной мѣрѣ удовлетворить острую крестьянскую земельную нужду. «Если ежегодно—восклицалъ деп. Сѣдельниковъ при обсужденіи проекта адреса—переселять въ киргизскія степи по триста тысячъ, развѣ получится разрѣшеніе аграрнаго вопроса въ Россіи»,—а между тѣмъ переселеніе не только въ киргизскія степи, но и, вообще, въ Азіатскую Россію, никогда не достигало и, надо думать, не достигнетъ трехсотъ тысячъ въ годъ. Казенныя земли казны и удѣловъ—но земель у казны и удѣла всего 6 милліоновъ десятинъ, и если даже къ нимъ прибавить тѣ, въ лучшемъ случаѣ, нѣсколько милліоновъ десятинъ, которыя можно будетъ выдѣлить изъ состава лѣсныхъ дачъ казны и удѣла, то что это такое по сравненію со многими десятками милліоновъ, которые необходимы для того, чтобы покрыть неотложную крестьянскую нужду! Крестьянскій банкъ — но какъ бы ни была расширена его дѣятельность, онъ все таки дастъ крестьянству слишкомъ мало земли, переведетъ землю въ случайныя руки, а не въ руки тѣхъ, кто дѣйствительно наиболѣе нуждается въ землѣ, и переведетъ ее по такимъ цѣнамъ, которыя будутъ непосильны для крестьянъ и которыя будутъ тѣмъ выше, чѣмъ шире будутъ развиваться операціи банка. Значитъ, кто сказалъ: расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, тотъ тѣмъ самымъ сказалъ: принудительное отчужденіе.

И мы уже знаемъ, что принципіально вопросъ о принудительномъ отчужденіи частновладѣльческихъ земель былъ совершенно ясенъ для первой русской государственной думы.

Если въ средѣ ея и были принципіальные противники принудительнаго отчужденія, то они или молчали, или не договаривали своихъ возраженій до конца, или, не пускаясь въ принципы, старались какъ нибудь парализовать практическое примѣненіе этой мѣры: перваго способа дѣйствій придерживались

враждебные принудительному отчужденію представители коренной Россіи, второго и третьяго—большинство депутатовъ царства Польскаго и западнаго края.

Для подавляющаго большинства, включая «думскую правую», въ лицѣ гр. Гейдена и его единомышленниковъ, принципіальная постановка вопроса не возбуждала никакихъ сомнѣній, и менѣе всего — правомѣрность такой мѣры. Опять-таки, и на этомъ правовомъ вопросѣ намъ нѣтъ надобности останавливаться подробно, — достаточно еще разъ процитировать слова проф. Петражицкаго, сказанныя очень скоро послѣ декларацiи Горемыкинскаго кабинета и, очевидно, вызванныя именно этой декларацiей: «Неприкосновенность собственности, заявилъ авторитетный юристъ, имѣетъ вовсе не смыслъ какой то абсолютной неотъемлемости, а иной смыслъ, такой, съ которымъ вполнѣ мирится начало принудительнаго отчужденія со справедливымъ вознагражденіемъ, если того требуетъ общественная польза»; для того же, „чтобы отрицать наличность требованій общественной пользы, надо обладать не только безсердечіемъ, но и слѣпотой — неумѣньемъ видѣть то, что есть, и предвидѣть то, что можетъ быть“. Не было принципіальныхъ споровъ и по поводу ц ѣ л е с о о б р а з н о с т и принудительнаго отчужденія. „Можно спорить — говорилъ покойный Герценштейнъ, самъ одинъ изъ представителей самаго умѣреннаго теченія въ средѣ партіи народной свободы, — о предѣлахъ принудительнаго отчужденія, можно говорить о сохраненіи извѣстныхъ категорій владѣнія, о необходимости сохраненія народно-хозяйственныхъ богатствъ, и т. п.“. И на э т у тему, дѣйствительно, очень много спорили въ первой государственной думѣ. Можно было и — по моему — слѣдовало доказывать, что в ъ и з в ѣ с т н ы х ъ с л у ч а я х ъ уничтоженіе владѣльческаго хозяйства будетъ не только нежелательно съ точки зрѣнія общей экономіи страны, но невыгодно для самого заинтересованнаго трудового населенія. Но никто въ средѣ первой государственной думы не рѣшился утверждать, какъ утверждали представители министерства, что переходъ въ крестьянскія руки владѣльческихъ земель будетъ, в о о б щ е, убыточенъ для крестьянъ. Вѣдь достаточно было вспомнить о существованіи имѣній, на которыхъ не ведется собственнаго хозяйства, а практикуется одна только аренда, чтобы стало ясно, что „крестьяне тутъ не только не потерпятъ убытковъ, а будутъ имѣть огромные барыши“ [1]).

[1]) 137, 344, 451, 453, 481, 484, 524, 525, 529, 576, 581, 923, 1352 № 136.

Однако, къ вопросу о предѣлахъ принудительнаго отчужденія мы перейдемъ нѣсколько ниже, теперь же остановимся на другомъ вопросѣ принципіальнаго характера — на вопросѣ объ основаніяхъ отвода земли нуждающемуся въ ней трудовому населенію; или, поставивши сейчасъ же точку надъ і,—на вопросѣ о полной или частичной націонализаціи земли.

Собственно говоря, съ вопросомъ немедленной и полной націонализаціи земли въ средѣ самой думы не выступала ни одна партія. — на этой почвѣ стоялъ только тотъ проектъ «эсэровскаго» происхожденія, который внесенъ былъ за подписью 34 членовъ трудовой группы. Только этотъ проектъ требуетъ немедленнаго уничтоженія частной собственности на землю въ предѣлахъ Россійскаго государства и провозглашаетъ всю землю, съ ея нѣдрами и водами, общею собственностью всего населенія. Въ проектѣ „основныхъ положеній“, который былъ первоначально внесенъ отъ имени трудовой группы, за подписью 104-хъ, націонализація земли ставится лишь въ качествѣ конечной цѣли: „земельное законодательство должно стремиться къ тому, чтобы установить такіе порядки, чтобы вся земля съ ея нѣдрами и водами принадлежала всему народу“, и чтобы всѣ граждане имѣли равное право на пользованіе ею, при условіи обработки собственнымъ трудомъ“. Для ближайшаго времени проектъ требуетъ перехода „въ общенародную собственность“ только тѣхъ изъ частновладѣльческихъ земель, которыя выходятъ за предѣлы трудовой нормы, а также земныхъ нѣдръ и водъ, не эксплуатируемыхъ ихъ владѣльцами,— надѣльныя же земли и частновладѣльческія, въ предѣлахъ трудовой нормы, по проекту, остаются за теперешними ихъ владѣльцами, и принимаются только законодательныя мѣры, чтобы предотвратить скопленіе земель въ однѣхъ рукахъ свыше трудовой нормы и обезпечить постепенный переходъ ихъ въ общенародную собственность. Нѣчто вродѣ частичной націонализаціи земли предлагается и въ проектѣ 42-хъ членовъ партіи народной свободы: отчуждаемыя у частныхъ владѣльцевъ земли, вмѣстѣ съ государственными, удѣльными и т. п., „поступаютъ въ государственный земельный запасъ, откуда передаются въ долгосрочное пользованіе на срокъ, установленный подлежащими учрежденіями, безъ права переуступки“; однако, этому послѣднему правилу, установленному ст. 6-ою проекта, составители его не придаютъ безусловнаго значенія, и по ст. 2, предпосланныхъ проекту общихъ положеній, начала, на которыхъ земли государственнаго земельнаго запаса передаются населенію,

„должны быть установлены сообразно съ особенностями землевладѣнія и землепользованія въ различныхъ областяхъ Россіи". Наконецъ, программа группы прогрессистовъ — послѣдній изъ разработанныхъ проектовъ, которые имѣлись въ виду государственной думы или ея аграрной комиссіи, — не знаетъ не только полной и окончательной, но даже частичной и временной націонализаціи земли,—она передается непосредственно въ собственность, личную или общинную, надѣляемаго населенія.

Однако, только для этой послѣдней партіи безусловно отрицательное отношеніе къ вопросу о націонализаціи земли, дѣйствительно, является программнымъ признакомъ. Этого нельзя сказать ни о партіи народной свободы, ни даже о трудовой группѣ. Достаточно самаго поверхностнаго знакомства съ исторіей разработки земельнаго вопроса на съѣздахъ и совѣщаніяхъ партіи народной свободы, чтобы знать, что въ составѣ ея можно найти всѣ оттѣнки, начиная отъ безусловныхъ сторонниковъ націонализаціи и кончая столь же безусловными ея противниками, и это разнообразіе взглядовъ внутри партіи съ полною яркостью выразилось и въ думскихъ преніяхъ по земельному вопросу. Въ составѣ трудовой группы приверженцы націонализаціи безусловно преобладали въ томъ руководящемъ кружкѣ, которому принадлежитъ проектъ подписанный 104-мя членами. Но намъ приходилось уже упоминать о заявленіи одного изъ подписавшихъ проектъ — крестьянина Бочарова, который во время преній самымъ категорическимъ образомъ, высказался за надѣленіе на правѣ собственности. Не было согласія и въ средѣ интеллигентнаго ядра группы: такъ, профессоръ Локоть, въ уже цитированной интересной рѣчи, категорически заявилъ себя «не сторонникомъ націонализаціи земли»: «націонализація, говорилъ депутатъ Локоть, и на мой взглядъ является положеніемъ, которое практически въ данный моментъ экономической исторіи всего человѣчества является совершенно неосуществимымъ, несоотвѣтствующимъ условіямъ современной общественной жизни, условіямъ дѣйствительнаго, естественнаго процесса экономическаго развитія». Противъ возможности въ Россіи общей націонализаціи всѣхъ земель высказался, какъ мы видѣли, и другой видный представитель группы—депутатъ Сѣдельниковъ. Онъ считаетъ идею націонализаціи созрѣвшею лишь на черноземномъ центрѣ, но совершенно преждевременной во всѣхъ остальныхъ частяхъ Россіи.

Я не буду приводить здѣсь доводовъ, въ пользу немедленной и полной націонализаціи земли,—эта мысль, какъ я уже упоминалъ, не была предметомъ обсужденія думы. Я приведу только нѣкоторыя

изъ тѣхъ соображеній, которыя приводились въ пользу того, что я, вмѣстѣ съ многими другими, позволяю себѣ назвать частичною націонализаціей,—въ пользу идеи государственнаго земельнаго запаса или фонда. Это—прежде всего соображенія чисто принципіальнаго свойства. «Если,—говоритъ въ одной изъ своихъ статей покойный Герценштейнъ,—признано необходимымъ путемъ принудительнаго отчужденія отнять земли у помѣщиковъ, то это можетъ быть сдѣлано не для того, чтобы передать ихъ въ собственность другимъ, а для того, чтобы земли эти служили постояннымъ фондомъ для надѣленія трудящагося населенія; земля должна сдѣлаться народнымъ достояніемъ, а не собственностью тѣхъ или другихъ лицъ». Частная собственность на землю,—говорилъ тотъ же Герценштейнъ въ думѣ,—это форма пользованія, благопріятствующая выдѣленію элиты, такъ называемаго «здороваго крестьянства». Но едва ли можно «считать прогрессомъ такое состояніе, когда изъ нашего крестьянства будетъ выдѣлена элита, потому что наряду съ этимъ растетъ и батрачество. Если мы прибѣгаемъ къ такой чрезвычайной мѣрѣ, какъ принудительное отчужденіе, то дѣлаемъ это для болѣе равномѣрнаго распредѣленія богатства. Не крестьянинъ долженъ опуститься до батрака, а батракъ долженъ подняться до крестьянина»... А депутатъ Имшенецкій добавилъ къ этимъ доводамъ еще и интересныя соображенія чисто экономическаго характера: разъ собственники «будутъ такъ или иначе передавать свои участки земли другимъ, то при такихъ условіяхъ болѣе сильныя хозяйства будутъ всѣ свои разсчеты, всѣ свои надежды обращать на расширеніе своихъ владѣній»; напротивъ, «при надѣленіи землею въ пользованіе сбереженія будутъ обращаться не на расширеніе землевладѣнія, а на увеличеніе того капитала, который прилагается къ землѣ, на увеличеніе производительности земледѣльческаго труда».

Однако, въ пользу идеи государственнаго земельнаго фонда говорилось гораздо меньше, чѣмъ противъ нея. Прежде всего остановимся на частномъ, но практически первостепенно важномъ вопросѣ: государственный или мѣстный,—областной земельный запасъ. Иначе сказать, кто долженъ завѣдывать и распоряжаться землями, предназначенными для расширенія крестьянскаго землевладѣнія? Записка 42-хъ исходитъ, какъ мы знаемъ, изъ идеи государственнаго фонда, не опредѣляя ближайшимъ образомъ формы и степени участія въ завѣдываніи имъ мѣстнаго самоуправленія. Представители, по преимуществу, окраинныхъ теченій, желаютъ областныхъ земельныхъ запасовъ, или,—что практически тоже,—передачи

государственнаго фонда въ полное завѣдываніе мѣстныхъ самоуправленій. Одни, преимущественно украинскіе представители, исходятъ при этомъ исключительно изъ того соображенія, что распредѣленіе земель между нуждающимся населеніемъ «требуетъ такого знанія мѣстныхъ условій, возможнаго приспособленія къ разнообразнымъ мѣстнымъ требованіямъ», которыя дѣлаютъ централизацію невозможной: распоряженіе земельнымъ фондомъ, поэтому «невозможно сосредоточить не только въ рукахъ центральнаго представительства, но даже въ крупныхъ крестьянскихъ самоуправленіяхъ»; оно должно быть передано въ руки «мелкихъ общественныхъ органовъ», чѣмъ, между прочимъ, парализуются высказываемыя противниками идеи государственнаго земельнаго фонда опасенія, что «образованіе фонда усилитъ бюрократію и поставитъ населеніе въ зависимость отъ центральнаго правительства» (Имшенецкій, Шрагъ). Другіе (преимущественно представители Польши, западнаго края и прибалтійскихъ губерній) подчеркиваютъ другую сторону дѣла—именно свое желаніе сохранить земельные запасы каждой данной окраины въ распоряженіи исключительно окраиннаго населенія и устранить возможность переселенія со стороны. Въ западномъ краѣ,—говоритъ депутатъ Скирмунтъ, «въ настоящее время оказалось бы еще много свободныхъ участковъ, однако, приростъ населенія тамъ значительно выше средняго нормальнаго процента; черезъ нѣсколько лѣтъ эти земли будутъ необходимы мѣстному населенію, между тѣмъ онѣ могутъ быть заняты переселенцами», и это было бы «очень обиднымъ и несправедливымъ для мѣстнаго населенія». Собственно для тѣхъ окраинъ, которыя я только что назвалъ—для Польши, Западнаго края, Украины, данный вопросъ не имѣетъ особеннаго практическаго значенія, потому что на практикѣ едва ли можетъ возникнуть вопросъ о вселеніи въ эти мѣстности постороннихъ крестьянъ; напротивъ, вопросъ пойдетъ здѣсь скорѣе о выселеніи излишка населенія, и строгое проведеніе идеи областного земельнаго фонда, собственно для населенія этихъ окраинъ, будетъ скорѣе стѣснительно, нежели выгодно. Но этимъ самымъ подчеркивается и обратная сторона вопроса: вѣдь осуществленіе идеи областного земельнаго фонда закроетъ для многихъ изъ крестьянъ малоземельныхъ мѣстностей возможность дополнительнаго надѣленія въ необходимомъ размѣрѣ, въ то время, какъ въ другихъ, рѣдко населенныхъ мѣстностяхъ населеніе воспользуется землею въ явно избыточномъ количествѣ. «Нерѣдко приходится слышать,—писалъ покойный Герценштейнъ, что переселеніе крестьянъ изъ другихъ мѣстностей можетъ вызвать сильнѣйшее сопротивленіе со стороны мѣст-

ныхъ крестьянъ. Ясно, что тамъ, гдѣ населеніе стоитъ на этой почвѣ, идея государственнаго земельнаго фонда, должна потерпѣть крушеніе». Но, въ такомъ случаѣ, эта идея в е з д ѣ должна потерпѣть крушеніе, ибо нѣтъ такой мѣстности, гдѣ населеніе охотно согласилось бы допустить на свободныя земли переселенцевъ. И, пожалуй, единственный способъ воспользоваться преимуществами децентрализаціи и въ то же время предупредить такую монополизацію земельныхъ запасовъ слабо населенныхъ окраинъ—это тотъ, который предлагаетъ полтавскій депутатъ Чижевскій: «до совершенія законодательнаго акта выдѣлить нѣкоторыя области, нѣкоторыя губерніи, въ которыхъ значительная часть государственнаго фонда должна находиться въ распоряженіи центральнаго правительства». Въ иныхъ выраженіяхъ, но та же по существу, постановка вопроса намѣчается и программою партіи прогрессистовъ.

Но этимъ дѣло далеко не ограничивается: идея земельнаго фонда и по существу своему вызываетъ очень горячія, можно сказать страстныя возраженія. Какими бы оговорками ни было обставлено образованіе земельнаго фонда—дѣло, по мнѣнію многихъ, во всякомъ случаѣ—практически сведется къ полной націонализаціи земли: «разъ законъ—восклицаетъ Н. Н. Львовъ—встанетъ на этотъ путь, уже нельзя будетъ остановиться на полдорогѣ». Между тѣмъ, «націонализація, хотя бы частичная, нравится многимъ потому, что тутъ есть кусочекъ соціализма, ступень къ осуществленію соціалистическаго идеала. Я полагаю, говоритъ по этому поводу Л. І. Петражицкій, что ничего общаго съ соціализмомъ, по существу, с ъ п р а в и л ь н о понимаемымъ соціализмомъ нѣтъ. При соціалистическомъ устройствѣ невозможна принадлежность какому либо собственнику громадныхъ капиталовъ или земли съ отдачей въ аренду. Націонализація же земли въ предлагаемомъ теперь смыслѣ сводится къ созданію грандіознаго капитала и власти надъ зависимымъ населеніемъ въ лицѣ казны, государства. Этотъ капиталистъ, раздающій аренды руками и усмотрѣніемъ своихъ чиновниковъ, можетъ съ теченіемъ времени, напр. въ эпоху реакціи, сдѣлаться опаснымъ эксплоататоромъ, добывающимъ деньги отъ арендаторовъ на свои, можетъ быть, не слишкомъ хорошія политическія и иныя предпріятія, причемъ дѣло въ значительной степени переходитъ въ руки правительства и дѣлаетъ его менѣе зависимымъ отъ народнаго представительства». И эта идея—государственный деспотизмъ, какъ необходимое слѣдствіе идеи государственнаго земельнаго фонда, отождествляемой съ націонализаціей, звучитъ

въ рѣчахъ очень многихъ изъ ораторовъ; съ особенной силой и рельефностью она выражена, мы знаемъ, въ цитированной только что рѣчи Н. Н. Львова, и тѣ же ноты слышатся въ рѣчахъ многихъ изъ представителей Польши и прибалтійскаго края: «вмѣсто многихъ мелкихъ помѣщиковъ, восклицаетъ кс. Трасунъ, мы желаемъ дать крестьянамъ одного помѣщика, въ видѣ государственнаго фонда; вмѣсто теперешнихъ многихъ самодержавныхъ министровъ, мы желаемъ имъ дать одного, быть можетъ, тоже самодержавнаго министра по земледѣлію; вмѣсто того владѣнія, которое они теперь имѣютъ, мы желаемъ ничего имъ не дать, мы даже желаемъ отнять то, что у нихъ уже есть». Сочувствіе идеѣ государственнаго фонда, по мнѣнію многихъ изъ ея противниковъ, въ особенности представителей царства Польскаго, могло развиться лишь на почвѣ великорусскихъ общинныхъ порядковъ: «самое учрежденіе аренды изъ государственнаго фонда, восклицаетъ деп. Стецкій, не есть ли простое, но въ грандіозныхъ размѣрахъ, повтореніе общинной формы владѣнія? Та же зависимость, то же прикрѣпленіе,—и въ результатѣ то же неизбѣжное ограниченіе личности, подавленіе энергіи, лишеніе почина». И именно поэтому полная или частичная націонализація непріемлема для всѣхъ, кто не знаетъ общины и не признаетъ ея: «я вполнѣ сочувствую—говоритъ виленскій депутатъ-крестьянинъ Готовецкій,—стремленію къ націонализаціи со стороны тѣхъ, которые усвоили себѣ общинную форму владѣнія, и это ихъ стремленіе я всегда буду поддерживать. Но я убѣжденъ—и съ нимъ убѣждены всѣ поляки и представители западнаго края,—что для нашего края эта форма непригодна, и мнѣ непонятны стремленія тѣхъ, которые желаютъ эту форму навязывать другимъ».

Идея государственнаго земельнаго фонда по существу своему исключаетъ идею частной собственности на землю,—понятно, что нападающіе на первую должны опираться и дѣйствительно опираются на вторую; критикуя государственный земельный фондъ, они настаиваютъ на преимуществахъ владѣнія на правѣ собственности. Представители царства Польскаго убѣждены, «что арендная форма землепользованія, какъ бы она ни была долгосрочна и какъ бы ни были выгодны ея условія, уступаетъ формѣ личной земельной собственности». (Стецкій). И горячую защиту крестьянской мелкой собственности мы слышимъ изъ устъ также многихъ изъ представителей коренной Россіи—мы знаемъ, что это былъ одинъ изъ принциповъ, объединившихъ партію мирнаго обновленія. «Я стою, говорилъ депутатъ Стаховичъ, не только за то, чтобы площадь

крестьянскаго землевладѣнія была увеличена, но, помня о необходимости подъема культуры, чтобы эту землю крестьяне получили въ свою собственность или въ собственность отдѣльныхъ обществъ, какъ то покажетъ польза каждой отдѣльной мѣстности. Непремѣнно въ собственность, а не во временное пользованіе, потому что въ мірѣ мы не знаемъ иного болѣе сильнаго двигателя культуры, чѣмъ собственность».... «Дайте крестьянину землю въ собственность, перефразировалъ деп. кн. Волконскій извѣстную аксіому Артура Юнга, десятинъ 10 пустыря, онъ изъ нихъ сдѣлаетъ 10 десятинъ огорода; а сдайте ему въ аренду эту землю, поставьте еще чиновника, который бы смотрѣлъ за тѣмъ, кто будетъ обрабатывать землю,—самъ ли хозяинъ или, можетъ быть, не батракъ ли,—и изъ 10 десятинъ огорода получится 10 десятинъ пустыря»....

Въ нѣкоторыхъ изъ цитированныхъ выше рѣчей мы уже видѣли указаніе на то, что то или иное отношеніе къ вопросу о собственности или пользованіи землею изъ государственнаго фонда опредѣляется тѣмъ или другимъ складомъ землевладѣнія, вообще, понятіями и привычками населенія отдѣльныхъ мѣстностей Россіи. «Источникъ разномыслій, говоритъ по этому поводу проф. Мануиловъ въ одной изъ статей своихъ объ аграрной реформѣ, вызванныхъ преніями въ думѣ, лежитъ не столько въ политическихъ убѣжденіяхъ, сколько въ бытовыхъ условіяхъ разныхъ мѣстностей нашей страны и отчасти въ соціально-экономическомъ міросозерцаніи представителей того и другого воззрѣнія». Мнѣ кажется, что мотивы перваго порядка, поскольку рѣчь идетъ о думскихъ преніяхъ, имѣютъ, такъ сказать, одностороннее значеніе: изъ мѣстностей съ преобладаніемъ крестьянской мелкой собственности выходятъ преимущественно противники идеи государственнаго фонда; но отнюдь нельзя сказать, чтобы среди представителей изъ мѣстностей съ общиннымъ землевладѣніемъ преобладали сторонники этой идеи. Преобладающее вліяніе имѣли, несомнѣнно, мотивы второго изъ указанныхъ проф. Мануиловымъ порядковъ: соціально-экономическое міросозерцаніе отдѣльныхъ депутатовъ, а поскольку рѣчь идетъ о крестьянскихъ депутатахъ—вѣроятно еще и принадлежность ихъ къ тому или другому слою крестьянства: верхнему, стоящему за свою землю, или нижнему, нуждающемуся въ землѣ. Отсюда совершенный колейдескопъ мнѣній. Большинство прибалтійскихъ депутатовъ самымъ категорическимъ образомъ заявляетъ, что мѣстное крестьянство не согласится ни на какую форму владѣнія, кромѣ собственности, — а деп. Геллатъ думаетъ, что населеніе Эстляндіи «будетъ радостно привѣтствовать

реформу», хотя бы и на условіяхъ долгосрочной аренды; большинство польскихъ и литовскихъ депутатовъ настаиваетъ на томъ, что польское крестьянство «не согласится» на надѣленіе землею «на арендныхъ правахъ»,—а деп. Аникинъ доводитъ до свѣдѣнія думы о документахъ, полученныхъ трудовою группой изъ западнаго края, гдѣ крестьяне «ничуть не ратуютъ за частную собственность», а требуютъ земли только въ наслѣдственное владѣніе; Сувалкскій же депутатъ Витковскій заявляетъ, что «безземельные и малоземельные, получая землю, будутъ ей рады, на какихъ бы условіяхъ ее ни получали». Деп. Способный ручается за то, что «огромное большинство крестьянъ юга Россіи состоитъ изъ закоренѣлыхъ собственниковъ»,—Полтавскій же депутатъ Присецкій опредѣленно заявляетъ, что «крестьяне примутъ съ восторгомъ надѣленіе землею и въ видѣ аренды, и что никакого не только сопротивленія, но даже никакого возмущенія не произойдетъ». Идея государственнаго земельнаго фонда признается коренящеюся въ условіяхъ коренной Россіи: между тѣмъ коренная Россія прислала въ думу такихъ апологетовъ собственности, какъ гр. Гейденъ, Львовъ, Стаховичъ, она прислала и рядъ крестьянъ, настаивавшихъ на томъ, что «для крестьянъ Тамбовской губерніи земля должна быть дана только на правахъ собственности» (Бочаровъ); что Рязанскій крестьянинъ, «если не получитъ земли въ собственность, будетъ считать себя пришельцемъ на ней» (Черниковъ) и т. п. «Нужно обладать большою смѣлостью, совершенно правильно замѣтилъ покойный Герценштейнъ, чтобы рѣшиться, какъ это нерѣдко дѣлаютъ, говорить отъ имени крестьянства. Обыкновенно заявленія, исходящія будто-бы отъ всего русскаго крестьянства, являются отраженіемъ убѣжденій, воззрѣній и симпатій того или другого лица»,—и въ данномъ вопросѣ это замѣчаніе, можетъ быть, справедливѣе, нежели въ какомъ бы то ни было другомъ. А при такомъ положеніи вещей можно быть увѣреннымъ, что государственная дума пришла бы въ данномъ вопросѣ именно къ тому рѣшенію, которое было намѣчено во 2-мъ пунктѣ основныхъ положеній записки 42-хъ и на неизбѣжность котораго, по мѣрѣ хода преній, указывалъ цѣлый рядъ ораторовъ, напр. гг. Котляревскій, Локоть, Яснопольскій; она, несомнѣнно, «включила бы допущеніе полной свободы самоопредѣленія въ этомъ дѣлѣ самого мѣстнаго населенія», признала бы, что «право собственности безусловно допустимо при рѣшеніи земельнаго вопроса» (Локоть). И лично сочувствуя идеѣ государственнаго земельнаго фонда съ отводомъ земель въ долговременное пользова-

ніе и съ періодическимъ пхъ уравненіемъ, я однако думаю, что ' или иное рѣшеніе даннаго вопроса практически не имѣло бы ос баго значенія. Я думаю, что совершенно правъ былъ, въ данном случаѣ, депутатъ Способный, когда онъ говорилъ: «крестьяне воз мутъ землю и на правѣ пользованія, но никогда ее не отдадутъ Собственность или не собственность—во всякомъ случаѣ для нова перераспредѣленія или уравненія земель между крестьянски общинами или отдѣльными семьями, которыя получатъ землю из государственнаго фонда, потребовался бы гораздо болѣе серьезны и трудно осуществимый соціальный переворотъ, чѣмъ какой потр буется для частичной или даже полной ликвидаціи крупнаго и сре няго землевладѣнія. Недаромъ и проектъ партіи народной свобод и даже проектъ трудовой группы такъ тщательно остерегаютс затронуть надѣльное и вообще, мелкое, трудовое землевлад ніе [1])....

Это замѣчаніе приводитъ насъ непосредственно къ гораздо болѣ важному, практически, вопросу о предѣлахъ принудительнаго от чужденія. Остановимся, прежде всего, на пунктахъ, не возбу ждавшихъ, по крайней мѣрѣ по существу, никакихъ, или мало, с мнѣній и споровъ; я говорю по существу, потому что по по воду большинства этихъ пунктовъ возникали тѣ или другіе час ные вопросы, на которыхъ я, чтобы не утомлять читателя мел чами, не буду останавливаться. Не подлежатъ отчужденію, прежд всего и совершенно безспорно, надѣльныя земли всѣхъ наимен ваній. «Аграрная комиссія, избранная думой, писалъ по этому по воду покойный М. Я. Герценштейнъ,—въ одномъ изъ первыхъ за сѣданій постановила, что надѣльныя земли всѣхъ разрядовъ, н зависимо отъ размѣра, ни въ какомъ случаѣ, ни подъ какимъ в домъ, ни при какихъ условіяхъ не подлежитъ принудительном отчужденію. Комиссія безъ всякихъ колебаній пришла къ необх димости категорически подтвердить то, что было отъ имени парті народной свободы заявлено въ думѣ, въ отвѣтъ на рѣчи г. г. Ст шинскаго и Гурко. Этимъ комиссія показала, что она не стремит къ соціальнымъ экспериментамъ, къ проведенію какой нибудь те ретически составленной схемы, а желаетъ выработать аграрный з конъ, отвѣчающій насущнымъ нуждамъ земледѣльческаго населені Не черный передѣлъ, которымъ г. Гурко хотѣлъ напугать крест

[1]) 410, 455, 457, 464, 478—480, 507, 581—582, 613—614, 704—70 722—723, 813, 818, 828, 831, 860, 874, 881, 884, 924, 928, 929, 940, 98 982, 990, 998,—№№ 129, 131, 139, 149, 169.

янъ, а расширеніе крестьянскаго землепользованія — вотъ та конкретная задача, которую поставила себѣ аграрная комиссія». Не менѣе яснымъ для всѣхъ и безспорнымъ оказался и вопросъ о «мелкихъ земельныхъ владѣніяхъ, размѣръ коихъ, различный по мѣстностямъ, опредѣляется мѣстными земельными учрежденіями и утверждается законодательною властью»,—иначе сказать, о мелкомъ трудовомъ землевладѣніи: и оно признано аграрной комиссіей безусловно не подлежащимъ отчужденію, даже «независимо отъ того, обрабатываются ли они владѣльцемъ, или же находятся въ томъ или иномъ видѣ аренды». «Аграрная комиссія—я цитирую дальше ту же статью Герценштейна,—«твердо установила, что принудительное отчужденіе не распространяется на мелкую собственность, и этимъ она должна была внести гораздо больше успокоенія, чѣмъ всѣ правительственныя сообщенія о земельной реформѣ. Слухи о коренномъ преобразованіи всего аграрнаго строя—говоритъ дальше покойный Михаилъ Яковлевичъ,—вызывали большую тревогу въ населеніи. Аграрная комиссія пошла навстрѣчу этой смутѣ и своимъ авторитетнымъ постановленіемъ положила ей конецъ». Далеко не безспорною представляется только оговорка, изъемлющая отъ принудительнаго отчужденія даже тѣ мелкіе участки, которые не обрабатываются ихъ владѣльцами, а эксплоатируются путемъ сдачи въ аренду: въ самой аграрной комиссіи гг. Бусловымъ и Имшенецкимъ совершенно правильно указывалось на то, что мелкое владѣніе, разъ оно систематически сдается въ аренду и служитъ, значитъ, только средствомъ эксплоатаціи трудового населенія, не можетъ притязать ни на какія преимущества передъ владѣніями болѣе крупнаго размѣра *).

Гораздо менѣе несомнѣннымъ и безспорнымъ является пунктъ, въ силу котораго изъемлются отъ принудительнаго отчужденія городскія земли «въ размѣрахъ, признанныхъ мѣстными учрежденіями необходимыми для собственныхъ нуждъ каждаго отдѣльнаго городского поселенія», и этотъ пунктъ, въ частности, возбудилъ оживленныя пренія въ аграрной комиссіи: по получившей большинство редакціи изъемлются отъ принудительнаго отчужденія не только тѣ земли (городской выгонъ, площади подъ расширеніе городской осѣдлости и т. п.). ко-

*) Конечно, тутъ идетъ рѣчь только о принудительномъ отчужденіи въ цѣляхъ расширенія землепользованія другихъ крестьянъ. Разверстаніе, уничтоженіе чрезполостностей и т. п. мѣры немыслимы безъ принудительнаго отчужденія.

торыя служатъ нуждамъ города, какъ общественной единицы, но и тѣ, которыя эксплоатируются городомъ путемъ отдачи въ аренду занимающемуся земледѣліемъ городскому населенію; между тѣмъ, меньшинство настаивало, и, по моему мнѣнію, совершенно правильно, на томъ, что изъятію отъ принудительнаго отчужденія подлежатъ земли только первой категоріи, а не тѣ, по отношенію къ которымъ городъ ничѣмъ не отличается отъ частнаго землевладѣльца, эксплоатирующаго свои земли путемъ сдачи ихъ въ аренду,—мѣщане же, нуждающіеся въ землѣ для занятія земледѣліемъ, подлежатъ устройству на общихъ основаніяхъ, наравнѣ съ трудовыми земледѣльцами другихъ категорій. Возбудилъ также нѣкоторыя разногласія, но разрѣшенъ комиссіей въ болѣе правильномъ смыслѣ, вопросъ о земляхъ, принадлежащихъ различнымъ юридическимъ лицамъ и учрежденіямъ: земли эти признаны не подлежащими отчужденію лишь въ томъ случаѣ, если онѣ—значитъ, именно, данныя земли, имѣютъ общеполезное значеніе, и слѣдовательно, какъ бы ни были полезны учрежденія, ихъ земли подлежатъ отчужденію, если являются для нихъ не средствомъ выполненія ихъ прямыхъ, скажемъ, просвѣтительныхъ, санитарныхъ и т. п. задачъ, а исключительно источникомъ дохода. Вопросъ о монастырскихъ и церковныхъ земляхъ, повидимому, не былъ разрѣшенъ комиссіей. По отношенію къ первому изъ двухъ названныхъ видовъ землевладѣнія въ средѣ государственной думы не возникало никакихъ сомнѣній. Что касается церковныхъ земель, то упоминаніе о нихъ, отсутствовавшее въ первоначальномъ проектѣ адреса, было внесено въ послѣдній вслѣдствіе предложенной однимъ изъ депутатовъ поправки, принятой большинствомъ. Тѣмъ не менѣе, и въ думѣ, во время общихъ преній, и въ комиссіи раздавалось не мало голосовъ за изъятіе отъ отчужденія церковныхъ надѣловъ, какъ такихъ земель, на которыхъ причты, въ сущности, ведутъ такое-же трудовое хозяйство, какъ крестьяне или, вообще, мелкіе землевладѣльцы.

Перехожу теперь къ центральному вопросу—объ отчужденіи земель средняго и крупнаго землевладѣнія.

Читатель знаетъ, что по проекту трудовой группы все нетрудовое землевладѣніе подлежало принудительному отчужденію безъ всякихъ ограниченій, причемъ дѣлалась однако весьма существенная оговорка, находящаяся если не въ формальной, то въ извѣстной внутренней связи съ нѣкоторыми сторонами занимающаго насъ въ данную минуту вопроса: изъ общенароднаго фонда выдѣляются прежде всего земли, необходимыя для государственныхъ и

общенародныхъ надобностей, каковыя поступаютъ въ вѣдѣніе надлежащихъ общественныхъ и государственныхъ учрежденій. Мнѣ думается, что оговорка подобнаго рода была бы весьма желательна въ будущемъ земельномъ законѣ. По проекту группы прогрессистовъ принудительное отчужденіе распространяется на слѣдующія категоріи земель и въ слѣдующемъ порядкѣ: земли чрезполосныя и т. п.; земли, обычно сдаваемыя въ аренду земледѣльческому населенію; земли, впустѣ лежащія; латифундіи въ части ихъ, превышающей установленный для каждой данной мѣстности предѣльный размѣръ землевладѣнія. Не подлежатъ отчужденію: земли подъ усадьбами, огородами, садами, искусственными лѣсонасажденіями и т. п. угодьями; земли подъ фабрично-заводскими и промышленными предпріятіями и обслуживающими ихъ угодьями; защитные, водоохранные и т. п. лѣса; земли, хотя бы по площади превышающія предѣльный размѣръ владѣнія, если центральное землеустроительное учрежденіе признаетъ за ними общеполезное значеніе. Владѣнія средняго размѣра, значитъ, признаются безусловно неподлежащими принудительному отчужденію. Что касается партіи народной свободы, то «путь, предложенный ею, совершенно ясенъ: съ первыхъ же дней образованія партіи на первый планъ выдвинуты крестьянскіе интересы». «Однако отъ этого—писалъ покойный Герценштейнъ—еще было далеко до немедленнаго уничтоженія частной собственности,—для послѣдней была еще открыта возможность бороться за свое существованіе, и если въ окончательномъ итогѣ ей, можетъ быть, пришлось бы уступить занятую позицію, то это совершилось бы естественнымъ путемъ, не сразу, безъ большой ломки, съ теченіемъ времени». Этому принципу партія остается вѣрной и до настоящаго времени,—онъ же лежитъ въ основѣ центральной 5-ой статьи проекта 42-хъ; но пунктъ этотъ «подвергался многократнымъ передѣлкамъ», которыя всѣ «преслѣдовали одну и ту же цѣль—именно, сократить число случаевъ, когда владѣльцы могли бы по тѣмъ или другимъ основаніямъ изъять свои земли отъ принудительнаго отчужденія». По проекту 42-хъ отчужденію подлежатъ безусловно земли, обычно сдаваемыя въ аренду или обрабатываемыя преимущественно крестьянскимъ инвентаремъ, а также всѣ земли, превышающія установленный для данной мѣстности предѣльный размѣръ владѣнія; земли въ имѣніяхъ, не превышающихъ этого размѣра, т. е. среднія владѣнія, обрабатываемыя собственнымъ инвентаремъ владѣльца, отчуждаются, если мѣстное населеніе не можетъ получить достаточнаго обезпеченія изъ другихъ земель той же мѣстности,

а также для устраненія вредной чрезполосицы и т. п. цѣлей; изъ отчужденія изъемлются усадебныя земли, сады, огороды и т. п. угодья, земли, непосредственно занятыя подъ фабрично-заводскими или промышленными заведеніями—земельныя же угодья, обслуживающія хозяйственныя ихъ потребности, должны подлежать отчужденію наравнѣ съ другими землями, лишь съ установленіемъ извѣстнаго порядка и послѣдовательности перехода ихъ въ земельный запасъ; наконецъ, изъемлются отъ отчужденія участки, которые центральнымъ землеустроительнымъ учрежденіемъ будетъ признано необходимымъ сохранить, въ виду ихъ исключительнаго характера и общеполезнаго значенія. Я не рѣшаюсь входить здѣсь въ критику предположеній, выработанныхъ по данному вопросу различными партіями,—читатель, знакомый съ послѣдними моими работами, знаетъ, что я лично не шелъ бы такъ далеко въ дѣлѣ принудительнаго отчужденія, какъ идетъ проектъ, внесенный въ думу 42-мя членами партіи народной свободы. Не видя особой важности въ сохраненіи имѣній средняго размѣра, я считалъ бы необходимымъ гораздо болѣе бережно отнестись и къ имѣніямъ съ промышленными и заводскими предпріятіями, и къ имѣніямъ того типа, который авторы проекта подвели подъ не совсѣмъ отчетливое, но крайне ограничительное опредѣленіе участковъ, «имѣющихъ исключительный характеръ и общеполезное значеніе».

Читатель знаетъ, съ какою безусловною защитой крупнаго и, вообще, нетрудового землевладѣнія выступили въ думѣ представители правительства—главноуправляющій землеустройствомъ и товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ г. Гурко. Читатель знаетъ также, что на ихъ точку зрѣнія, на точку зрѣнія защиты в с я к а г о крупнаго землевладѣнія, не стала въ государственной думѣ ни одна, крупная или мелкая, партія или фракція. Для всѣхъ, даже для тѣхъ, кто, можетъ быть, очень хотѣлъ бы отыграться отъ принудительнаго отчужденія, было совершенно ясно, что «при переходѣ имѣній, въ которыхъ не ведется собственнаго хозяйства, а имѣется аренда, крестьяне не только не потерпятъ убытковъ, а будутъ имѣть огромные барыши»; что «если взять часть тѣхъ денегъ, которыя теперь выплачиваются за аренду земли, если передать часть земель, безъ которыхъ въ настоящее время крестьяне не могутъ существовать, благодаря которымъ они находятся въ кабалѣ у землевладѣльцевъ», то не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы отъ этого «понизилась платежная способность крестьянства», и передача такихъ угодій не можетъ ни въ какомъ отношеніи вредно отразиться на общей эко-

номіи страны. «До нѣкоторой степени, говорилъ покойный Герценштейнъ, отвѣчая представителямъ кабинета, это можно было бы сказать объ имѣніяхъ, въ которыхъ ведется собственное хозяйство,— но тогда правильнѣе было-бы привести въ извѣстность, сколько именно занимаютъ такія владѣнія»... А сказать, что крестьяне всѣ огульно проиграютъ,—это значило заранѣе обрекать на проигрышъ то дѣло, защитниками котораго выступали представители правительства.

И въ приведенныхъ словахъ М. Я. Герценштейна сами собой намѣтились тѣ границы, въ которыхъ держались и думскія пренія, и комиссіонное обсужденіе по данному вопросу. Объ арендныхъ земляхъ не было никакого разговора—для всѣхъ и каждаго было ясно, что крестьянамъ выгоднѣе не платить аренды, чѣмъ платить ее, и что крестьянская аренда ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть защищаема съ точки зрѣнія интересовъ сельско-хозяйственной культуры. Вопросъ могъ быть только о тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ ведется экономическое хозяйство, гдѣ земля обрабатывается за собственный счетъ владѣльцевъ и, въ видѣ правила, собственнымъ ихъ инвентаремъ, и шедшіе впереди всѣхъ другихъ въ дѣлѣ защиты владѣльческихъ интересовъ депутаты Царства Польскаго основываютъ свою защиту единственно на противоположеніи польскаго владѣльческаго хозяйства «отсталому и забитому» крупному русскому хозяйству,—исключительно на томъ «личномъ, хотя и не физическомъ трудѣ», который вноситъ польскій помѣщикъ въ свое помѣстье, на крайне маломъ, по сравненіи съ внутреннимъ губерніями, развитіи арендъ.

Вмѣшательство въ пренія представителей правительства, думается мнѣ, въ одномъ отношеніи существенно отразилось на ходѣ думскихъ преній: неудачная защита частновладѣльческаго хозяйства, выдвинутая на первый планъ гг. Стишинскимъ и Гурко, отбила, надо думать, охоту говорить у многихъ, которые, при другихъ условіяхъ, выступили бы съ аргументами въ пользу болѣе бережнаго отношенія къ владѣльческому хозяйству, большей постепенности въ дѣлѣ ея замѣны мелкимъ крестьянскимъ землевладѣніемъ. Вѣрно ли это объясненіе или нѣтъ, или, быть можетъ, вліяло просто общее настроеніе думы,—но во всякомъ случаѣ фактъ, что въ защиту владѣльческаго хозяйства въ думѣ говорилось очень мало. Тѣмъ не менѣе, отдѣльными ораторами были намѣчены всѣ тѣ важнѣйшія точки зрѣнія, которыми можно мотивировать желательность болѣе бережнаго отношенія къ владѣльческому хозяйству: говорилось и о болѣе интенсивномъ характерѣ хозяйства въ извѣстной части вла-

дѣльческихъ имѣній, и о томъ образцово - показательномъ значеніи, которое такія имѣнія могутъ имѣть для самого земледѣльческаго населенія; говорилось, затѣмъ, о заработкахъ, которые даютъ интенсивныя хозяйства окрестному крестьянству и которые могутъ быть, при извѣстной степени интенсивности, больше, чѣмъ даетъ земля крестьянину при собственномъ хозяйствѣ; указывалось на нежелательныя послѣдствія превращенія Россіи въ исключительно крестьянскую страну, съ точки зрѣнія ея общей культуры и т. п. Но несравненно больше было рѣчей, безусловно неблагопріятныхъ для всякаго крупнаго и, вообще, рентнаго землевладѣнія; такія рѣчи, съ рѣшительнымъ отрицаніемъ за владѣльческимъ хозяйствомъ какого бы то ни было положительнаго значенія, раздавались, конечно, главнымъ образомъ изъ среды трудовой группы, но затѣмъ—также и изъ рядовъ безпартійныхъ крестьянъ и съ лѣваго фланга партіи народной свободы. Интенсивность хозяйства—«но кто же теперь трудится на землѣ, крестьяне или помѣщики» (Аникинъ)?—и обрабатываютъ они помѣщичьи земли совершенно такъ-же, какъ и свои. Урожайность крестьянскихъ земель ниже, чѣмъ владѣльческихъ,—«но это объясняется вовсе не тѣмъ, что крестьяне не умѣютъ обрабатывать землю» (Литвиновъ), а худшимъ качествомъ крестьянскихъ земель, а также, для арендныхъ земель,—отсутствіемъ разсчета затрачивать трудъ и капиталъ на ихъ обработку. Показательное значеніе владѣльческихъ хозяйствъ—но образцовыхъ хозяйствъ на всю Россію найдется не больше двухъ (Сафоновъ), а затѣмъ—вѣдь «при образованіи народнаго земельнаго фонда мѣстныя учрежденія, вѣдающія это, несомнѣнно, озаботятся организаціею общественныхъ культурныхъ хозяйствъ и показательныхъ полей на болѣе раціональныхъ началахъ» (Кутомановъ). Заработки—но «заработки эти не есть заработки крестьянъ, а польза помѣщиковъ», которые «успѣли поставить свои хозяйства въ такое положеніе, что крестьяне работаютъ тамъ, но работаютъ подневольно, въ силу сложившихся обстоятельствъ» (Гринцевичъ). Общая культура—но «эта культура нужна только господамъ, при посредствѣ ея они получаютъ деньги отъ труда бѣднаго населенія»...

Читатель видитъ, что ни сторонники частнаго землевладѣнія, или точнѣе—защитники болѣе постепенной его ликвидаціи, ни сторонники ликвидаціи немедленной и полной, не привели какихъ-либо новыхъ аргументовъ, которые не были бы извлечены изъ желѣзнаго инвентаря того или другого направленія общественной мысли. И я считаю долгомъ выдѣлить только обстоятельную рѣчь

одного изъ сторонниковъ болѣе радикальнаго разрѣшенія вопроса, деп. Локотя, въ которой доводы въ пользу такого рѣшенія вопроса—по существу тоже не новые—сведены въ болѣе стройную систему и обставлены болѣе серьезною аргументаціей. Проф. Локоть отнюдь не отвергаетъ, при нормальномъ ходѣ развитія сельскаго хозяйства, той «научной истины, что среднее землевладѣніе, если не крупное, является болѣе выгоднымъ для народнаго хозяйства», и съ этой точки зрѣнія онъ былъ бы готовъ признать, что «въ настоящій переходный моментъ мы не должны разрѣшать аграрный вопросъ такимъ способомъ, который закрывалъ бы въ будущемъ путь къ свободному развитію сельскохозяйственнаго производства и соотвѣтственно съ этимъ—тѣхъ или иныхъ формъ землевладѣнія». Но въ настоящій острый моментъ приходится исходить изъ условій, именно, настоящаго момента. И анализируя эти условія, деп. Локоть доказываетъ, что «та интенсивность нашего крупнаго сельскаго хозяйства, на которую часто ссылаются, является только фикціей, интенсивностью только по видимости, а не по существу».

Не менѣе разнорѣчивые и не поддающіеся согласованію взгляды обнаружились и при комиссіонномъ обсужденіи вопроса. «Относительно отчужденія другихъ частновладѣльческихъ земель,—читаемъ мы въ 3-мъ журналѣ аграрной комиссіи, кромѣ указанныхъ, подкомиссія не могла прійти къ окончательному выводу, за отсутствіемъ твердо установленныхъ данныхъ. Въ подкомиссіи указывалось, между прочимъ, что въ большихъ, эксплоатируемыхъ частными владѣльцами, хозяйствахъ мѣстное и пришлое населеніе находитъ много заработковъ, что заработки эти при переходѣ частновладѣльческихъ земель въ распоряженіе крестьянъ уменьшатся. Указывалось на большую урожайность частновладѣльческихъ земель и высказывалось опасеніе за уменьшеніе общаго сбора хлѣбовъ при уменьшеніи этихъ хозяйствъ. Но при переходѣ земель къ крестьянамъ—возражали на это другіе—запашка, несомнѣнно, расширится и сборъ хлѣба не уменьшится. Всѣ эти сомнѣнія не могли быть совершенно устранены, за отсутствіемъ соотвѣтствующихъ данныхъ».

И дѣйствительно, пренія по данному вопросу и не могли дать ни съ той, ни съ другой стороны ничего, кромѣ общихъ мѣстъ и повторенія давно извѣстныхъ шаблонныхъ аргументовъ. И это потому, что мы вовсе не располагаемъ чѣмъ-либо похожимъ на тотъ массовый фактическій матеріалъ, на основаніи котораго только и возможно было бы объективное разрѣшеніе вопроса. Я недавно

закончилъ сводку тѣхъ данныхъ по вопросу о взаимномъ отношеніи крестьянскаго и владѣльческаго хозяйства, собственно съ культурно-хозяйственной точки зрѣнія, какія можно было найти въ печатныхъ источникахъ, и опубликовалъ ея результаты во II части сборника «Аграрный вопросъ». Я довольно обстоятельно познакомился для этой цѣли съ относящимися къ данному вопросу матеріалами офиціальной и земской статистики и могу вполнѣ подтвердить, что для разрѣшенія вопроса, дѣйствительно, нѣтъ фактическихъ данныхъ. Какова площадь имѣній, въ которыхъ ведется собственное хозяйство, какъ распредѣляются эти имѣнія по величинѣ, какъ они расположены въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ по отношенію къ крестьянскимъ землямъ, какая площадь земли занята подъ заводскими имѣніями, въ какой мѣрѣ сахарные и винокуренные заводы нуждаются въ собственномъ хозяйствѣ для полученія сырья, каковы заработки населенія въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, сколько земли останется во владѣніи крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ при установленіи извѣстнаго максимума владѣнія, имѣютъ ли они (всѣ или какая нибудь часть ихъ) культурно-общественное значеніе, значительно ли отличается урожайность помѣщичьихъ земель отъ крестьянскихъ—все это вопросы, на которые теперь, до полученія точныхъ свѣдѣній отъ мѣстныхъ земельныхъ учрежденій, нѣтъ возможности дать отвѣтъ, который не вызывалъ бы споровъ. А при такихъ условіяхъ приходится признать, что коммиссія остановилась на единственномъ возможномъ и правильномъ исходѣ: она признала необходимымъ отложить рѣшеніе вопроса о тѣхъ владѣльческихъ земляхъ, гдѣ ведется собственное хозяйство, до тѣхъ поръ, пока не будутъ образованы на мѣстахъ земельные комитеты и не будутъ получены отъ нихъ точныя свѣдѣнія. Остается только пожелать, чтобы эти свѣдѣнія отразили на себѣ д ѣ й с т в и т е л ь н о е положеніе вещей, а не тѣ или другіе—каковы бы они ни были!—господствующіе въ той или другой мѣстности взгляды и настроенія...

Изъ общаго вопроса о судьбѣ имѣній, гдѣ ведется собственное хозяйство, аграрная комиссія и ея подкомиссія признали однако возможнымъ выдѣлить, для немедленнаго разрѣшенія, нѣсколько частныхъ вопросовъ, которые либо вовсе не возбуждали никакихъ сомнѣній, либо по которымъ возможно было достигнуть компромисса. Положенія эти касаются, съ одной стороны, земель, безусловно, подлежащихъ отчужденію, съ другой—тѣхъ типовъ земель частнаго владѣнія, которые признаются ему неподлежащими. Перечень земель первой категоріи почти совпадаетъ съ тѣмъ, который данъ былъ

въ проектѣ партіи народной свободы: сюда отнесены, конечно, земли необходимыя для уничтоженія чрезполосности и неудобствъ состава крестьянскихъ владѣній по угодьямъ; земли, обычно сдаваемыя въ аренду трудовымъ земледѣльцамъ; земли, впустѣ лежащія, но пригодныя для сельскохозяйственнаго пользованія; земли, обычно обрабатываемыя крестьянскимъ инвентаремъ. Не подлежащими отчужденію аграрная комиссія признала слѣдующіе виды частновладѣльческихъ земель: земли подъ усадьбами, огородами, садами, хмѣльниками, виноградниками, питомниками, а также подъ другими подобными спеціальными культурами, если онѣ будутъ изъяты отъ отчужденія мѣстными земельными учрежденіями; земли, занятыя заводскими или сельскохозяйственными промышленными заведеніями, но только «технически для нихъ необходимыя, т. е. занятыя подъ строеніями, складами, сооруженіями и т. п.»; лѣса, имѣющіе защитное и водоохранное значеніе,—наконецъ такія имѣнія или земельные участки, которые земельными учрежденіями будутъ признаны за имѣющіе общеполезное значеніе. Затѣмъ, подкомиссіею намѣчены были еще два положенія, которыя однако, остались неразсмотрѣнными аграрною комиссіей: одно изъ нихъ—предоставляющее владѣльцамъ, во всякомъ случаѣ, оставлять за собой, по своему выбору, часть своего имѣнія, не превышающую нормы мелкаго неотчуждаемаго участка, и другое, предоставляющее владѣльцамъ имѣній, часть которыхъ предназначена для отчужденія, требовать отчужденія остальной земли.

Читатель видитъ, что въ перечнѣ земель, по характеру хозяйственной эксплоатаціи подлежащихъ изъятію изъ принудительнаго отчужденія, комиссія пошла еще дальше по пути того «сокращенія числа случаевъ, когда владѣльцы могли бы изъять свои земли отъ принудительнаго отчужденія», которое имѣло мѣсто при всѣхъ предшествовавшихъ передѣлкахъ проекта партіи народной свободы. Сравнительно незначительныя поправки въ этомъ направленіи претерпѣли пункты общихъ положеній, касающіеся одинъ—особо цѣнныхъ угодій, другой—имѣній или частей имѣній, за которыми будетъ признано общеполезное значеніе. Изъ перваго исключено упоминаніе объ искусственныхъ лѣсныхъ насажденіяхъ, которыя, такимъ образомъ, признаны подлежащими отчужденію на одинаковыхъ основаніяхъ съ естественными лѣсами. Измѣненіе, внесенное во второй изъ этихъ пунктовъ, относится, строго говоря, не до существа, а до порядка признанія имѣній или частей имѣній имѣющими общеполезное значеніе и, слѣдовательно, не подлежащими отчужденію; по проекту 42-хъ

это предоставлялось центральному землеустроительному учрежденію, въ общихъ же положеніяхъ аграрной комиссіи рѣчь идетъ уже просто о «земельныхъ учрежденіяхъ»—очевидно, уступка мнѣнію представителей трудовой группы: «если ужъ мѣстное населеніе, говорилъ одинъ изъ нихъ, г. Шапошниковъ, во время общихъ преній, и рѣшитъ временно пощадить какое-нибудь культурное имѣніе, то это уже будетъ дѣло мѣстныхъ учрежденій, которыя, стоя на стражѣ народныхъ интересовъ, не оставятъ, подъ видомъ культурнаго, прежнее эксплоататорское хозяйство»; вопросъ только, хватитъ-ли у мѣстныхъ учрежденій широты взгляда и пониманія дѣла, чтобы подъ видомъ эксплоататорскаго не уничтожить культурное хозяйство?... Какъ и каждый изъ остальныхъ пунктовъ разсматриваемаго перечня, и данный пунктъ возбудилъ оживленныя пренія, смыслъ которыхъ резюмируется В. Е. Якушкинымъ въ томъ, что «комиссія значительнымъ большинствомъ голосовъ усиленно настаивала на томъ, что этотъ пунктъ долженъ касаться случаевъ совершенно исключительныхъ и очень немногочисленныхъ»; я позволю себѣ отмѣтить только то выяснившееся или точнѣе подтвердившееся во время этихъ преній обстоятельство, что и трудовая группа, въ лицѣ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ ея представителей, склонна была бережно отнестись, къ тѣмъ немногимъ имѣніямъ, которыя окажутся имѣющими «общеполезное значеніе»; разсматриваемый пунктъ общихъ положеній былъ сохраненъ, въ значительной мѣрѣ, благодаря поддержкѣ гг. Сѣдельникова и Буслова, возражавшихъ тѣмъ изъ болѣе радикально настроенныхъ членовъ комиссіи, которые требовали рѣшительнаго его исключенія. Болѣе существеннымъ измѣненіямъ подверглись два другихъ пункта. Изъ лѣсовъ въ этомъ перечнѣ оставлены только защитные и водоохранные; устранено имѣвшееся въ проектѣ 42-хъ указаніе на то, что лѣсныя площади могутъ быть обращаемы подъ земельное обезпеченіе земледѣльцевъ только въ мѣстностяхъ, изобилующихъ лѣсомъ, и, такимъ образомъ,—если это постановленіе не будетъ дополнено въ послѣдующихъ стадіяхъ разработки земельнаго закона—открыта возможность дальнѣйшаго обезлѣсенія уже и теперь страдающихъ отъ недостатка въ лѣсахъ мѣстностей нашей страны. И въ этомъ крайне съуженномъ видѣ постановленіе о лѣсахъ прошло въ комиссіи лишь послѣ оживленныхъ преній, во время которыхъ и подчеркивалась нужда крестьянства въ лѣсѣ, и выдвигались на сцену извѣстныя новыя теоріи, отвергающія, или во всякомъ случаѣ, сильно умаляющія значеніе лѣсовъ въ климатическомъ

и водномъ отношеніяхъ. Что касается, наконецъ, до послѣдняго изъ четырехъ пунктовъ перечня, то проектъ 42-хъ не только исключалъ отъ принудительнаго отчужденія земли, непосредственно занятыя заводскими и т. п. заведеніями, но еще устанавливалъ «порядокъ и послѣдовательность перехода въ государственный земельный запасъ земельныхъ угодій, обслуживающихъ эти заведенія». И эту оговорку покойный Герценштейнъ признавалъ, какъ онъ высказываетъ въ одной изъ своихъ статей, не вполнѣ достаточною: «не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что обширныя площади земли при имѣніяхъ съ сахарными заводами далеко не въ такой мѣрѣ необходимы, чтобы изъ нихъ не могла быть отчуждена часть, иногда и весьма значительная—но отъ этого еще далеко до того, чтобы оставить заводы совершенно безъ земли; это значило бы во многихъ случаяхъ поставить на карту самое ихъ существованіе». Между тѣмъ, въ «положеніяхъ» комиссіи устранена и эта оговорка,— отъ принудительнаго отчужденія изъемлются только площади, «технически необходимыя», т. е., какъ разумѣетъ комиссія, непосредственно занятыя строеніями заводовъ и т. п.; предложенная однимъ изъ членовъ комиссіи, г. Ефремовымъ, поправка, открывавшая возможность сохраненія, напримѣръ, площадей, занятыхъ свекловичными высадками, была отвергнута комиссіей, и наоборотъ—принята редакціонная поправка г. Буслова, еще усиливающая ограничительное пониманіе этого изъятія.

Я не рѣшаюсь входить здѣсь въ критическую оцѣнку этихъ «положеній». Самъ сторонникъ болѣе осторожнаго и постепеннаго проведенія идеи передачи всей земли трудящемуся населенію, я считаю, что комиссія должна была бы далеко бережнѣе отнестись къ тѣмъ видамъ частнаго землевладѣнія, которые имѣютъ общеполезное значеніе, благодаря интенсивности и культурности хозяйства. При данномъ состояніи нашихъ свѣдѣній по данному вопросу и я не могъ бы высказать ничего, кромѣ общихъ соображеній, недостаточно обоснованныхъ на фактахъ. Но я думаю, что аграрная комиссія поступила бы правильнѣе, если бы она и въ данномъ случаѣ пошла по тому пути, на который она стала въ общемъ вопросѣ о владѣльческихъ земляхъ, обрабатываемыхъ инвентаремъ владѣльцевъ, т. е. отложила разрѣшеніе вопроса до полученія съ мѣстъ достаточно полнаго и объективнаго фактическаго матеріала. Достаточно просмотрѣть журналы комиссіи, чтобы убѣдиться въ томъ, что и здѣсь комиссія «не могла прійти къ окончательному выводу за отсутствіемъ твердо установленныхъ данныхъ. Скажутъ

на это, можетъ быть, что «народъ не ждетъ»,—но прежде всего изъ заявленій трудовой группы и нѣкоторыхъ депутатовъ-крестьянъ мы знаемъ, что народъ б у д е т ъ ждать, разъ будутъ, при участіи мѣстныхъ учрежденій, серьезно работать надъ земельною реформой; а главное — разъ это соображеніе не помѣшало отсрочить разрѣшеніе общаго вопроса, то едва ли оно могло помѣшать отсрочкѣ разрѣшенія частныхъ вопросовъ, касающихся какъ разъ тѣхъ видовъ владѣльческихъ земель, сохраненіе которыхъ имѣетъ — если правы сторонники болѣе осторожнаго взгляда — наиболѣе существенное значеніе [1]).

Мы покончили, такимъ образомъ, насколько позволяло намъ мѣсто, съ вопросомъ о томъ, что̀ предполагалось отчуждать для цѣлей расширенія крестьянскаго землевладѣнія. Теперь перейдемъ къ вопросу объ основаніяхъ вознагражденія владѣльцевъ, — одному изъ тѣхъ, по которому не высказалась еще не только аграрная комиссія, но даже подкомиссія, и въ которыхъ, поэтому, подвести итога взглядамъ и настроенію думы нѣтъ никакого способа.

Мы знаемъ, что вознагражденіе владѣльцевъ за отчуждаемыя земли, такъ или иначе предусматривалось всѣми проектами и программами, имѣвшимися въ виду какъ при думскомъ, такъ и при комиссіонномъ обсужденіи. Программа партіи к.-д. говоритъ о вознагражденіи «по справедливой оцѣнкѣ, т. е. сообразно съ нормальною для данной мѣстности доходностью, при условіи самостоятельнаго веденія хозяйства, не принимая во вниманіе арендныхъ цѣнъ, созданныхъ земельною нуждою». Изъ аналогичныхъ принциповъ исходитъ программа партіи прогрессистовъ, въ которой дополнительно указывается лишь, что при оцѣнкѣ должны быть приняты во вниманіе произведенныя, но еще не использованныя улучшенія. Проектъ 104-хъ, принципіально признавая возмездность отчужденія, не только не указываетъ, однако, никакого принципа оцѣнки, но опредѣленно заявляетъ, что «размѣръ вознагражденія и условія его уплаты, а также тѣ случаи, когда земля отчуждается безвозмездно, могутъ быть опредѣлены не прежде, чѣмъ этотъ вопросъ и вся аграрная реформа будутъ обсуждены народомъ на мѣстахъ».

Почти не раздавалось принціальныхъ возраженій противъ принципа возмездности отчужденія и во время думскихъ преній. Одинъ

---

[1]) 411, 454, 462-466, 482-483, 506, 513, 524-529, 572-576, 581, 589, 604, 608, 624, 627, 690, 692, 695, 699, 702, 813-816, 821, 823, 829, 834, 837, 842, 844, 859, 873, 935, 937, 981, 991 и др. III, IV, V, VII, VIII, IX. — №№ 129, 157, 158, 167, 176, 189. Вѣстн. Парт. Нар. Своб., № 21-22, стр. 1291.

только депутатъ Меркуловъ считалъ умѣстнымъ «сказать твердо и разъ навсегда: земля должна отойти къ намъ вся и безплатно». Въ цѣломъ трудовая группа стояла, очевидно, на иной точкѣ зрѣнія, прекрасно формулированной въ многократно цитированной рѣчи деп. Локотя. По объективной справедливости, полагалъ черниговскій депутатъ, «переходъ земли въ руки крестьянскаго населенія даже безъ выкупа нисколько не былъ бы «грабежомъ»; это былъ бы не грабежъ, а актъ дѣйствительной, объективной справедливости», въ виду огромныхъ переплатъ крестьянства на выкупныхъ платежахъ и всѣхъ, вообще, несправедливостей экономической политики государства. Но «чувства и понятія населенія устанавливаются, опредѣляются не одною только объективною справедливостью— есть еще справедливость условная; поэтому я считаю, что крестьяне, можетъ быть, неизбѣжно даже, сами признаютъ, что «нѣтъ, мы безъ выкупа землю не возьмемъ»... И въ томъ же смыслѣ высказался лидеръ трудовой группы, деп. Аладьинъ: «насколько объ этомъ можемъ судить мы, вышедшіе изъ народа, заявлялъ г. Аладьинъ, въ широкихъ массахъ населенія народъ предпочитаетъ п о к а взять землю и, въ томъ или иномъ размѣрѣ, заплатить за нее». И съ особенною силой — мы помнимъ — г. Аладьинъ напиралъ на слово «пока»: если будетъ упущенъ и данный «послѣдній моментъ въ исторіи русскаго народа», то «тогда уже вопроса о выкупѣ быть не можетъ, потому что земли уже будутъ забраны»... И такое настроеніе крестьянства до извѣстной степени видно и изъ рѣчей крестьянскихъ депутатовъ: «Да вѣдь и мы сами, крестьяне, заявлялъ, напримѣръ, кр. Хватковъ, кажется, находимъ чтобы отнимать не безъ платежа». Иногда говорившіе, подчеркивая готовность крестьянъ платить за владѣльческія земли, какъ будто хотѣли этимъ побудить депутатовъ изъ землевладѣльческаго класса скорѣе дать свое согласіе на отчужденіе земель: «когда вы добровольно дадите населенію землю, говорилъ, напримѣръ, гродненскій крестьянинъ Жуковскій, вы будете довольны, ибо крестьянство васъ не обидитъ, — оно уплатитъ вамъ справедливо»...

Однако, большинство говорившихъ на данную тему крестьянъ далеко не безусловно и отнюдь не во всѣхъ случаяхъ соглашалось на выплату вознагражденія владѣльцамъ. «Есть—прежде всего— много такихъ земель, которыя находятся во владѣніи помѣщика, но въ дѣйствительности земли эти принадлежатъ крестьянамъ, такъ какъ во времена былыя и настоящія, т. е. когда народъ нигдѣ не могъ найти противъ сильнаго человѣка ни права, ни

суда, земли эти были отобраны насильственнымъ образомъ и сейчасъ находятся въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ» (Бабичъ); «крестьяне имѣли собственность, и только потому, что они не пользовались правами, они были лишены ея,—и сейчасъ едва ли они захотятъ уплачивать деньги за земли, которыя считаютъ своею собственностью» (Лопасъ). Еще сильнѣе крестьянскіе депутаты напираютъ на другую категорію случаевъ—именно, на имѣнія, когда-либо пожалованныя предкамъ ихъ нынѣшнихъ владѣльцевъ. «Я не знаю—говорилъ, напр., крестьянинъ Грабовецкій по поводу земель, подаренныхъ помѣщикамъ, «былъ ли законъ взять эти земли у однихъ и подарить другимъ,—по моему, безъ разговоровъ надо взять эти земли и отдать крестьянамъ, потому что помѣщикъ, у котораго было такъ много земли столько лѣтъ, могъ себя такъ обезпечить, что вполнѣ и ему, и его дѣтямъ хватитъ»... Можетъ быть—говоритъ другой крестьянинъ, Исуповъ, по поводу обширныхъ владѣній графовъ Орловыхъ-Давыдовыхъ, «что этотъ графъ получилъ эти земли за службу,—но вѣдь нынѣ этими землями владѣютъ потомки графа, которые, можетъ быть, ни службы, ни дружбы никому не оказывали и оказывать не обязаны». Такъ «скажите, пожалуйста, слѣдуетъ ли за эту землю заплатить потомкамъ хотя бы гр. Орлова-Давыдова, или съ нихъ взыскать за несправедливое владѣніе землей въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ»?... Вообще, гдѣ крестьянство видитъ, «что земля пріобрѣтена трудомъ, потомъ и кровью, тамъ оно готово заплатить; но тамъ, гдѣ оно видитъ, что землевладѣльцы распоряжаются землею лишь какъ потомки, можетъ быть, какого нибудь ловкаго царедворца или просто браваго воеводы, тамъ оно говоритъ: «за что же мы будемъ платить, за то, что предки даннаго лица случайно, незаслуженно, сотню и болѣе сотни лѣтъ владѣли землей и жирно питались отъ этой земли»... (Шапошниковъ).

И здѣсь-же необходимо упомянуть и о рядѣ замѣчаній, которыя относятся, правда, непосредственно не къ вознагражденію владѣльцевъ за принудительно отчуждаемыя земли, но къ вопросу, находящемуся въ тѣсной внутренней связи съ этимъ,—къ платежнымъ обязанностямъ тѣхъ крестьянъ, которые получатъ землю изъ государственнаго земельнаго фонда. При разрѣшеніи вопроса объ этихъ обязанностяхъ должны быть приняты во вниманіе тѣ платежи, тягость которыхъ населеніе несло до настоящаго времени, и прежде всего—выкупные платежи: «съ отмѣною выкупныхъ платежей по закону 3 ноября, заявляетъ деп. Еропкинъ, вся выкупная операція яв-

ляется отмѣненной, а потому совершенно справедливо возвратить крестьянскому населенію всѣ его сбереженія, которыя помѣщены въ погашенныхъ выкупныхъ ссудахъ», съ тѣмъ, чтобы эти сбереженія были зачтены въ счетъ платежей за землю, которая будетъ отводиться изъ государственнаго земельнаго фонда. «Возвратить эти милліоны рублей, восклицаетъ крестьянинъ Оранскій, переплаченные голоднымъ народомъ, можетъ быть, и поздно теперь, но засчитать никогда не поздно»! Другіе ставятъ вопросъ—по крайней мѣрѣ по отношенію къ помѣщичьимъ крестьянамъ, еще шире: «до сихъ поръ помѣщичьи крестьяне являлись козлищемъ отпущенія, и пора это уже вспомнить, и пора поставить вопросъ такъ, что разъ крестьяне эти до сихъ поръ въ Россіи знали только одну обратную сторону, то несправедливо было бы, совершенно нелѣпо заставлять ихъ еще разъ платить за землю, за которую они давно платятъ. Этимъ, и только этимъ, мы можемъ хотя отчасти ослабить ту несправедливость, которая до сихъ поръ тяготѣетъ надъ бывшими помѣщичьими крестьянами» (Сѣдельниковъ).

Отсюда прямой переходъ къ вопросу объ основаніяхъ оцѣнки земли,—вопросъ, для освѣщенія котораго думскія пренія дали—впрочемъ, очень немного матеріала.

По проекту партіи народной свободы, оцѣнка принудительно отчуждаемыхъ земель производится «сообразно съ нормальной для данной мѣстности доходностью, при условіи самостоятельнаго веденія хозяйства, не принимая во вниманіе арендныхъ цѣнъ, созданныхъ земельною нуждою». Это положеніе вызывало возраженія даже изъ среды самой к.-д. партіи. «Оцѣнивая земли,—говорилъ деп. Чижевскій,—мы будемъ имѣть въ виду тѣ доходы, какіе извлекаютъ въ настоящее время землевладѣльцы при тѣхъ условіяхъ закабаленности крестьянства, съ какими мы имѣемъ дѣло теперь и какія были созданы массою несправедливостей по отношенію къ крестьянамъ со времени ихъ освобожденія»; «если какой нибудь землевладѣлецъ получаетъ высокій доходъ, самъ обрабатывая землю своего имѣнія, то повышеніемъ этимъ онъ обязанъ ненормальному пониженію заработной платы крестьянъ», и для ряда мѣстностей, извѣстныхъ деп. Чижевскому, доходность большихъ имѣній, при примѣненіи усовершенствованныхъ орудій производства и дешеваго, полударового крестьянскаго труда, такъ повліяла бы на оцѣнки, что цѣны «приблизились бы почти къ арендным цѣнамъ». Выходъ отсюда, предлагаемый гг. Чижевскимъ, Шапошниковымъ и др.,—это оцѣнка по средней доходности не частновладѣльческаго, а к р е с т ь-

янскаго хозяйства. Другое обстоятельство, на которое указывается въ нѣкоторыхъ рѣчахъ,—это повышающее вліяніе операцій крестьянскаго банка на продажныя цѣны земли, откуда нѣкоторыми дѣлается такой выводъ: «по какой цѣнѣ помѣщики купили до 80-го года, по такой цѣнѣ должны и возвратить, если окажется купчая. А съ тѣхъ поръ, какъ крестьянскій банкъ сталъ дѣйствовать и поднялъ цѣны за купленныя земли, слѣдуетъ по справедливой оцѣнкѣ заплатить, потому что раньше цѣна была не такая, какъ теперь». (Грабовецкій). И, вообще,—довольно распространеннымъ является, повидимому, тотъ взглядъ, что при отчужденіи земель, пріобрѣтенныхъ владѣльцами покупкой, слѣдуетъ просто возвратить владѣльцу заплаченныя при покупкѣ земли, если онъ притомъ хищническимъ хозяйствомъ не обезцѣнилъ своего имѣнія: «на мой взглядъ, говорилъ, напр., крестьянъ-депутатъ Онацкій, за пріобрѣтеніе помѣщичьихъ земель мѣстные комитеты, я думаю, рѣшатъ возвратить деньги по купчимъ, если онѣ у владѣльцевъ окажутся и если помѣщики не уничтожили лѣсовъ или чего нибудь другого». И послѣдній важный моментъ, который намѣчался въ преніяхъ: это градація оцѣнки въ зависимости отъ размѣра отчуждаемыхъ владѣній: «было бы недостаточно справедливымъ, если бы лицо, владѣющее сотней десятинъ, и другое, владѣющее въ томъ же мѣстѣ десятками тысячъ десятинъ, за каждую десятину получили одну и ту-же сумму. Если лицо, владѣющее сотней десятинъ, должно получить почти полную стоимость земли—иначе оно будетъ не въ состояніи приспособиться къ иному труду, то владѣлецъ десятковъ тысячъ десятинъ долженъ получать прогрессивно меньшую сумму за каждую десятину» (Присецкій).

Читатель видитъ, что думскія пренія по аграрному вопросу далеко не освѣтили всѣхъ сторонъ вопроса объ оцѣнкѣ подлежащихъ принудительному отчужденію земель. Критика того, что было высказано, не входитъ въ мою задачу. Замѣчу только, что возраженія, дѣлавшіяся противъ принятаго въ проектѣ 42-хъ принципа оцѣнки, направлялись, въ значительной мѣрѣ, не по адресу: какъ разъяснялъ деп. Якушкинъ, «подъ справедливою оцѣнкой партія народной свободы разумѣла всегда и разумѣетъ такую оцѣнку, въ исчисленіи которой устраняются всѣ условія: связанныя съ кабальными цѣнами какъ на аренды, такъ и на рабочій трудъ». А разъ это такъ, разъ въ оцѣнку должны вноситься поправки, устраняющія повышающее вліяніе кабальныхъ условій найма, то едва ли можно, при оцѣнкѣ, не считаться съ тѣми различіями въ

доходности, которыя проистекаютъ изъ примѣняемыхъ большею или меньшею частью владѣльцевъ интенсивныхъ способовъ хозяйства и сдѣланныхъ ими, можетъ быть, затратъ мелiоративнаго характера [1]).

Послѣдній изъ затрагивавшихся въ думскихъ преніяхъ вопросовъ, на которыхъ я имѣю въ виду остановиться, это вопросъ о нормахъ земельнаго обезпеченія. Мы знаемъ, что программа партіи прогрессистовъ вовсе не затрогивала этого вопроса, что стоитъ въ ясной связи со всѣмъ мировоззрѣніемъ ея основателей. По проекту 104-хъ, «надѣленіе землей производится въ предѣлахъ трудовой нормы», при недостаткѣ же земли для надѣленія всего мѣстнаго земледѣльческаго населенія «имѣющаго менѣе продовольственной нормы», предоставляется право переселенія въ изобилующія землею мѣстности имперіи. По проекту 42-хъ, нормы опредѣляются для каждой мѣстности особо по соображенію съ наличными земельными запасами, причемъ «является желательнымъ доведеніе размѣровъ обезпеченія до потребительной нормы, т. е. до такого количества земли, которое, по мѣстнымъ условіямъ и принимая въ расчетъ прочные промысловые доходы, гдѣ таковые существуютъ, было бы достаточно для покрытія среднихъ потребностей въ продовольствіи, жилищѣ, одеждѣ и для несенія повинностей». И въ рядѣ рѣчей видныхъ своихъ представителей—г.г. Щепкина, Якушкина и другихъ, партія народной свободы старалась выяснить основанія, по которымъ она остановилась, и то условно, на потребительной, а не на болѣе высокой нормѣ. «Если бы мы составляли теоретическій трактатъ—говорилъ деп. Якушкинъ—(самъ, замѣчу въ скобкахъ, болѣе сочувствующій надѣленію наличнаго населенія по нормамъ 1861 года), мы бы не только съ другими нашими товарищами по думѣ провозгласили бы необходимость трудовой нормы для населенія, мы бы пошли и дальше... мы признали бы, что общество или семья, получающіе надѣлъ, должны получить землю выше трудовой нормы, для того, чтобы былъ запасъ на будущее. Но мы считались съ дѣйствительными отношеніями, съ дѣйствительными условіями, съ тѣми размѣрами земли, которыми можно воспользоваться для надѣленія крестьянъ,—мы вовсе не желали провозгласить принципа, который на дѣлѣ оказался бы неосуществимымъ; поэтому мы остановились на низшей, по нашему мнѣнію, нормѣ, которою можно все-таки достаточно обезпечить крестьянъ

[1]) 414, 415, 417, 465, 485, 507, 619, 620, 696, 703, 707, 713, 824, 836, 837, 841, 843, 856, 860 870, 873, 879, 925, 941, 979, №№ 149, 157.

при данныхъ условіяхъ, и, надо сказать, что во многихъ губерніяхъ выше этой нормы ни въ какомъ случаѣ надѣлить нельзя». Большой вопросъ, добавлю отъ себя, во многихъ ли изъ тѣхъ губерній, гдѣ земельный вопросъ стоитъ всего острѣе, можно будетъ провести надѣленіе даже и по потребительной нормѣ, разъ она будетъ расчитана на нынѣшніе, отжившіе свой вѣкъ, способы эксплоатаціи земли и обусловленные ими 30 и 20-пудовые урожаи.

Возраженія противъ такой постановки вопроса сыпались и слѣва, и справа. Въ чемъ практическое значеніе надѣленія по потребительной нормѣ? «Я смѣю думать, говорилъ свящ. Поярковъ, выводъ изъ этого тотъ, что крестьянамъ предлагается, что они лишь бы не умерли отъ голода»,—да притомъ «странно и немного непонятно, что мы рѣшаемся опредѣлять потребности крестьянъ.., ни одинъ изъ имущихъ классовъ не допуститъ, чтобы кто нибудь вмѣшивался въ его расходы; почему же мы считаемъ себя вправѣ говорить о крестьянскихъ потребностяхъ, ставить крестьянамъ рамки, изъ которыхъ они не могутъ выходить? Мы не имѣемъ на это нравственнаго права». И, притомъ, проектъ 42-хъ не обѣщаетъ опредѣленно даже потребительной нормы: въ проектѣ этомъ «говорится, что желательно доводить обезпеченіе крестьянъ до потребительскихъ нормъ, принимая во вниманіе посторонніе заработки. «Если только ж е л а т е л ь н о, возражаетъ на это деп. Заболотный, значитъ, не необходимо: что желательно, то только желательно, но не принадлежитъ по праву; полная неопредѣленность такого положенія особенно больно отзовется въ сердцѣ каждаго крестьянина. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, — или мы признаемъ за нимъ право на жизнь, или мы этого права не признаемъ, а то, что желательно однимъ, можетъ быть вовсе нежелательно другимъ»... А, съ другой стороны, Н. Н. Львовъ и его единомышленники указываютъ на то, что «на клочкахъ арендной земли, отведенной въ предѣлахъ продовольственной нормы, не можетъ быть процвѣтанія земледѣлія. Намъ постоянно указывали, что улучшенія въ крестьянскомъ хозяйствѣ невозможны благодаря малоземелью. Но возможны развѣ прогрессъ и улучшенія на участкахъ продовольственной нормы? А если это невозможно, то населеніе обречено на полунищее существованіе, а при увеличеніи населенія, и на періодическія голодовки»...

Мы уже не будемъ останавливаться на тѣхъ знакомыхъ намъ выводахъ, которые дѣлаютъ изъ этого положенія тѣ, кто основалъ партію прогрессистовъ. Трудовики находятъ возможнымъ только одинъ выводъ — трудовую норму: «Трудовая норма, восклицаетъ

тотъ же депутатъ Заболотный, намъ необходима, потому, что этой реформой мы не хотимъ провести извѣстный палліативъ, — мы хотимъ добиться коренного измѣненія общественнаго строя, въ виду большей справедливости и обезпеченія труда». Но какъ же быть съ вопросомъ о практической осуществимости?... «Господа, восклицаетъ Е. Н. Щепкинъ, отвѣчая критикамъ проекта 42-хъ, это очень желательно довести до трудового размѣра, но по даннымъ нашей статистики до трудовой нормы земли для всѣхъ не хватитъ... Самое большое, на что мы можемъ расчитывать, продолжаетъ Е. Н. Щепкинъ, ссылаясь на рядъ появившихся въ послѣднее время въ литературѣ попытокъ разобраться въ данномъ вопросѣ, — это повтореніе реформы 1861 года, а главное: если мы будемъ нарѣзывать трудовую норму, почти что ферму, только для болѣе зажиточныхъ крестьянъ, то это не удовлетворитъ всего населенія Россіи». И это, конечно, такъ: практически приходится либо взять трудовую или какую угодно повышенную норму, но за то пойти по пути созданія «элиты», или стремиться къ равномѣрному распредѣленію земельныхъ запасовъ страны, и въ такомъ случаѣ удовольствоваться болѣе скромными нормами. Третій путь—признать нѣчто вродѣ права на землю и въ то же время обѣщать трудовую норму — это только прекрасная иллюзія...

Но затѣмъ установленіе и потребительныхъ, и трудовыхъ, и какихъ угодно иныхъ нормъ встрѣчается съ чрезвычайно серьезными затрудненіями чисто-техническаго характера. „Продовольственная норма, мѣтко замѣчаетъ гр. Гейденъ, на меня производитъ впечатлѣніе того, что въ математикѣ называется уравненіемъ съ четырьмя неизвѣстными, которое нельзя разрѣшить. Въ одно уравненіе ставятъ первое неизвѣстное — сколько надо человѣку продовольствія, затѣмъ — сколько надо на жилище, сколько надо ему на одежду, сколько на повинность"; а кромѣ того—добавлю отъ себя— сколько надо земли, чтобы дать, сколько нужно, для удовлетворенія всѣхъ этихъ потребностей. И такое же уравненіе съ пятью неизвѣстными — трудовая норма. „Если мы въ законѣ, говоритъ деп. Чижевскій, будемъ употреблять терминъ „трудовая норма" — это звукъ пустой. По изслѣдованіямъ черниговской губерніи, трудовая норма колеблется отъ 7 или 8 до 25 десятинъ; мнѣ извѣстны изслѣдованія по екатеринославской губерніи, гдѣ „трудовая норма" колеблется отъ 24 до 120 дес. И вѣдь трудовая норма зависитъ отъ массы разнообразнѣйшихъ условій—отъ качества почвы, отъ принятой системы культуры, зависитъ отъ того, есть или нѣтъ

трехполье, зависитъ отъ земледѣльческихъ машинъ и т. п.“ Отъ такого взгляда на трудовую норму недалекъ и одинъ изъ основателей и виднѣйшихъ представителей трудовой группы, депутатъ Шапошниковъ: какъ спеціалистъ-статистикъ, онъ подтверждаетъ, что „дѣйствительно, опредѣленіе этой трудовой нормы очень и очень затруднительно“. И практическій выводъ отсюда г. Шапошникова: «намъ, я думаю, придется опредѣлить эту трудовую норму, такъ сказать, на глазъ, приблизительно». Но, спрошу я, какія же цифры брать «на глазъ?» Для черниговской губерніи—8 или 25 десятинъ? Для екатеринославской—24 или 120? Для уфимской—18 или 50? Ибо т а к о в а вѣдь амплитуда колебаній даже при опредѣленіи трудовой нормы сравнительно объективными научными пріемами. И едва ли не правильнѣе тотъ практическій выводъ, который дѣлаетъ деп. Чижевскій: «мы должны, говоритъ онъ отрѣшиться отъ потребительной (и, конечно, тѣмъ болѣе отъ трудовой! А. К.) нормы. Мы должны прямо сказать, что надо отдать крестьянамъ все, что можно отдать въ данной мѣстности, не возбуждая противъ аграрной реформы широкихъ слоевъ населенія и не дѣлая грандіознаго потрясенія въ экономическомъ строѣ государства». Но, вѣдь, именно на эту единственно правильную почву сталъ, въ концѣ концовъ, проектъ, партіи народной свободы: вѣдь по этому проекту порайонныя нормы установляются по соображенію съ «имѣющимся запасомъ земли и принимая въ расчетъ возможныя добровольныя выселенія», и то, что признается «желательнымъ», будетъ, конечно, осуществляться въ предѣлахъ вытекающей изъ указанныхъ условій фактической возможности [1]).

На этомъ я заканчиваю свой обзоръ. Можно было бы остановиться еще на вопросѣ о разрядахъ населенія, имѣющихъ право на полученіе земли при предстоящей земельной реформѣ, о постановкѣ и организаціи мѣстныхъ земельныхъ учрежденій, но большой объемъ, котораго достигла моя работа, заставляетъ меня поставить точку: освѣщеніе этихъ вопросовъ въ думскихъ преніяхъ было тоже далеко неполнымъ, и поскольку выяснились взгляды представителей представленныхъ въ думѣ разнообразныхъ теченій, о нихъ была уже рѣчь въ предыдущихъ отдѣлахъ настоящей работы.

Первая русская государственная дума прекратила свое существованіе, не кончивъ, даже въ общихъ основаніяхъ, предпринятаго

[1]) 488, 579, 581, 621, 698, 718, 814, 877, 979, 982. № 129.

ею громаднаго дѣла. Не подлежитъ сомнѣнію, что дѣло это будетъ доведено до конца — чего не было дано совершить первой, то совершитъ какая нибудь послѣдующая государственная дума. Какъ будетъ, въ концѣ концовъ, проведена аграрная реформа, — совершится ли она, въ частности, на тѣхъ началахъ, которыя проводила партія народной свободы,—кому дано это знать?.. Можно съ увѣренностью сказать только одно: чѣмъ больше будетъ ее оттягивать, не желающая разстаться со своимъ самодержавіемъ бюрократія, чѣмъ рѣшительнѣе она будетъ примѣнять репрессивныя мѣры, чтобы бороться съ тѣмъ, съ чѣмъ бороться можно только политическими и соціальными реформами,—тѣмъ земельная реформа будетъ радикальнѣе. Появись два года тому назадъ извѣстный кутлеровскій проектъ и стань онъ тогда закономъ,—онъ на десятки лѣтъ отсрочилъ бы новое обостреніе земельнаго вопроса. Съ восторгомъ былъ бы принятъ проектъ партіи народной свободы, даже не послѣдней редакціи, если бы онъ сталъ закономъ въ то время, когда бюрократія подкапывалась подъ Кутлера съ его проектомъ. Будетъ ли онъ достаточнымъ черезъ полгода, если мы доживемъ къ тому времени, до созыва третьей думы,—кто это можетъ предсказать?..

А. Кауфманъ.

Памяти М. Я. Герценштейна.

Михаилъ Яковлевичъ Герценштейнъ, профессоръ политической экономіи московскаго сельско-хозяйственнаго института, палъ отъ выстрѣла убійцы въ Теріокахъ, подъ Петербургомъ, 18 іюля 1906 года. Это было политическое убійство: рука наемнаго убійцы сразила одного изъ выдающихся политическихъ дѣятелей, одного изъ наиболѣе популярныхъ и вліятельныхъ членовъ Государственной Думы, авторитетнаго члена партіи народной свободы, признаннаго и энергичнаго борца за землю для народа.

М. Я. Герценштейнъ сравнительно недавно выступилъ какъ общественный и затѣмъ какъ политическій дѣятель, но онъ очень быстро занялъ, благодаря своему уму и дарованіямъ, благодаря научнымъ знаніямъ и практическому опыту, мѣсто въ первыхъ рядахъ народнаго освободительнаго движенія.

М. Я. Герценштейнъ кончилъ курсъ въ новороссійскомъ университетѣ, который подготовилъ не мало серьезныхъ экономистовъ за то время, когда тамъ каѳедру политической экономіи занималъ А. С. Посниковъ. По окончаніи курса М. Я. Герценштейнъ отправился за границу, продолжая тамъ заниматься избранною имъ наукою. По возвращеніи его изъ-за границы, онъ блестящимъ образомъ сдалъ въ московскомъ университетѣ магистерскій экзаменъ. Молодой ученый привлекъ къ себѣ вниманіе юридическаго факультета, и тогда же былъ поднятъ вопросъ о привлеченіи его на каѳедру московскаго университета. Это предположеніе не могло осуществиться: непреодолимымъ препятствіемъ къ этому послужило еврейское происхожденіе магистранта: выдающіяся научныя знанія, рѣдкія способности молодого ученаго, блестящая рекомендація всего факультета не могли перевѣсить этого первороднаго грѣха, не могли ослабить національныхъ предразсудковъ начальства.

Герценштейну научно-преподавательская дѣятельность оказалась тогда недоступной: онъ долженъ былъ отказаться отъ каѳедры, къ которой готовился, къ которой страстно стремился, на которую ему

давали безспорныя права его знанія, его способности. Герценштейну пришлось взяться за практическое дѣло: онъ принялъ мѣсто въ частномъ земельномъ банкѣ. Въ своихъ научныхъ занятіяхъ онъ съ самаго начала, подъ вліяніемъ своего наставника, имѣлъ склонность къ вопросамъ землевладѣнія; работая въ банкѣ, онъ сумѣлъ теперь соединить практическое дѣло со своими научными интересами; онъ сумѣлъ пользоваться для научныхъ цѣлей огромнымъ фактическимъ матеріаломъ, проходившимъ черезъ его руки; онъ пріобрѣлъ обширныя практическія свѣдѣнія во всемъ строѣ нашихъ земельныхъ отношеній и замѣчательный опытъ въ вопросахъ земельнаго кредита. Продолжая свои научныя занятія въ той же области, онъ напечаталъ цѣнныя изслѣдованія и статьи въ разныхъ изданіяхъ и занялъ выдающееся мѣсто въ научной литературѣ, именно, какъ знатокъ земельнаго дѣла.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ отношеніе начальствующихъ лицъ къ національному еврейскому вопросу немного измѣнилось, и Герценштейнъ получилъ возможность читать лекціи въ московскомъ университетѣ, какъ приватъ-доцентъ, послѣ блестящей защиты имъ магистерской диссертаціи о поземельномъ кредитѣ; затѣмъ вскорѣ онъ былъ выбранъ на каѳедру политической экономіи въ московскомъ сельско-хозяйственномъ институтѣ. Онъ сразу занялъ выдающееся положеніе среди товарищей по преподаванію, пріобрѣлъ популярность и сочувствіе среди слушателей.

За послѣдніе годы Герценштейнъ сталъ работать въ московской городской Думѣ и въ московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи въ качествѣ гласнаго. Онъ быстро завоевалъ вліятельное положеніе въ обоихъ собраніяхъ своею энергіею, своею неутомимостью, своими знаніями и опытомъ. Особенно много работалъ онъ по городскому самоуправленію, которое и раньше обращалось къ нему, какъ къ спеціалисту по финансамъ. Онъ избранъ былъ предсѣдателемъ финансовой комиссіи, самой важной изъ городскихъ комиссій. Съ особою энергіей проявилась его дѣятельность въ октябрьскіе дни (1905 г.), когда онъ стоялъ во главѣ того совѣщанія гласныхъ, которое вело тогда все городское дѣло, оказавшееся непосильнымъ для управы. Въ то время Герценштейнъ сдѣлался весьма популяренъ въ широкихъ кругахъ жителей Москвы, и его называли кандидатомъ сначала въ товарищи городского головы, а затѣмъ и въ городскіе головы. Но ему не пришлось занять ни того, ни другого мѣста; среди городскихъ гласныхъ началась вскорѣ реакція, которая заставила Герценштейна стать дальше отъ городскихъ дѣлъ, а затѣмъ об-

стоятельства вывели Герценштейна на болѣе широкую политическую дорогу.

Общественная дѣятельность Герценштейна не ограничивалась его работой какъ гласнаго въ земскомъ собраніи и въ городской Думѣ: онъ принималъ участіе въ съѣздахъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, а также въ съѣздахъ земцевъ-конституціоналистовъ; извѣстный въ литературѣ и въ публицистикѣ спеціалистъ, Герценштейнъ принялъ участіе въ разработкѣ экономическихъ вопросовъ въ программахъ обоихъ этихъ союзовъ или группъ; и здѣсь, само собой, онъ принялъ ближайшее участіе въ подготовкѣ и выясненіи аграрнаго вопроса: онъ былъ однимъ изъ ближайшихъ участниковъ въ извѣстномъ аграрномъ съѣздѣ въ апрѣлѣ 1905 г. въ Москвѣ. Герценштейнъ работалъ въ составѣ опредѣленной группы лицъ по выработкѣ программы для открытой политической партіи и затѣмъ, когда конституціонно-демократическая партія была учреждена, онъ принялъ очень дѣятельное участіе въ ея дѣлахъ, въ пропагандѣ ея идей, въ развитіи ея программы. Занятый очень сильно дѣломъ преподаванія въ университетѣ и въ институтѣ, Герценштейнъ находилъ все-таки возможность служить партіи своимъ убѣдительнымъ перомъ, своимъ горячимъ словомъ, участіемъ въ ея комиссіяхъ. Работа Герценштейна касалась вопросовъ финансовыхъ, экономическихъ и главнѣйшимъ образомъ вопроса аграрнаго: онъ въ это время писалъ очень много по аграрному вопросу научныхъ статей, популярныхъ брошюръ; онъ читалъ публичныя лекціи, доклады о земельной проблемѣ, выступалъ ораторомъ на митингахъ, на партійныхъ собраніяхъ.

Когда второй партійный съѣздъ, въ январѣ 1906 г., постановилъ образовать особую аграрную комиссію, центральный комитетъ поручилъ организацію этого дѣла Михаилу Яковлевичу, подъ предсѣдательствомъ котораго комиссія и открыла свои дѣйствія въ составѣ многихъ спеціалистовъ по экономіи и статистикѣ. Работы этой комиссіи примыкали непосредственно къ работамъ аграрнаго съѣзда, бывшаго въ Москвѣ въ апрѣлѣ 1905 г. Какъ названный съѣздъ былъ внѣ-партійный, такъ этотъ же характеръ сохранила и комиссія, организованная Герценштейномъ. Комиссія эта вела свою работу въ предположеніи, что въ серединѣ мая будетъ созванъ вторично большой аграрный съѣздъ. Но когда послѣдовалъ указъ о созывѣ Государственной Думы на конецъ апрѣля, комиссіи пришлось ускорить свою работу: ей необходимо было приготовить свою работу къ серединѣ апрѣля, такъ какъ въ двадцатыхъ числахъ апрѣля со-

зывался партійный съѣздъ. Но комиссія, закончивъ свою работу (не всю полностью, какая ею была намѣчена), передъ этимъ съѣздомъ созвала въ Москвѣ особое аграрное совѣщаніе, привлекшее къ себѣ человѣкъ шестьдесятъ, совѣщаніе было опять безпартійное. На этомъ совѣщаніи, длившемся три дня, докладчикомъ отъ имени комиссіи, разъяснявшимъ и отстаивавшимъ положенія, ею выставленныя, явился Герценштейнъ. Заключенія совѣщанія и послужили основой для обсужденія аграрнаго вопроса въ особой аграрной секціи третьяго партійнаго съѣзда. Въ работахъ съѣзда секціи Герценштейнъ опять принималъ близкое участіе. На основаніи заключеній секціи составленъ былъ цѣлый рядъ положеній, опредѣлявшихъ содержаніе предполагаемаго аграрнаго закона. Затѣмъ, въ нѣсколько измѣненной редакціи эти положенія были внесены членами партіи народной свободы въ видѣ особой записки въ Государственную Думу, и здѣсь эта записка послужила основнымъ матеріаломъ для постановки аграрнаго законопроекта въ Думѣ, въ думской аграрной комиссіи. Главнымъ дѣятелемъ и руководителемъ работъ Думы по аграрному дѣлу явился Герценштейнъ. Такимъ образомъ, онъ былъ первымъ участникомъ въ разработкѣ аграрной программы партіи народной свободы и главнымъ защитникомъ и проводникомъ ея въ Думѣ.

Здѣсь необходимо сдѣлать одно поясненіе. И въ прежнее время, и въ думѣ, да и до сихъ поръ можно встрѣтить ссылки на слова Герценштейна,—въ его статьяхъ, докладахъ, рѣчахъ, гдѣ онъ выражаетъ мнѣнія, не вполнѣ согласныя съ тѣми положеніями, которыя окончательно были установлены въ программѣ партіи народной свободы. Можно встрѣтить ссылки на эти взгляды Герценштейна, противоположеніе ихъ постановленіямъ партійной программы. Тутъ получается какъ бы впечатлѣніе нѣкоторой двойственности, непослѣдовательности. Но эти указанія и сопоставленія, которыя дѣлаются какъ противниками Михаила Яковлевича, такъ и сторонниками, основываются, хотя бы фактически вѣрныя, на очень существенномъ недоразумѣніи. Герценштейнъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ земельнаго вопроса и земельныхъ отношеній,—не только теоретикъ, но и практическій знатокъ поземельнаго дѣла,—высказывалъ извѣстныя мысли въ связи съ практическими задачами времени. Герценштейнъ имѣлъ свои вполнѣ опредѣленные и вполнѣ сложившіеся взгляды на аграрный вопросъ; его представленія объ окончательномъ его устройствѣ въ Россіи шли дальше того рѣшенія вопроса для даннаго времени и въ условіяхъ данныхъ отношеній, какое принято программой партіи народной свободы. Такимъ обра-

зомъ, практическая программа аграрнаго дѣла не была для Герценштейна полнымъ выраженіемъ его убѣжденій, а во время выработки программы онъ выступалъ иногда съ заявленіями и указаніями, которыми онъ думалъ ближе считаться съ окружающими условіями, съ дѣйствительнымъ соотношеніемъ силъ. При выработкѣ программы могло казаться, что Герценштейнъ отстаетъ отъ работы большинства, желаетъ сдержать ихъ. Но когда программные вопросы были разрѣшены, Герценштейнъ вполнѣ призналъ программу, подписалъ записку, внесенную членами партіи въ Думу, и явился самымъ горячимъ и энергичнымъ защитникомъ этой программы, убѣжденно работавшимъ надъ обращеніемъ ея въ думскій законопроектъ.

Вотъ каково было отношеніе М. Я. Герценштейна къ аграрной программѣ въ то время, какъ она вырабатывалась и послѣ того какъ она была выработана. Для него это была программа практическаго разрѣшенія, и какъ только онъ призналъ, что даннымъ условіямъ установленная программа соотвѣтствуетъ, онъ и отдалъ всѣ свои силы ея проведенію. Принявъ программу, противъ нѣкоторыхъ пунктовъ которой онъ въ свое время возражалъ, онъ вовсе не отказывался отъ своихъ убѣжденій, онъ только опредѣлялъ, какъ слѣдуетъ проводить аграрный вопросъ: какъ раньше, такъ и теперь его идеалы шли дальше этой практической постановки задачи. И вотъ это то забываютъ тѣ, которые, держась очень умѣренныхъ взглядовъ на аграрную реформу, не рѣшаются признать всѣхъ основъ программы и логическихъ изъ нея выводовъ и стараются найти себѣ поддержку въ заявленіяхъ Герценштейна за прежнее время: для нихъ это убѣжденія, а для Герценштейна это были вопросы тактическіе.

М. Я. Герценштейнъ очень скоро занялъ въ Думѣ исключительно вліятельное положеніе. Когда началось въ Думѣ обсужденіе аграрнаго вопроса, Герценштейнъ произнесъ свою первую рѣчь съ парламентской трибуны. Онъ выступилъ не сразу, онъ выждалъ, когда были высказаны нѣкоторыми ораторами замѣчанія и возраженія на записку по аграрному вопросу, представленную конституціонно-демократической партіей за подписью 42-хъ членовъ; Герценштейнъ побѣдоносно отвѣтилъ противникамъ записки и выяснилъ широкое экономическое и государственное значеніе предлагаемой аграрной реформы, показалъ ея истинно-демократическій характеръ, ея необходимость для блага страны. Рѣчь его, очень продолжительная, была выслушана Думой съ захватывающимъ интересомъ и не разъ прерывалась громкими выраженіями одобренія и сочувствія. Когда

Герценштейнъ кончилъ, ему была устроена продолжительная и шумная овація: долго несмолкавшія рукоплесканія заставляли М. Я. нѣсколько разъ вставать со своего мѣста и раскланиваться передъ товарищами. Въ этой горячей овціи въ честь М. Я. единодушно участвовали всѣ входившіе въ составъ Думы крестьяне, безъ различія партій, направленій, мѣстностей.

Какъ-разъ на другой день въ Думѣ выступили со своими заявленіями по аграрному вопросу гг. Стишинскій и Гурко, и въ отвѣтъ имъ, по открытому требованію всей Думы, долженъ былъ вновь говорить Герценштейнъ. Когда черезъ нѣсколько дней тѣ же представители министерства выступили вновь со своими разъясненіями, въ числѣ ораторовъ, имъ возражавшихъ, былъ опять и Герценштейнъ. Эти рѣчи Герценштейна по аграрному вопросу имѣли большое значеніе въ ходѣ обсужденія записки 42-хъ въ Думѣ: но уже первая изъ этихъ рѣчей доставила ему чрезвычайный авторитетъ.

Конечно, Герценштейнъ былъ выбранъ однимъ изъ первыхъ въ аграрную комиссію, которая, въ свою очередь, избрала его въ подкомиссію, имѣвшую цѣлью формулировать основныя положенія поземельнаго закона. Случилось такъ, что подкомиссія эта первое свое засѣданіе имѣла въ отсутствіе М. Я., и это дало возможность болѣе обстоятельно обсуждать вопросъ объ его избраніи въ предсѣдатели подкомиссіи, когда была выдвинута его кандидатура. Среди членовъ подкомиссіи оказалось много сторонниковъ этой кандидатуры, независимо отъ различія въ партіяхъ и въ направленіяхъ. Было высказываемо убѣжденіе, что хотя М. Я., принадлежа къ партіи народной свободы, опредѣленно держится ея аграрной программы, въ выработкѣ которой онъ принималъ такое близкое участіе, отстаиваетъ записку 42-хъ, которую онъ подписалъ, но что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, въ силу своего строго-научнаго отношенія къ вопросу, въ силу широкаго пониманія всѣхъ сталкивающихся интересовъ, смотритъ на аграрный вопросъ не узко, съ одной точки зрѣнія,— близкое знакомство со всѣми теоріями аграрнаго вопроса даетъ ему возможность ближе понимать сталкивающіяся въ этомъ дѣлѣ теченія и относиться къ нимъ безпристрастнѣе. Герценштейнъ былъ избранъ въ предсѣдатели аграрной подкомиссіи. Своею дѣятельностью въ ней онъ оправдалъ возлагавшіяся на него надежды, доказалъ свое умѣнье энергично вести трудное дѣло, ему порученное, устраняя по возможности излишнее треніе, но не дѣлая никакихъ уступокъ въ вопросахъ существенныхъ.

Аграрная комиссія была избрана Думой въ составѣ свыше ста членовъ и по системѣ пропорціональныхъ выборовъ, такъ что въ комиссіи были представлены всѣ направленія Думы. Такой составъ комиссіи не могъ не затруднять ея работъ, не могъ не задерживать ихъ хода продолжительными преніями; но за то онъ давалъ надежду, что соотвѣтственно сократятся затрудненія при окончательномъ проведеніи проекта въ думѣ.

Комиссія, составленная на основѣ пропорціональныхъ выборовъ, примѣнила ту же систему и къ образованію своихъ подкомиссій: въ нихъ члены назначались отъ каждой партіи или группы въ числѣ, соотвѣтственномъ количеству ея членовъ. Такимъ образомъ въ подкомиссіи, состоявшей изъ 15-ти членовъ, были представители партіи народной свободы, партіи демократическихъ реформъ, трудовой группы, автономистовъ, представителей западнаго края, польскаго коло, представителей правой группы. При такомъ разнообразномъ составѣ подкомиссіи въ ней очень нелегко было вести дѣло. Но Герценштейнъ блестяще справился съ выпавшей на него задачей: онъ вполнѣ оправдалъ увѣренность въ немъ тѣхъ, кто стоялъ за избраніе его предсѣдателемъ подкомиссіи. Можно было только удивляться той спокойной энергіи, тому неустанному вниманію, тому запасу знаній, тому умѣнію ставить вопросы для обсужденія, отсѣкая все второстепенное, всѣмъ тѣмъ качествамъ, которыя проявилъ предсѣдатель аграрной подкомиссіи. Его трудъ былъ вознагражденъ блестящими результатами.

Герценштейнъ нерѣдко успѣвалъ достигнуть въ подкомиссіи *единогласія*: онъ устранялъ изъ обсужденія подробности, не представлявшія существенной важности, но заключавшія въ себѣ поводы для разногласій и споровъ; онъ замѣнилъ одни термины другими, устанавливалъ порядокъ изложенія, выдвигая впередъ менѣе трудные, менѣе спорные пункты; послѣ извѣстнаго соглашенія по этимъ пунктамъ и болѣе важные предметы спора разрѣшались легче, скорѣе. Конечно, относительно наиболѣе основныхъ положеній нельзя было получить единогласія, приходилось рѣшать ихъ большинствомъ; но и при этомъ М. Я. выказывалъ необычайное вниманіе и терпимость ко всякому серьезному взгляду, внимательно относился къ искреннимъ сомнѣніямъ. Бывало такъ, что вопросъ былъ уже достаточно, казалось, выясненъ на одномъ засѣданіи подкомиссіи, но если отсутствовавшій на томъ засѣданіи членъ ея, не удовлетворенный заключеніями, къ которымъ пришли безъ него, просилъ вновь обсудить вопросъ, Герценштейнъ охотно соглашался на это; конечно,

всегда въ такихъ случаяхъ рѣшенія подкомиссіи оставались безъ перемѣны, но тотъ членъ ея, по желанію котораго вопросъ пересматривался, убѣждался въ обдуманности основаній такихъ рѣшеній, убѣждался, что здѣсь нѣтъ предумышленнаго срыванія вопросовъ; это его успокаивало, а иногда и убѣждало; такимъ образомъ, хотя повторное обсужденіе вопроса и представляло какъ бы излишнюю потерю времени и казалось иногда для нѣкоторыхъ досаднымъ, но на самомъ дѣлѣ эта потеря времени вполнѣ искупалась болѣе ровнымъ, спокойнымъ, довѣрчивымъ отношеніемъ всѣхъ членовъ къ веденію дѣла.

Но если Герценштейнъ умѣлъ терпѣливо и спокойно относиться къ чужимъ взглядамъ и сомнѣніямъ, онъ также умѣлъ останавливать излишнія притязанія, умѣлъ вводить вопросъ въ предѣлы его обсужденія, съ рѣзкою правдивостью дѣлалъ, когда было нужно, свой отзывъ. На засѣданіяхъ подкомиссіи приходилось слышать, какъ онъ дѣлалъ такія замѣчанія:

— То, что вы говорите, расширяетъ слишкомъ вопросъ: мы должны спѣшить сдѣлать самое необходимое,—будетъ потомъ время, мы можемъ къ этому вернуться.

— То, что вы говорите, очень интересно, но это—прекрасная теорія, которую мы должны пока отложить, такъ какъ мы заняты практическимъ дѣломъ.

— Мы отлично знаемъ исторію вопроса о хуторскомъ хозяйствѣ, но это сейчасъ не идетъ къ дѣлу.

— Вѣдь то, что вы говорите, касается выгодъ землевладѣльцевъ, а намъ поручено составить проектъ въ пользу земледѣльцевъ.

— Спеціальный вопросъ, вами поднимаемый, имѣетъ значеніе, но вы должны намъ его подробнѣе объяснить.

При этомъ иногда этотъ вопросъ откладывался, а иногда лицо, его возбудившее, само отъ него отказывалось.

И т. д., и т. д.

Благодаря такому умѣлому веденію дѣла, занятія подкомиссіи шли въ общемъ очень успѣшно, и членамъ подкомиссіи уже видѣлось близкое окончаніе ихъ работы.

Изъ напечатанныхъ въ свое время отчетовъ извѣстно, къ какимъ выводамъ пришла подкомиссія.

Часть ея работы уже была разсмотрѣна и одобрена въ комиссіи. При перенесеніи въ комиссію заключеній подкомиссіи Герценштейнъ являлся докладчикомъ. При этомъ М. Я. говорилъ мало: онъ выслушивалъ замѣчанія, возраженія и затѣмъ обыкновенно сразу

отвѣчалъ на нихъ, опредѣленно указывая основную мысль предложенія подкомиссіи, его мотивы. Послѣ этого голосованіе давало значительное большинство предложенію подкомиссіи. За все время былъ только одинъ случай, когда комиссія приняла поправку, которая при неясной формулировкѣ могла привести къ недоразумѣніямъ, и потому подкомиссія высказалась противъ такой поправки. Вообще же, какъ сказано, комиссія принимала всѣ положенія, принятыя подкомиссіей, и соглашалась съ доводами докладчика. Герценштейнъ проводилъ въ комиссіи основныя положенія проекта, выработанныя подъ руководствомъ Герценштейна же въ подкомиссіи. Въ итогѣ всѣ положенія земельнаго законопроекта, принятыя комиссіей и выработанныя подкомиссіей, совпадаютъ въ своей основѣ съ программой партіи народной свободы. Можно было расчитывать, что въ теченіе іюля мѣсяца работы подкомиссіи и комиссіи будутъ закончены, земельный законъ будетъ внесенъ въ Думу и быстро проведенъ чрезъ нее; тогда настала бы необходимость извѣстнаго торга съ Государственнымъ Совѣтомъ и съ министерствомъ; возможно, что тутъ состоялось бы извѣстное соглашеніе, и законъ былъ бы изданъ; вѣроятнѣе, что соглашенія не было бы, но все-таки мы имѣли бы тогда цѣльный законопроектъ Думы по земельному вопросу. Но и теперь мы можемъ судить по многимъ даннымъ о томъ, чего хотѣла Дума, что отстаивалъ въ ней Герценштейнъ, хотя Дума и распущена, а Герценштейнъ убитъ.

Авторитетъ Герценштейна по аграрному дѣлу былъ въ Думѣ чрезвычайно высокъ. Къ нему постоянно обращались съ разными вопросами и недоумѣніями члены Думы внѣ работъ комиссіи и подкомиссіи, особенно члены Думы—крестьяне; къ нему обращались крестьяне и не изъ членовъ Думы, изъ числа ходоковъ, являвшихся въ Петербургъ,—они обращались къ М. Я. въ кулуарахъ палаты, на ея крыльцѣ, на улицѣ около нея. М. Я. былъ всегда доступенъ этимъ обращеніямъ и никто лучше его не умѣлъ отвѣтить понятно и убѣдительно на предлагаемые вопросы...

Помимо Думы и извнѣ Думы, многіе и многіе обращались къ Герценштейну съ запросами и недоумѣніями въ области земельныхъ отношеній и предстоящей земельной реформы. Онъ давно уже пользовался авторитетомъ въ этой области, а послѣ его открытаго выступленія на думской трибунѣ его извѣстность сдѣлалась всероссійской, народной. И къ нему было обращено общее довѣріе на тѣхъ, именно, основаніяхъ, которыми поддерживалась его кандидатура въ предсѣдатели аграрной подкомиссіи: всѣ вѣрили его безпристрастію,

его спокойному отношенію къ вопросу. Онъ получалъ поэтому письма, запросы и отъ крестьянъ, и отъ владѣльцевъ: первые спрашивали совѣта, покупать-ли имъ теперь такую-то землю черезъ крестьянскій банкъ, спрашивали, въ какой срокъ и на какихъ основаніяхъ можетъ завершиться земельная реформа; вторые спрашивали также о ходѣ реформы, справлялись, на какихъ основаніяхъ и сколько земли будетъ у нихъ взято, сколько можетъ быть имъ оставлено, спрашивали, продавать ли имъ землю крестьянскому банку и т. д.

Отмѣчу еще одну черту: послѣ аграрныхъ рѣчей Михаила Яковлевича въ Думѣ, послѣ того, какъ онъ явился на парламентской трибунѣ борцомъ за землю для народа, онъ сдѣлался чрезвычайно популярнымъ среди швейцаровъ и сторожей Таврическаго дворца: они съ особымъ вниманіемъ относились къ нему, старались съ радушіемъ оказывать ему услуги.

Въ работахъ первой Государственной Думы центральное мѣсто занималъ аграрный вопросъ, а центральнымъ дѣятелемъ по этому вопросу явился М. Я. Герценштейнъ.

Безъ Думы, министерство старается разрѣшить аграрный вопросъ по-своему, старается не о дѣйствительномъ обезпеченіи крестьянъ землею, а о томъ, чтобы, сохраняя въ общемъ установившіяся земельныя отношенія, выбросить на рынокъ, сдѣлать предметомъ купли-продажи всѣ земли крестьянскаго надѣла.

Этимъ способомъ, конечно, нельзя привести къ удовлетворенію нуждъ народа, къ успокоенію страны. Онъ ведетъ къ совершенно обратному и грозитъ еще неиспытанными бѣдами и страданіями.

Но вступить на этотъ опасный путь, куда толкаетъ страну министерство, все-таки зависитъ отъ самой страны, отъ избранныхъ ею представителей. И можно быть увѣреннымъ, что Государственная Дума, спасая Россію, удержитъ ее на правильномъ пути къ разрѣшенію аграрнаго вопроса.

Вопросъ этотъ, согласно интересамъ страны и волѣ народа, можетъ быть рѣшенъ только истиннымъ народнымъ представительствомъ: только оно можетъ удовлетворить нуждамъ народа, дать ему достаточное, прочное земельное обезпеченіе. Народъ долженъ получить, и получитъ чрезъ своихъ избранниковъ, необходимую для него землю. И въ исторіи правильнаго рѣшенія аграрнаго вопроса, въ исторіи обновленія Россіи навсегда сохранится имя М. Я. Герценштейна.

В. Якушкинъ.

Продовольственный вопросъ въ 1-й государственной думѣ.

Продовольственное дѣло, это жалкое наслѣдіе стараго режима, заняло въ краткой сессіи 1-ой государственной думы выдающееся мѣсто и по жгучести вопроса по существу, и по той борьбѣ, которую пришлось вести по его поводу народному представительству съ бюрократіей. Борьба эта началась было побѣдой молодого русскаго парламента; но послѣ роспуска гос. думы перешла въ рецидивъ захвата власти бюрократіей, разразившейся трагическимъ—для народа—и скандальнымъ дѣломъ г. Гурко. Интересенъ этотъ продовольственный вопросъ въ гос. думѣ и потому, что изъ ряда другихъ законопроектовъ только онъ успѣлъ вылиться въ форму окончательнаго закона, принятаго и государственнымъ совѣтомъ и утвержденнаго монархомъ, закона, которымъ государственная дума приступила къ частичному осуществленію бюджетнаго права.

Уже въ десятое свое засѣданіе — 16-го мая— государственная дума, не имѣя передъ собой никакого министерскаго заявленія по продовольственному вопросу, сдѣлала по немъ запросъ. И въ самомъ дѣлѣ, чуткое народное представительство не могло, зарывшись въ текущую законодательную работу или отвлекаясь обострившейся борьбой съ министерствомъ, остаться глухимъ передъ народнымъ бѣдствіемъ, охватившимъ большую область Россіи. И насколько бюрократія старается въ продовольственномъ дѣлѣ замкнуться въ тиши канцелярій и ревниво отталкиваетъ сотрудничество частныхъ и общественныхъ силъ, настолько и въ самомъ запросѣ и въ послѣдующихъ рѣчахъ, и въ дальнѣйшемъ ходѣ работъ продовольственной комиссіи чувствовалось не только знаніе дѣла и опытъ, принесенный членами думы съ мѣстъ, но и настойчивое отстаиваніе част-

ной иниціативы и взаимодѣйствія съ такими общественными организаціями, какъ общеземская помощь голодающимъ, пироговское общество, вольно-экономическое общество и московскій комитетъ Общественной Помощи.

Иниціаторомъ запроса, поданнаго за 65 подписями, явился членъ Думы врачъ В. И. Долженковъ (к.-д.), маститый членъ Пироговскихъ съѣздовъ и видный земскій и городской дѣятель. Запросъ касался собственно текущаго бѣдствія 1-ой половины 1906 года, явившагося послѣдствіемъ неурожая 1905 года и выразившагося къ концу зимы, времени всегда наиболѣе тяжелому для голодающаго населенія, въ развитіи тифа, цынги и злой корчи. Въ запросѣ уже упоминалось о надвигающейся бѣдѣ новаго голода вслѣдствіе приходящихъ со всѣхъ сторонъ извѣстій о засухѣ и плохомъ состояніи озимыхъ хлѣбовъ. Въ запросѣ приведены затѣмъ случаи препятствій, чинимыхъ администраціей частной и общественной иниціативѣ въ помощи голодающимъ, а также упоминается о распоряженіи министерства подчиненнымъ ему органамъ, завѣдующимъ продовольственнымъ дѣломъ на мѣстахъ, которымъ запрещалось выдавать продовольственную помощь части населенія, замѣшанной въ аграрныхъ безпорядкахъ. Запросъ сводился къ двумъ пунктамъ:

1) Имѣется ли въ виду со стороны правительства продолжать борьбу съ голодомъ до полученія населеніемъ хлѣба отъ новаго урожая.

2) Намѣренъ ли министръ внутреннихъ дѣлъ устранить препятствія со стороны мѣстной администраціи для оказанія возможно широкой помощи голодающему населенію частными лицами и обществами.

Послѣдовавшія по поводу этого запроса пренія обнаружили, какой наболѣвшей открытой раной является для всѣхъ продовольственный вопросъ въ его теперешнемъ видѣ. Первый же ораторъ Жилкинъ (Саратовской губ.) началъ такъ: «Передъ многими ужасными и страшными вопросами приходится останавливаться или въ безсиліи, или въ негодованіи Государственной Думѣ», и вся дальнѣйшая горячая его рѣчь такъ и дышетъ гнѣвомъ по поводу того, что происходитъ въ голодающихъ губерніяхъ. Чувство гнѣва соединяется, какъ у него, такъ и почти у всѣхъ послѣдующихъ ораторовъ съ чувствомъ безсилія помочь какъ нибудь общему горю. И въ этомъ вопросѣ чувствуется обостреніе между народнымъ представительствомъ и исполнительною властью и недовѣріе къ ея агентамъ какъ въ центрѣ, такъ и на мѣстахъ. Гнѣвные призывы Жилкина смѣняются іереміадами и сѣтованіями на администрацію тамбовскаго

крестьянина Лосева. Безсиліе думы при ея конфликтѣ съ исполнительной властью подчеркивается и оренбургскимъ казакомъ Сѣдельниковымъ: «мы будемъ поппсывать, а чиновники будутъ почитывать». Екатеринославскій рабочій Михайличенко жалуется «мы говоримъ: пусть министерство уходитъ, оно не годится; однако опять идемъ туда съ запросами. Одной рукой мы отбиваемся и говоримъ: «мы васъ не хотимъ», а другой—обращаемся: «сдѣлайте намъ милость». Желаніе найти немедленно какое-нибудь врачеваніе народной бѣды заставляетъ нижегородскаго депутата Остафьева выйти изъ рамокъ запроса и предложить настаивать на немедленномъ изъятіи продовольственнаго дѣла изъ административныхъ рукъ и передачѣ его органамъ самоуправленія. «Вѣдь вся ошибка въ томъ, что все продовольственное дѣло находится въ рукахъ администраціи, губернскихъ присутствій, уѣздныхъ съѣздовъ, земскихъ начальниковъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточена и карательная власть. Мнѣ приходилось часто присутствовать на этихъ съѣздахъ, въ губернскомъ присутствіи, и мнѣ извѣстно, что личные взгляды земскихъ начальниковъ играютъ громадную роль и часто для выдачи продовольственнаго пособія играетъ роль наказаніе».

Какъ мы увидимъ позже, и министръ внутреннихъ дѣлъ Столыпинъ заявилъ въ думѣ, что правительство пришло къ тому заключенію, что завѣдываніе продовольственнымъ дѣломъ слѣдуетъ лучше передать земству. Но если вдуматься въ это признаніе, то дѣлается даже страшно: зачѣмъ понадобился этотъ дорогой экспериментъ изъятія продовольственнаго дѣла изъ рукъ земства, который привелъ вслѣдствіе неудовлетворительности постановки всего дѣла и препятствій, чинимыхъ частной благотворительности, къ обнищанію цѣлыхъ областей, къ массѣ страданій и человѣческихъ жертвъ. Послѣднее потверждается цифрами, приведенными во время преній докторомъ Долженковымъ относительно Курской губерніи, которую постигъ въ 1891 г. «довольно сильный неурожай». Хотя въ то еще время продовольственное дѣло было лучше поставлено, но «смертность населенія въ голодающихъ уѣздахъ увеличилась на огромную цифру—на 15%..... можно съ полнымъ правомъ сказать, что въ голодающихъ мѣстностяхъ вообще смертность превышаетъ рождаемость..... несомнѣнно можно говорить о вымираніи». Не надо забывать, что правительственная политика 90-хъ годовъ исказила и земство, такъ что при дальнѣйшемъ обсужденіи продовольственнаго дѣла въ думѣ многихъ депутатовъ смущало недовѣріе къ теперешнему земству, когда возникалъ вопросъ, кому же поручить немедленно

продовольствіе голодающаго населенія на мѣстахъ при полной очевидности, что оставлять это дѣло въ чиновничьихъ рукахъ нельзя.

Приведенные въ мотивировкѣ запроса возмутительные случаи воспрепятствованія частной и общественной помощи голодающимъ заставили говорившихъ приводить извѣстные имъ подобные же случаи, каковые, оказывается, были чуть ли не повсемѣстно и вызывали общее негодованіе... «Можно ли читать безъ негодованія,— восклицаетъ Жилкинъ, — что казанскій комитетъ помощи голодающимъ былъ закрытъ внезапно и грубо низшими полицейскими агентами, не позволившими выдать населенію уже приготовленную пищу. Закрываютъ столовыя въ то время, когда въ Тетюжскомъ и Спасскомъ уѣздахъ люди пухли отъ голодовки. Можно ли слушать или читать безъ негодованія, что предложеніе Пироговскаго Общества врачей послать врачебно-продовольственный отрядъ въ Елизаветградскій уѣздъ для борьбы съ сильно развитымъ сыпнымъ тифомъ было отвергнуто по распоряженію мѣстнаго генералъ-губернатора». Минскій депутатъ Розенбаумъ такъ характеризуетъ преступность этихъ препятствій, чинимыхъ частной инициативѣ: «Если кто нибудь желаетъ голодающему оказать помощь и ему мѣшаютъ, а тотъ дѣйствительно умретъ, — это будетъ предумышленное убійство». Но, приведенный врачемъ Долженковымъ, перечень препятствій, которыя дѣлались администраціей частнымъ лицамъ въ дѣлѣ помощи голодающимъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, начиная съ 1898-го года, показываетъ, что мы имѣемъ дѣло не съ отдѣльными случайными преступленіями, а съ цѣлой преступной системой, которую членъ думы Розенбаумъ заклеймляетъ слѣдующими словами: «Правительство борется не съ голодомъ, а съ обществомъ за голодъ». Сознаніе необходимости придти на помощь немедленно же и полное чувство безсилія сдѣлать это законодательнымъ путемъ при опредѣлившемся отношеніи къ думѣ министерства заставляетъ нѣкоторыхъ депутатовъ дѣлать предложенія, не свойственныя практикѣ законодательныхъ собраній. Рабочій Михайличенко свидѣтельствуетъ, что къ депутатамъ «приходили лица, которыя говорили: выхлопочите намъ свидѣтельство открыть столовую, у насъ деньги есть, но безъ свидѣтельства мы не можемъ открыть». Членъ думы св. Гума предлагаетъ даже открыть въ самой думѣ подписку въ пользу голодающихъ. Черноненкисъ хочетъ открыть столовыя непосредственно отъ думы: «мы посмотримъ закроютъ ли нашу столовую или нѣтъ».

Рядъ ораторовъ указываетъ на необходимость сдѣлать запросъ

*

по поводу упомянаемаго въ мотивахъ обсуждаемаго заявленія распоряженія министерства Дурново лишать продовольственной помощи часть населенія, замѣшаннаго въ аграрныхъ безпорядкахъ. При этомъ членъ думы Езерскій указываетъ, что «семьи крестьянъ, участвовавшихъ въ аграрныхъ волненіяхъ, были лишены пособія и наказаны за то, что ихъ главы участвовали въ волненіяхъ, и, кромѣ того, наказаны не по приговору суда, а по произвольному указанію мелкихъ полицейскихъ чиновъ — стражниковъ и урядниковъ». Бывшій Саратовскій земскій врачъ Червоненкисъ заявляетъ думѣ: «такое распоряженіе было объявлено, но даже земскіе начальники и губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе запротестовало противъ этого, и только благодаря этому тамъ выдавалось пособіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Въ другихъ мѣстахъ, я знаю это навѣрное, пособіе не выдавалось».

Большинство говорившихъ находило недостаточнымъ ограничиться предложенной редакціей двухъ пунктовъ запроса. Нѣкоторые (напр., Фонъ-Рутценъ) находили ее слишкомъ неопредѣленной и дающей возможность министерству отдѣлаться неопредѣленнымъ отвѣтомъ. Другіе вносили поправки въ видѣ дополненій по поводу лишенія пособій семей, принимавшихъ участіе въ аграрныхъ волненіяхъ (Езерскій), или по поводу необходимости получить отъ министерства точную справку о финансовой сторонѣ дѣла (проф. Локоть). Послѣ баллотировки этихъ поправокъ первоначальные два пункта запроса разрослись въ слѣдующіе четыре, сдѣланные отъ лица думы:

1. Какія мѣры намѣрено принять правительство для борьбы съ голодомъ и его послѣдствіями до полученія населеніемъ новаго урожая?

2. Каковы размѣры государственныхъ средствъ, уже израсходованныхъ правительствомъ въ этомъ году на борьбу съ голодомъ и еще остающихся въ его распоряженіи на этотъ предметъ? Имѣется ли у правительства возможность увеличить размѣры средствъ на это дѣло?

3. Отмѣнено ли распоряженіе объ отказѣ въ пособіи семьямъ крестьянъ, участвовавшихъ въ аграрныхъ волненіяхъ?

4. Намѣренъ ли министръ внутреннихъ дѣлъ допускать и впредь примѣненіе администраціей исключительныхъ законовъ и полномочій по отношенію къ тѣмъ частнымъ лицамъ и учрежденіямъ, которыя приходятъ на помощь голодающему населенію, и ставить имъ препятствіе по своему усмотрѣнію, не взирая на нужды населенія?

Министерство не торопилось съ отвѣтомъ на сдѣланный ему гос. думой 16-го мая запросъ. Оно, очевидно, хотѣло воспользоваться предоставленнымъ ему по закону мѣсячнымъ срокомъ. А между тѣмъ извѣстія съ мѣстъ, и особенно съ Поволжья становились все тревожнѣе и весеннія опасенія превратились уже въ очевидное бѣдствіе и притомъ огромныхъ размѣровъ, потому что полнѣйшій недородъ озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ распространился какъ разъ на губерніи, уже истощенныя неурожаями предыдущихъ лѣтъ.

И вотъ 5 іюня въ думу подается заявленіе за подписью 30 членовъ, которое, будучи напечатано, разсматривалось въ двадцать второмъ засѣданіи думы—6-го іюня. Въ этомъ заявленіи проводится мысль о необходимости образованія думской комиссіи изъ 11 членовъ, по одному изъ каждаго отдѣла [1]), для того, чтобы обсудить всѣ вопросы, касающіеся продовольственной помощи населенію, а именно:

1) изслѣдованіе степени нужды населенія;

2) изысканіе способовъ устраненія препятствій, созданныхъ администраціей въ работѣ уполномоченныхъ отъ общественныхъ организацій;

3) выработать тѣ начала, на которыхъ должно быть поставлено дѣло правительственной помощи населенію.

У немногихъ ораторовъ, говорившихъ по поводу этого заявленія, обнаруживается крайне тревожное настроеніе. Чувствуется необходимость поскорѣй отъ словъ перейти къ дѣлу и дать для этого возможно болѣе широкія полномочія парламентской комиссіи. Иниціаторъ заявленія Симбирскій депутатъ Метальниковъ (к.д.), говоритъ, что «ни минуты ждать нельзя», чтобы не повторилось бѣдствіе памятнаго 1891 года, стоившаго намъ до 400 тыс. человѣческихъ жизней, т. е. столько жертвъ, сколько ни одна война въ мірѣ не потребовала. Онъ свидѣтельствуетъ о сотняхъ телеграммъ, летящихъ къ депутатамъ Думы изъ разныхъ мѣстъ Россіи, говорящихъ о полной засухѣ, о голодномъ тифѣ; онъ упоминаетъ о заявленіяхъ сотенъ комитетовъ и крестьянскихъ обществъ, поступившихъ въ Вольно-экономическое общество, цитируетъ постановленіе совѣщанія всѣхъ предсѣдателей земскихъ управъ Симбирской губерніи. Наконецъ, сегодня получена еще телеграмма: «обращались къ земскому началь-

---

[1]) Какъ извѣстно, всѣ члены Гос. Думы дѣлятся на 11 отдѣловъ для провѣрки депутатскихъ полномочій и для другихъ дѣлъ по Думѣ внутренняго распорядка.

нику о выдачѣ ссуды хлѣба — отказано, посылали телеграмму министру—результатовъ нѣтъ, просимъ ходатайствовать».

На вышеупомянутомъ совѣщаніи предсѣдателей земскихъ управъ «было установлено, что нужда быстро растетъ; способствуетъ этому ожидаемый въ нынѣшнемъ году неурожай по всей губерніи и то обстоятельство, что правительство въ моментъ самой острой нужды прекратило выдачу уже назначенной ссуды». И въ этотъ «періодъ самой острой голодовки единственная помощь—это помощь общественная, но и этой помощи создаются такія препятствія, что лишаютъ ее возможности плодотворной работы, и населеніе обрекается на голодную смерть».

Говорившій затѣмъ представитель другой голодающей губерніи—Казанской, проф. Васильевъ (к. д.) приводитъ удручающія картины бѣдствій, ссылаясь опять таки на свѣдѣнія съ мѣстъ, изъ уѣздовъ Спасскаго, Чистопольскаго и Тетюшскаго. Вотъ что писалъ спасскій предводитель дворянства: «имѣя въ виду, что въ минувшемъ году, при сравнительно недурномъ урожаѣ, было выдано болѣе 500 тыс. пудовъ на одно продовольствіе, я считаю, что на текущій годъ, до іюля 1907 года, потребуется до милліона пятисотъ тысячъ пудовъ хлѣба. На мѣстѣ достать его нельзя, надо его сплавить по Волгѣ и Камѣ, гдѣ большіе запасы и цѣны невысокія».

Затѣмъ ораторъ напоминаетъ, какимъ образомъ мѣстныя власти, знающія сокращательныя тенденціи въ центрѣ, стремятся «затушевать размѣры грозящаго недорода, что мы, проще говоря, называемъ голодомъ». Результатомъ этой системы получилось то, что на августовскомъ совѣщаніи въ Петербургѣ «предполагалось, что можно будетъ ограничиться 40 милліонами рублей; въ настоящее же время истрачено болѣе 80 милліоновъ на этотъ предметъ изъ правительственныхъ средствъ», а между тѣмъ нужда все увеличивается. Подъ гнетущимъ впечатлѣніемъ надвигающейся бѣды депутатъ не задается пока мыслью о болѣе правильной въ будущемъ постановкѣ продовольственнаго дѣла, о выработкѣ соотвѣтственнаго закона: «мнѣ кажется, что на обязанности государственной думы лежитъ не менѣе великая задача, чѣмъ та, которую она рѣшаетъ для будущей Россіи, обратить самое серьезное вниманіе на ея настоящее положеніе, и этимъ самымъ мы будемъ дѣйствовать въ гармоніи со всею дѣятельностью первой государственной думы, которая съ первыхъ шаговъ ея состояла въ защитѣ правъ на жизнь. Мы защищали право на жизнь отъ произвола военныхъ судовъ и администраціи, мы защищали право на жизнь отъ ослѣпленныхъ и

обманутыхъ погромщиковъ. Мы должны защитить и право на жизнь милліоновъ русскихъ крестьянъ, которымъ угрожаетъ голодъ»? «Я думаю, именно, парламентская комиссія должна ускорить рѣшеніе продовольственнаго дѣла и настоять на томъ, чтобы было приступлено возможно скорѣе къ покупкѣ хлѣба. Иначе пострадаетъ государственный бюджетъ будущаго года и труднѣе будетъ спасти то населеніе, которому грозитъ крайнее экономическое разореніе». Къ несчастію, дѣйствительность подтвердила, насколько опасенія депутата были основательны.

Рязанскій депутатъ кн. Волконскій тоже настаиваетъ на образованіи думской «комиссіи, которая должна разсматривать тѣ вопросы, которые сейчасъ будутъ возникать и относительно которыхъ нужно рѣшать, что съ ними дѣлать. Я думаю, что такой комиссіи никакъ не избѣжать поѣздки на мѣста. Очень вѣроятно, что придется вызывать представителей губерній и устраивать совѣщанія. Я предлагаю выбрать комиссію, но не давать ей задачи выработки продовольственнаго закона». Таково было положеніе вещей, которое отвлекало юный русскій парламентъ отъ законодательной работы. И пусть критики, упрекающіе первую думу въ неработоспособности, припомнятъ, что ей, кромѣ организаціонной работы, пришлось при вызывающей позиціи, занятой министерствомъ, защищать право на жизнь русскихъ гражданъ отъ произвола военныхъ судовъ и администраціи, отъ погромовъ, отъ голода.

Савельевъ изъ Нижняго-Новгорода находитъ желательнымъ дать комиссіи двоякое назначеніе: «одно—это выработка закона о продовольствіи, который необходимъ будетъ въ скоромъ времени, а другое—это тѣ насущныя мѣры, которыя связаны съ вопросомъ о неурожаѣ нынѣшняго года».

Но, въ концѣ концовъ, дума, соглашаясь съ предложеніемъ профессора Васильева не предрѣшать характера дѣятельности продовольственной комиссіи какими либо инструкціями и не стѣснять ее точными директивами, единогласно приняла слѣдующую формулу: «выбрать комиссію изъ 11 лицъ, по одному отъ каждаго отдѣла, для обсужденія всѣхъ вопросовъ, касающихся продовольственной помощи голодающему населенію, предоставивъ комиссіи выработать проектъ своей инструкціи и представить его на утвержденіе государственной думы».

Въ засѣданіи 12-го іюня, т. е. всего за четыре дня до истеченія указаннаго закономъ мѣсячнаго срока со дня запроса (16-го мая), министерство явилось въ государственную думу для того, чтобы

дать разъясненіе. Пренія по поводу этого разъясненія заняли всю вторую половину дня. Подчасъ они принимали чрезвычайно бурный характеръ, и присутствовавшіе все время министры, надо полагать, почувствовали, что съ этой государственной думой имъ не удастся провести продовольственную кампанію. Равнымъ образомъ, и въ рѣчахъ большинства говорившихъ ораторовъ чувствовалась увѣренность, что если со стороны думы можно будетъ оказать содѣйствіе продовольственной операціи и установить контроль надъ нею, то не при этомъ министерствѣ (рѣчи Родичева и Кокошкина). Недовѣріе министерству, выраженное въ предложенной въ концѣ преній. Набоковымъ формулѣ перехода къ очереднымъ дѣламъ, было усилено вставкой Жилкина относительно тормазовъ, чинимыхъ продовольственному дѣлу именно «нынѣшнимъ безотвѣтственнымъ министерствомъ». Еще болѣе радикальное предложеніе депутата Галецкаго, чтобы дума заранѣе заявила, «что ни копѣйки не ассигнуетъ въ распоряженіе министерства, лишеннаго довѣрія страны», было отвергнуто, какъ слишкомъ рискованное въ случаѣ затяжки конфликта и могущее пагубно отразиться на голодающемъ населеніи.

Рѣчь министра Столыпина была интересна по спокойствію, самоувѣренности и легкости отношенія къ дѣлу. Изъ его словъ выходило, что въ истекающую продовольственную кампанію со стороны правительства сдѣлано все, что слѣдовало и какъ слѣдовало. Что въ центрѣ подъ предсѣдательствомъ товарища министра дѣйствовало особое совѣщаніе съ вызовомъ, кромѣ должностныхъ лицъ, предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ, представителей хлѣбныхъ фирмъ, биржъ, желѣзныхъ дорогъ, частныхъ обществъ; что земскія учрежденія были привлечены къ продажѣ хлѣба по заготовительной цѣнѣ и кормленію скота; что въ организаціи общественныхъ работъ приняли участіе главное управленіе землеустройства, главное управленіе удѣловъ, земскія учрежденія и общество домовъ трудолюбія и работныхъ домовъ. Къ благотворительности были привлечены общественныя благотворительныя учрежденія и общеземская организація. Хлѣбъ, по словамъ министра, былъ купленъ по цѣнѣ недорогой и доставленъ своевременно; истрачено было до 80 мил. рублей; предѣльнымъ срокомъ выдачи ссудъ было опредѣлено 1-е іюля 1901 г. Что касается до заболѣваній, то «министерство не получало какихъ либо свѣдѣній о ихъ развитіи на почвѣ недоѣданія» и вслѣдъ за этимъ же Столыпинъ говоритъ: «въ селеніи Конь-Колодезь (ворон. губ.) обнаружены были случаи сыпного тифа на почвѣ недоѣданія. Мѣры къ прекращенію этой эпидеміи были приняты». Большинство же газет-

ныхъ извѣстій объ эпидеміяхъ оказывалось-де невѣрными или преувеличенными, выяснилось, что брюшной тифъ имѣлъ спорадическій характеръ. Случаи же цынги въ нѣкоторыхъ уѣздахъ казанской и саратовской губерній объясняются обычнымъ, даже въ самые урожайные годы, недоѣданіемъ у татаръ. Что касается до невыдачи пособія замѣшаннымъ въ аграрныхъ безпорядкахъ, то это касается лишь лицъ, грабившихъ продовольственные магазины и хлѣбные запасы, но отнюдь не ихъ семей, о чемъ и было своевременно циркулярно сообщено губернаторамъ. Препятствій частнымъ лицамъ въ благотворительной дѣятельности не чинилось, если они не были уличены въ дѣятельности другого рода. Посылку же врачебно-продовольственнаго отряда пироговскаго общества херсонскій губернаторъ отклонилъ потому, что «медицинской помощи на мѣстѣ было, по его мнѣнію, достаточно»: «На будущее время, считаетъ, однако, нужнымъ заявить Столыпинъ, я долженъ сказать, что ни мѣстныя организаціи, ни вообще частные люди не только не будутъ встрѣчать какихъ либо препятствій со стороны мѣстной власти, но найдутъ всегда полное сочувствіе въ этомъ дѣлѣ крайней необходимости».

Все характерно въ этой рѣчи, являющейся продуктомъ отживающаго режима. Она тождественна по тону и по содержанію съ правительственными сообщеніями, издаваемыми для успокоенія верховъ, общественнаго мнѣнія и Западной Европы. Все является замѣчательно простымъ, яснымъ, спокойнымъ, легко устраниемымъ. Основано все на донесеніяхъ и отпискахъ подчиненныхъ, знающихъ, что начальству болѣе всего нужно, «чтобы все обстояло благополучно». Весь голодный тифъ сводится къ случаямъ брюшного тифа въ деревнѣ Ковь-Колодезь. И говорится это все такимъ искреннимъ и убѣжденнымъ тономъ, что нужно предположить или умѣлое лицемѣріе, или наивную близорукость. Многіе изъ слушателей склонны были вѣрить въ послѣднее. Но если это и такъ, то тѣмъ не менѣе дѣлается страшно, когда подумаешь, что отъ такихъ лицъ и отъ такой системы зависитъ жизнь сотни тысячъ людей и благосостояніе цѣлаго края.

Рѣчи всѣхъ ораторовъ, говорившихъ затѣмъ, показали, насколько старые пріемы, годившіеся для успокоенія биржи чрезъ услужливыя агентства, не годятся, когда представитель власти ставится на очную ставку съ народными представителями. Почти всѣ утвержденія Столыпина, сказанныя съ такой увѣренностью, были немедленно же опровергнуты говорившими депутатами съ подлинными фактами

въ рукахъ. Врачъ Долженковъ привелъ нѣсколько примѣровъ помѣхи благотворительной дѣятельности частныхъ лицъ, когда не могло быть и помину о политической неблагонадежности, а лишь ни на чемъ не основанное заподозриваніе въ таковой. Кромѣ того, онъ привелъ отзывъ одного земскаго врача, который описываетъ случай сильнаго развитія цынги и злой корчи, ничего общаго съ обычнымъ недоѣданіемъ не имѣющіе. Проф. Васильевъ, между прочимъ, сказалъ: «Я состоялъ членомъ казанскаго комитета по оказанію помощи голодающимъ и могу заявить, что свѣдѣнія, полученныя министромъ внутреннихъ дѣлъ отъ казанской администраціи, не соотвѣтствуютъ дѣйствительности»... Столовыя комитета общественной помощи «въ концѣ февраля мѣсяца были закрыты рѣзко и грубо, и затѣмъ въ теченіе всего марта и апрѣля мѣсяца, до моего отъѣзда сюда, эти столовыя не функціонировали». Самарскій депутатъ Крыловъ привелъ «случай голодной смерти, констатированной врачебнымъ вскрытіемъ», и способы затушеванія такого случая губернской администраціей. Аладьинъ (симбирской губ.) приводитъ слѣдующій документъ: «правительственная помощь, кромѣ того отношенія къ ней различныхъ администраторовъ, о которыхъ было сказано выше, пріобрѣла еще одну характерную, неподобающую данному дѣлу черту, именно, она во многихъ мѣстахъ не оказывалось тѣмъ, кто участвовалъ въ политическомъ и аграрномъ движеніи. Исторія возникновенія такого отношенія къ дѣлу слѣдующая. Въ продовольственный комитетъ, находящійся подъ предсѣдательствомъ г. Ватаци, поступило предложеніе начальника земскаго отдѣла дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гурко лишить всѣхъ крестьянъ, участвовавшихъ въ аграрныхъ безпорядкахъ, продовольственной помощи. Комитетъ этого предложенія не принялъ (даже и комитетъ не принялъ!), и тогда дѣйствительный статскій совѣтникъ Гурко въ порядкѣ подчиненности внесъ это предложеніе министру внутреннихъ дѣлъ, тайному совѣтнику Дурново. Послѣдній предложилъ губернаторамъ не выдавать крестьянамъ, принимавшимъ участіе въ движеніи, пособій». «Необходимо отмѣтить,—продолжаетъ Аладьинъ,—что дѣйствительный статскій совѣтникъ Гурко въ настоящее время назначенъ завѣдующимъ всѣмъ продовольственнымъ дѣломъ въ имперіи (*голоса*: отставка! долой! *Предсѣдатель звонитъ*) *). Г. Дурново и дѣйствительный статскій совѣтникъ Гурко (*голоса*: отставка!) *)—одинъ уже отошелъ въ исторію, а другой, кажется, думаетъ

*) Стенографическій отчетъ.

заняться продовольственнымъ дѣломъ въ будущемъ (*голоса*: долой Гурко!) *). На заявленіе министра, что семейства участвовавшихъ въ аграрномъ движеніи не лишались пособій, Аладьинъ цитируетъ одинъ изъ имѣющихся у него документовъ курмышскаго уѣзда, симбирской губерніи: «Земскій начальникъ 1-го участка Таушевъ и предсѣдатель земской управы Паптусовъ посодѣйствовали лишить пособія семейства лицъ, находящихся въ тюрьмѣ за аграрные безпорядки, а эти аграрные безпорядки были именно въ имѣніи Таушева, стало быть, питаютъ они къ народу месть и злобу, питаютъ ее ко всему крестьянству» (*голоса*: позоръ!) *). Затѣмъ, со свойственной ему рѣзкостью Аладьинъ говоритъ, почему нельзя довѣрить теперешнему министерству милліоновъ на продовольственную помощь. Эту рѣзкость г. Аладьина многіе порицали тогда же, порицаютъ и теперь. Но, если имѣть въ виду всю дальнѣйшую дѣятельность по продовольствію не только безотвѣтственнаго, но и безотчетнаго министерства; если припомнить фатальную эпопею Гурко, то невольно надо признаться, что бюрократія какъ бы нарочно дѣлаетъ все, чтобы оправдать самые крайніе поступки своихъ враговъ. «Каждый разъ, когда нужны многомилліонныя затраты, господа министры являются своевременно, и мы знаемъ результаты ихъ появленія: три четверти денегъ остаются въ карманахъ, начиная съ министерства и кончая послѣдними...» (*взрывъ аплодисментовъ*) *). Поэтому Аладьинъ предлагаетъ государственной думѣ взять все завѣдываніе продовольственнымъ дѣломъ въ свои руки чрезъ комиссіи 11-ти, «чтобы не дать ни одной копейки министерству, въ составъ котораго входитъ г. Гурко, которому мы публично выразили здѣсь свое недовѣріе!..» (*бурный взрывъ аплодисментовъ*) *).

Говорившій затѣмъ Родичевъ взялъ по обыкновенію вопросъ съ правовой точки зрѣнія. Въ блестящей рѣчи онъ возмущается тѣмъ, что «министръ внутреннихъ дѣлъ признаетъ это право запрещать кому-нибудь подавать милостыню! (*аплодисменты*) *). Намъ здѣсь заявлено: «Правда, елисаветградскій генералъ-губернаторъ не пустилъ врачей, но они тамъ не были нужны». Господа, это неслыханное превышеніе власти, неслыханное надругательство надъ человѣкомъ. Я иду лѣчить людей, я врачъ, а меня генералъ-губернаторъ не пускаетъ. Гдѣ, какое военное положеніе предоставляетъ генералъ-губернаторамъ это право, въ какомъ законѣ, въ

*) Стенографическій отчетъ.

какой совѣсти написано право власти запрещать благотворить людямъ?!» (аплодисменты, крики: долой, вонъ!). «Страна можетъ быть жива и сыта только свободнымъ трудомъ; только въ свободной личности человѣка есть залогъ сытости».

Министръ Столыпинъ, очевидно взволнованный, проситъ, наконецъ, слова. Послѣ нѣсколькихъ замѣчаній относительно того, что «всѣ мысли министерства внутреннихъ дѣлъ обращены теперь къ тому, чтобы нынѣшнюю кампанію провести возможно благополучнѣе и чтобы къ этому дѣлу привлечь всѣ живыя общественныя силы на мѣстахъ», министръ говоритъ, уже не отрицая препятствія, чинимыя въ истекающую продовольственную кампанію частнымъ лицамъ, а какъ бы оправдываясь въ нихъ: «Я долженъ напомнить, что мы переживали такое время погромовъ, страховъ *(шумъ *)*, что и наличность препятствій можетъ быть легко понята». Жилкинъ такъ охарактеризовалъ его рѣчь: «Мы видѣли покраснѣвшее лицо, мы видѣли угрожающіе жесты, обращенные къ лѣвой сторонѣ, намъ бросили слово: «клевета». Министръ продолжалъ: «Затѣмъ, скажу еще относительно тѣхъ лицъ, которыя, входя на эту трибуну слѣва, заявляли, что они не обладаютъ ни самомнѣніемъ, ни самообольщеніемъ; я скажу на ихъ клеветы, на ихъ угрозы, на ихъ... (*шумъ, крики:* «довольно!»)*) на ихъ угрозу захвата исполнительной власти (*шумъ, крики:* «довольно!» *), на это министръ внутреннихъ дѣлъ, носитель законной власти, имъ отвѣчать не будетъ»... (*шумъ, крики:* «довольно! Бѣлостокъ! Погромщикъ! Довольно! Долой!). *Предсѣдатель призываетъ къ порядку *).* Электричества въ воздухѣ масса, конфликтъ, очевидно, можетъ разразиться ежеминутно, но Набоковъ отъ лица партіи народной свободы, стремившейся всячески отсрочить конфликтъ и принять его ужъ во всякомъ случаѣ не на продовольственномъ вопросѣ, чего страна никогда не простила бы, спѣшитъ внести формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, которая съ вышеупомянутой вставкой Жилкина относительно безотвѣтственнаго министерства послѣ непродолжительныхъ преній была и принята думой: «Государственная Дума, признавая, что дѣло помощи голодающему населенію тормозилось вмѣшательствомъ администраціи, руководившейся въ этомъ дѣлѣ соображеніями о политической благонадежности, и будетъ тормозиться и впредь, пока остается у власти нынѣшнее безотвѣтственное передъ народнымъ представительствомъ министерство; что необходима организація помощи при участіи об-

---

*) Стенографическій отчетъ.

щественныхъ элементовъ и поручая продовольственной комиссіи выработать такой планъ организаціи помощи, при которомъ ассигнуемыя средства находились подъ строгимъ контролемъ государственной думы,—переходитъ къ очереднымъ дѣламъ. *(Министры поднимаются со своихъ мѣстъ, и вслѣдъ имъ раздаются крики:* «Въ отставку! Въ отставку! *).

Предшествовавшія принятію этой формулы пренія интересны съ точки зрѣнія партій, отъ которыхъ ораторы выступали.

Трудовики—Жилкинъ и Галецкій—считали перевѣсъ силы цѣликомъ на сторонѣ народнаго представительства и настаивали, чтобы о продовольственномъ вопросѣ не разговаривать съ теперешнимъ министерствомъ и не давать въ его распоряженіе ни копейки. Октябристъ, гр. Гейденъ, напротивъ, находилъ, что на министерство уже слишкомъ нападаютъ, что оно неповинно въ засухахъ, посѣщающихъ Поволжье, и что министры вправѣ рѣзко говорить съ думой, разъ что и по отношенію къ нимъ не стѣсняются въ выраженіяхъ. Затѣмъ, гр. Гейденъ высказывается противъ передачи думской комиссіи исполнительной власти. Представители партіи народной свободы, какъ партіи реальной политики, настаивали на практическомъ разрѣшеніи вопроса при наличныхъ условіяхъ. Кн. Долгоруковъ обращаетъ вниманіе на сообщеніе министра, что въ настоящее время имѣется всего 300 тыс. продовольственнаго капитала, а бѣдствіе надвигается большое, и потому необходимо, чтобы министерство въ ближайшіе дни представило финансовыя соображенія. Думская же продовольственная комиссія пусть скомбинируетъ наличныя силы, имѣющіяся въ Россіи, и какъ нибудь временно организуетъ предстоящую продовольственную кампанію, не дожидаясь новаго законодательства. Къ тому же сводилась и обстоятельная рѣчь курскаго депутата фонъ-Рутцена, который, указавъ попутно гр. Гейдену разницу между засухою и голодомъ («засухи будутъ и въ свободной Россіи, но я думаю, что свободная Россія не будетъ голодать»), переходитъ къ вопросу, кому же поручить продовольственное дѣло. «Намъ рѣшительно некому передать ассигнованныхъ денегъ, мы не можемъ ихъ передать въ сколько нибудь надежныя руки. Не передадимъ же мы ихъ съ легкимъ сердцемъ тѣмъ, которые завѣдуютъ этимъ дѣломъ теперь. Ни относительно закупки, ни относительно доставки на мѣста продовольственнаго и сѣменного матеріаловъ прежняя ихъ дѣятельность,

*) Стенографическій отчетъ.

увы, не даетъ намъ надежды, чтобы и будущая ихъ дѣятельность протекала благопріятно». Къ несчастію, обстоятельства сложились такъ, что недовѣріе г. фонъ-Рутцена къ теперешнимъ вершителямъ продовольственнаго дѣла оказалось вполнѣ основательно. «Теперешнее земство не приспособлено къ проведенію продовольственной кампаніи». «Мы должны взять все, что только существуетъ, взять и въ правительствѣ, взять и въ земствѣ, и въ общественныхъ организаціяхъ. Единственную надежду, которую я въ этомъ дѣлѣ могу питать, единственно почему я думаю, что въ нынѣшнемъ году дѣло пойдетъ лучше, чѣмъ оно шло раньше, единственная надежда лежитъ въ этомъ залѣ». Но не въ томъ смыслѣ, чтобы народные представители взяли исполненіе въ свои руки, ораторъ возлагаетъ «великую надежду» на контроль со стороны Думы и надъ правительствомъ, и надъ земствомъ. Увы, этой «единственной надеждѣ» оратора не суждено было осуществиться: дѣло осталось въ тѣхъ же рукахъ, опять безъ всякаго контроля (контроль г. Шванебаха принимать въ расчетъ нельзя) и привело къ самымъ печальнымъ результатамъ.

Послѣ этого засѣданія народные представители еще болѣе убѣдились, что оставлять продовольственное дѣло цѣликомъ въ рукахъ безконтрольнаго министерства нельзя, и теперь стали ожидать финансовыхъ предположеній правительства и доклада продовольственной комиссіи относительно организаціи дѣла.

19-го іюня поступило на разсмотрѣніе государственной думы представленіе за подписью министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ относительно изысканія денежныхъ средствъ на предстоящую продовольственную кампанію. Въ этой запискѣ констатировалась величина бѣдствія (127 уѣздовъ, изъ коихъ 88 повторно, поражены неурожаемъ). Приблизительный расчетъ на всю кампанію выводился до 100 мпл. рублей, изъ коихъ на первое полугодіе, т. е. до 1-го января 1907 г., испрашивался кредитъ въ 50 милліоновъ. Что касается до завѣдыванія продовольственной операціей, то оба министра признаютъ «существующія правила 12 іюня 1900 г. не вполнѣ удовлетворительными». «Нѣтъ сомнѣнія, что завѣдываніе продовольственнымъ дѣломъ вообще наиболѣе свойственно земскимъ учрежденіямъ, какъ по связи этого дѣла съ хозяйственной дѣятельностью означенныхъ учрежденій, такъ и по личному ихъ составу, вышедшему изъ среды мѣстнаго населенія». Знаменательное признаніе, исходящее отъ представителей бюрократіи, въ теченіе болѣе 15-ти лѣтъ ревниво отстранявшей земство отъ продовольственнаго дѣла.

Другое, не менѣе цѣнное, признаніе находимъ на страницахъ того же представленія. Министры говорятъ, что завѣдываніе продовольственнымъ дѣломъ земствомъ затрудняется отсутствіемъ на мѣстахъ низшихъ земскихъ организацій. И это послѣ того, какъ въ теченіе десятилѣтій вся мыслящая Россія настаивала на учрежденіи мелкой земской единицы, когда всѣ правительственныя комиссіи, собиравшіяся чрезъ десятки лѣтъ (валуевская 1872 г., кохановская 1881 г. и, наконецъ, комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности 1902 г.) почти тождественно твердили о томъ же. А вмѣсто этого внѣдренія земства до широкихъ массъ населенія, его съ девяностыхъ годовъ искусственно изолировали и всячески сокращали. А несчастная страна должна была терпѣть и разоряться отъ подобныхъ бюрократическихъ экспериментовъ надъ ней.

Предложенія министерскаго представленія сводились къ слѣдующему.

I. Ассигновать чрезвычайнымъ сверхсмѣтнымъ кредитомъ по росписи 1906 года 50.000.000 рублей на выдачу пособій населенію пострадавшихъ отъ неурожая губерній, предоставивъ министру финансовъ подкрѣплять заимообразно, по мѣрѣ надобности, за счетъ означеннаго кредита общій по имперіи продовольственный капиталъ.

II. Предоставить министру финансовъ изыскать источники для покрытія означеннаго въ отдѣлѣ I кредита.

Дума послѣ кратковременнаго обсужденія постановила передать это представленіе на разсмотрѣніе продовольственной и бюджетной думскихъ комиссій.

Продовольственная комиссія была выбрана по постановленію отъ 6 іюня изъ 11 членовъ государственной думы, главнымъ образомъ изъ представителей пострадавшихъ отъ неурожая губерній: кн. Львовъ (предсѣдатель комиссіи), кн. Боротаевъ, Метальниковъ, Окуневъ, Токарскій, Васильевъ, Кузнецовъ, гр. Толетой, Пустовитовъ, Линтваревъ и Племянниковъ. Немедленно по избраніи они приступили къ занятіямъ и имѣли всего 11 засѣданій, изъ коихъ послѣднее происходило 7 іюля, т. е. наканунѣ роспуска Думы. Состоя почти исключительно изъ членовъ конституціонно-демократической партіи, она руководствовалась полученными въ засѣданіяхъ Думы указаніями, заключавшимися въ принятой 12 іюня формулѣ перехода къ очереднымъ дѣламъ. Она привлекла къ работѣ всѣ силы, такъ или иначе соприкасающіяся съ продовольственнымъ

дѣломъ. Такъ, на нѣкоторыхъ ея засѣданіяхъ присутствуетъ и даетъ справки чиновникъ земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ Павловъ и еще два чиновника. Иногда въ засѣданіяхъ участвуютъ представители общеземской организаціи, съ которой кн. Львовъ все время поддерживаетъ ближайшее единеніе: Челноковъ, кн. Орбеліани, Полнеръ.

Принимаютъ участіе въ работахъ комиссіи и нѣкоторые земскіе и общественные дѣятели. Въ трудахъ комиссіи имѣется письменная и телеграфная переписка съ комитетомъ вольно-экономическаго общества и со многими земскими управами и отдѣльными дѣятелями. Комиссіи почти не пришось приступать къ выработкѣ основъ будущаго продовольственнаго законодательства: ея вниманіе было всецѣло поглощено текущимъ бѣдствіемъ. За общеземской организаціей въ теперешнемъ ея видѣ и при теперешнихъ условіяхъ предположено было оставить завѣдываніе главнымъ образомъ благотворительною частью продовольственнаго дѣла. Но при этомъ проектировано было немедленно же расширить эту организацію, замѣняя выборныхъ отъ губернскихъ земствъ двумя членами государственной думы отъ тѣхъ губерній, гдѣ земскія учрежденія не введены. Кромѣ того, намѣчено было развѣтвленіе въ видѣ губернскихъ и уѣздныхъ организацій и участковыхъ попечительствъ. Этимъ путемъ комиссія надѣялась восполнить недостатки теперешняго земства и привлечь къ продовольственному дѣлу всѣ живыя силы страны.

Общая тенденція комиссіи склонялась къ тому, чтобы со временемъ продовольственное дѣло цѣликомъ передать въ вѣдѣніе земства. Пока же предполагалось перевести всѣ кредиты по ссудно-продовольственной операціи губернскимъ земствамъ, чтобы экстренныя губернскія земскія собранія обсудили вопросъ, можетъ ли земство данной губерніи взять предстоящую продовольственную кампанію въ свои руки, или передать еще на этотъ годъ кредиты въ распоряженіе администраціи и крестьянскихъ учрежденій. Въ губерніяхъ неземскихъ приходилось мириться съ порученіемъ всего дѣла губернаторамъ. Главнымъ же условіемъ предстоящей продовольственной кампаніи комиссія ставила немедленное сообщеніе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ государственной думѣ всѣхъ данныхъ по операціи, а также періодическое опубликованіе отчетовъ ко всеобщему свѣдѣнію. 21 іюня состоялось соединенное засѣданіе продовольственной и бюджетной комиссій для разсмотрѣнія представленія министровъ. Послѣдняя изъ нихъ состояла изъ 33-хъ

членовъ государственной думы подъ предсѣдательствомъ Ив. Петрункевича. Засѣданіе это съ небольшимъ обѣденнымъ перерывомъ продолжалось отъ 11 час. утра до поздней ночи, при чемъ въ дневномъ засѣданіи принимали участіе министры внутреннихъ дѣлъ Столыпинъ и финансовъ Коковцевъ. Продовольственная комиссія предлагала сдѣлать предварительную ассигновку на іюль въ 15 милліоновъ рублей, не отдѣляя ассигновки на обсѣмененіе отъ продовольствія.—Сумма эта получилась изъ сопоставленія министерскихъ данныхъ съ данными, имѣвшихся въ распоряженіи думы. А таковыхъ къ тому времени накопилось уже порядочное количество. Кромѣ извѣстій, притекавшихъ самостоятельно въ продовольственную комиссію чрезъ отдѣльныхъ членовъ думы, чрезъ общеземскую организацію, вольно-экономическое общество и разныя другія учрежденія и лица, она сама рядомъ телеграммъ собирала дополнительныя свѣдѣнія, главнымъ образомъ, чрезъ земскія учрежденія. Бюджетная комиссія съ самаго уже начала твердо рѣшила, не прибѣгая пока къ новому займу, какъ то предлагалось министерскимъ предложеніемъ, изыскать средства изъ экономіи по текущему бюджету. Дѣлались попытки и точнѣе указать, по коимъ именно статьямъ можно было бы сдѣлать экономію. Указывалось, между прочимъ, на остатки отъ военныхъ расходовъ и отъ ассигновокъ на стражниковъ.

Но поневолѣ всѣ эти попытки носили нѣсколько отрывочный характеръ: бюджетная комиссія только что образовалась, не успѣла сработаться и даже какъ слѣдуетъ ознакомиться со всѣми деталями государственнаго бюджета. Да, вообще, это являлось еще вопросомъ, насколько при установившихся отношеніяхъ между думой и кабинетомъ удалось бы комиссіи проникнуть во всѣ тайники нашего бюджета. По крайней мѣрѣ, въ дальнѣйшихъ преніяхъ со стороны министра финансовъ не было замѣтно желанія идти навстрѣчу рѣшенію комиссіи хорошенько «поскресть» бюджетъ и найти въ немъ нужные 15 милліоновъ, для чего слѣдовало бы указать на такія статьи расходовъ, которыя можно было бы отложить. И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь потомъ же нашлись такія статьи, когда думскій законъ былъ принятъ и государственнымъ совѣтомъ и санкціонированъ государемъ. Въ засѣданіи же комиссіи, какъ и затѣмъ въ самой думѣ, Коковцевъ занялъ положеніе скорѣе какъ бы торгующейся стороны, желающей во что бы то ни стало настоять на своемъ.

Въ своей длинной рѣчи, продолжавшейся болѣе трехъ часовъ, Коковцевъ доказывалъ, что бюджетъ этого года сокращенъ уже до послѣдней степени, и при этомъ цитировалъ, главнымъ образомъ, всеподданѣйшую записку своего предшественника Шипова. Между прочимъ, онъ сказалъ одну знаменательную фразу: «мы жили слишкомъ широко, не по средствамъ». Затѣмъ онъ приводилъ нѣкоторыя данныя, не подлежавшія, вѣроятно, оглашенію, о весьма слабой цифрѣ наличности на данное число государственнаго казначейства и также о томъ, что большая часть послѣдняго займа ушла на уплату Японіи за содержаніе плѣнныхъ, каковая сумма не была еще въ точности опредѣлена ко времени составленія бюджета. Но къ первому аргументу члены комиссіи отнеслись недовѣрчиво, зная, какъ мало доказываетъ цифра, выхваченная случайно на одинъ какой-либо день. Кромѣ того, народнымъ представителямъ хорошо было извѣстно, что на разныя экстренныя полицейскія мѣры милліоны всегда находились. Какъ бы то ни было, но Коковцевъ все время настаивалъ на необходимости производства займа, комиссія же боялась санкціей этого займа укрѣпить положеніе кабинета, который могъ бы учесть этотъ фактъ, какъ вотумъ довѣрія со стороны думы. Какъ уже было выше сказано, комиссія не могла указать, какія именно статьи бюджета подлежали бы сокращенію, но она исходила изъ совершенно вѣрнаго соображенія, что при извѣстномъ желаніи всегда можно двухмилліардный бюджетъ сократить на 15 милліоновъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ Столыпинъ настаивалъ главнымъ образомъ на необходимости ассигновать теперь же 50 милліоновъ, чтобы своевременно закупить и доставить хлѣбъ,—но комиссія стояла на своей цифрѣ 15 милліоновъ, какъ на предварительномъ minimum'ѣ, съ тѣмъ, чтобы въ ближайшемъ будущемъ выяснился порядокъ завѣдыванія продовольственнымъ дѣломъ. Быть можетъ, нѣкоторые изъ членовъ комиссіи руководствовались надеждой на то, что слѣдующее ассигнованіе придется дѣлать уже другому кабинету, пользующемуся большимъ довѣріемъ государственной думы. Надо къ этому прибавить, что съ внѣшней стороны рѣчи министровъ были вполнѣ корректны и не вызвали никакихъ обостреній со стороны членовъ комиссіи. Не малую роль въ предварительной выработкѣ бюджетной комиссіей ея рѣшенія игралъ покойный М. Я. Герценштейнъ. Считаемъ не лишнимъ указать на это, во-первыхъ, потому, что все, что касается его участія въ работахъ думы, должно быть занесено въ лѣтопись для благодарной памяти потомства, а, во-вторыхъ, самый способъ участія М. Я. Герценштейна

въ этотъ день въ бюджетно - продовольственной комиссіи наглядно рисуетъ ту тяжелую комиссіонную работу, которую пришлось нести членамъ первой государственной думы; имъ приходилось разрываться между многочисленными комиссіями въ дни думскихъ засѣданій утромъ и вечеромъ, а въ комиссіонные дни и въ праздники по цѣлымъ днямъ. Въ такіе дни нѣкоторымъ членамъ думы приходилось принимать участіе въ трехъ и даже въ четырехъ комиссіяхъ.

Эта работа, не видная для газетныхъ репортеровъ и не успѣвшая еще обнаружиться вслѣдствіе скоропостижнаго роспуска, дума мало до сихъ поръ извѣстна большой публикѣ, знакомой съ дѣятельностью думы лишь по отчетамъ ея пленарныхъ засѣданій. М. Я. Герценштейнъ въ теченіе всего дня 21 іюня принималъ участіе въ засѣданіи сначала аграрной подкомиссіи, а затѣмъ комиссіи, душей и главнымъ работникомъ которой онъ былъ. Изъ этого засѣданія его настойчиво звали въ бюджетно-продовольственную комиссію для отстаиванія передъ министрами ея бюджетнаго предположенія. Наконецъ, онъ улучилъ минутку, чуть ли не въ перерывъ, на четверть часа отлучился въ эту комиссію и въ убѣдительной рѣчи и краткомъ діалогѣ съ министромъ финансовъ поддержалъ рѣшеніе относительно 15 милліоновъ, а затѣмъ снова вернулся въ аграрную комиссію, и лишь вечеромъ могъ продолжать работу въ бюджетной. Все вечернее засѣданіе продовольственно-бюджетной комиссіи, уже безъ министровъ, было посвящено окончательной выработкѣ постановленія и формулировкѣ его доклада государственной думѣ.

Въ виду срочности вопроса разсмотрѣніе этого доклада думой было назначено на 23 іюня.

Засѣданіемъ 23 іюня и принятіемъ на немъ закона въ окончательной формѣ закончилось обсужденіе продовольственнаго вопроса въ пленарныхъ засѣданіяхъ государственной думы. Затѣмъ работа шла снова въ комиссіи вплоть до роспуска думы съ тѣмъ, чтобы вернуться къ ней, какъ предполагалось, 23 іюля для обсужденія дальнѣйшей ассигновки въ 50 милліоновъ рублей. Всю защиту правительственнаго проекта взялъ на себя явившійся въ засѣданіе министръ финансовъ Коковцевъ.—И надо отдать ему справедливость, что онъ, не смотря на почти очевидную безнадежность положенія, съ удивительной настойчивостью, энергіей и выдержкой защищалъ свою позицію. Онъ только мелькомъ отстаивалъ аргументами министра внутреннихъ дѣлъ необходимость ассигновать немедленно же 50 милліоновъ, главнымъ же образомъ онъ касался по своей спеціальности бюджетной стороны дѣла, доказы-

вая невозможность изысканія нужныхъ средствъ изъ экономіи по смѣтѣ, а потому настаивалъ на производствѣ займа.

Дебаты начались рѣчами докладчиковъ комиссій продовольственной (кн. Львовъ) и бюджетной (Герценштейнъ).

Князь Львовъ, основательно знакомый съ продовольственнымъ дѣломъ, какъ предсѣдатель губернской земской управы какъ участникъ петербургскихъ продовольственныхъ совѣщаніяхъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и при красномъ крестѣ, какъ предсѣдатель общественной организаціи и, наконецъ, какъ лицо продѣлывавшее на мѣстахъ нѣсколько продовольственныхъ комиссій,—началъ свой докладъ съ обстоятельной исторической справки о нашемъ хроническомъ недугѣ—голодовкахъ въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ столѣтій. Въ 19-мъ столѣтіи голодовки особенно участились, а за послѣдніе 15 лѣтъ было 4 голода. За эти же 15 лѣтъ у насъ существуютъ «правила, которыя называются временными» и которыя 15 лѣтъ имѣлось въ виду передѣлать. Правила эти, въ сущности, никуда не годны, они осуждены жизнью и признаны самимъ министерствомъ негодными, но они продолжаютъ существовать. «Какъ только наступаетъ недородъ, населеніе становится въ полную зависимость отъ правительственной помощи, оно переходитъ въ его распоряженіе. Съ другой стороны, правительство, несмотря на постоянство явленія, всегда оказывается неподготовленнымъ къ этому бѣдствію». Продовольственная комиссія считаетъ общую сумму, намѣченную министерствомъ въ 100 милліоновъ (50 мил. до 1-го янв. 1907 и 50 мил. послѣ 1-го января), недостаточной и по предварительнымъ соображеніямъ могущей достигнуть 150 милліоновъ, особенно если принять въ соображеніе совокупность всѣхъ видовъ помощи, напр., помощь топливомъ, помощь мѣщанамъ и т. п. Болѣе точныя свѣдѣнія продовольственная комиссія надѣется получить послѣ 26 іюня, на каковое число созывается въ Москвѣ обще-земская организація. На частную же благотворительность при теперешнемъ положеніи продовольственнаго дѣла расчитывать нельзя. «Совмѣстная правильная работа населенія съ правительствомъ, потерявшимъ всякое довѣріе, совершенно невозможна». «Не только невозможна совмѣстная дѣятельность, но совершенно невозможна даже и параллельная успѣшная работа». «Ни въ одной изъ частей этого дѣла не чувствуется хозяина».

Въ виду того, что теперешнимъ хозяевамъ продовольственнаго дѣла комиссія не довѣряетъ, а новую организацію вслѣдствіе

краткости времени въ законодательномъ порядкѣ пока провести нѣтъ возможности, то государственной думѣ предлагается на первое время ассигновать лишь 15 милл. руб. для соединенной закупки хлѣба въ теченіе іюля на сѣмена и на частичную заготовку продовольственнаго хлѣба. «Такъ какъ дѣло снабженія населенія сѣменами и продовольствіемъ въ ближайшіе дни не терпитъ никакого отлагательства, то его неизбѣжно приходится поручить, впредь до выработки и введенія въ жизнь новой организаціи всѣмъ тѣмъ органамъ, которые вѣдаютъ этимъ дѣломъ на основаніи правилъ 12 іюня».

«Что касается общей организаціи продовольственнаго дѣла, при которой ассигнуемыя средства находились бы подъ контролемъ государственной думы, то продовольственная комиссія постановила представить государственной думѣ свое заключеніе послѣ 26-го іюня, по обсужденіи вопроса въ общемъ собраніи обще-земской организаціи».

Герценштейнъ въ своей рѣчи возставалъ главнымъ образомъ противъ необходимости дѣлать новый заемъ и выпускать ренту. Онъ совѣтовалъ, ссылаясь на примѣръ экстреннаго сокращенія смѣты въ мартѣ послѣ объявленія войны на 138 милліоновъ и на слова министра въ бюджетной комиссіи: «мы жили слишкомъ широко, не по средствамъ»,—пересмотрѣть бюджетъ и сдѣлать въ немъ сокращеніе на требуемые сейчасъ 15 милліоновъ, а затѣмъ еще на 35 милліоновъ, т. е. въ общемъ на тѣ 50 милліоновъ, которые требуются до 1-го января 1907 года. Въ концѣ своей рѣчи Герценштейнъ передаетъ на разсмотрѣніе государственной думы проектъ продовольственнаго закона въ слѣдующихъ четырехъ пунктахъ вмѣсто предложенныхъ министерствомъ двухъ:

1) Ассигновать чрезвычайнымъ сверхсмѣтнымъ кредитомъ по росписи 1906 г. вмѣсто 50.000.000 р., согласно заключенія продовольственной комиссіи, немедлено 15.000.000 р. на предметъ удовлетворенія сѣменной и продовольственной нужды на іюль мѣсяцъ населенію пострадавшихъ отъ неурожая губерній.

2) Потребныя суммы отнести на счетъ ожидаемаго сбереженія въ предѣлахъ ассигнованій по главнымъ распредѣленіямъ росписи 1906 года.

3) Предоставить министру финансовъ: а) пересмотрѣть расходную смѣту 1906 г. въ видахъ ея сокращенія, б) съ дальнѣйшими представленіями объ ассигнованіи на продовольственныя нужды входить по мѣрѣ надобности въ государственную думу.

4). Подробный отчетъ о порядкѣ израсходованія вышеозначенной суммы—15,000,000 рублей — и результатъ самой операціи министерства внутреннихъ дѣлъ представить не позже мѣсяца со дня окончанія операціи.

Послѣ заключенія докладчиковъ обѣихъ комиссій государственная дума постановляетъ приступить вслѣдствіе спѣшности вопроса къ ускоренному разсмотрѣнію законопроекта, который сводится къ тому, что всѣ три чтенія закона: первое — общее предварительное обсужденіе, второе постатейное съ внесеніемъ поправокъ и третье окончательное производится въ теченіе одного засѣданія безъ требуемыхъ перерывовъ.

Первый изъ говорившихъ депутатовъ фонъ-Рутценъ (к.-д.) поддерживалъ предложеніе комиссій, настаивая на томъ, что теперь, когда «дума впервые сталкивается съ вопросомъ государственнаго хозяйства», народному представительству надо рѣзко покончить съ системой постоянныхъ займовъ во что бы то ни стало и по какимъ бы то ни было процентамъ. Онъ высказываетъ полную увѣренность въ возможности произвести значительныя сокращенія не въ производительныхъ расходахъ, а въ области лишнихъ штатовъ: «свободно можно было бы указать на цѣлыя области государственнаго хозяйства, цѣлыя учрежденія, цѣлыя должности, особенно создававшіяся въ послѣднее время, которыя подлежатъ безусловно, безъ малѣйшихъ для кого-нибудь или для чего-нибудь неудобствъ, сокращенію». Но для того, чтобы можно было сдѣлать такія сокращенія, исполнительная власть должна идти навстрѣчу желаніямъ государственной думы, а для этого «это министерство должно уйти, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше»—этимъ ceterum censeo большинства думскихъ ораторовъ заканчиваетъ свою рѣчь г. фонъ-Рутценъ подъ апплодисменты всей думы.

Взошедшій затѣмъ на каоедру министръ финансовъ говоритъ: «Задача, конечно, неблагодарная выходить на каоедру подъ громъ апплодисментовъ, раздающихся въ отвѣтъ на предложеніе выходить въ отставку». Рѣчь министра, по формѣ вполнѣ корректная и выдержанная, отличалась лишь нѣкоторымъ чувствомъ собственнаго превосходства въ смыслѣ знанія техники государственнаго бюджета сравнительно съ молодымъ парламентомъ, который всего нѣсколько дней передъ тѣмъ образовалъ бюджетную комиссію, не успѣвшую еще сработаться. Только разъ на колкія замѣчанія Герценштейна Коковцевъ позволилъ себѣ небольшой упрекъ личнаго характера, что Герценштейнъ, молъ, хотя и состоитъ докладчикомъ

бюджетной комиссіи, но въ засѣданіи послѣдней былъ непродолжительное время и не могъ слышать тамъ подробныхъ разъясненій министра, на что Герценштейну пришлось потомъ отвѣтить, что въ вечернемъ засѣданіи комиссіи онъ былъ ознакомленъ съсущностью всего того, что говорилось министромъ. Сущность довольно продолжительной рѣчи министра сводилась къ слѣдующимъ его фразамъ: «Если государственная дума своимъ постановленіемъ предоставитъ право расхода въ 15.000.000 р. и въ то же время не дастъ полномочія изыскивать новые источники, то 15.000.000 р. на заготовленіе сѣмянъ на продовольствіе на іюль будутъ отпущены, но въ значительной ихъ долѣ не въ счетъ сбереженія, а на счетъ неудовлетворенія другихъ обязательныхъ расходовъ». «Министръ финансовъ, при всей своей готовности изыскать въ предѣлахъ смѣтъ рессурсы на удовлетвореніе продовольственной нужды, ихъ не найдетъ и найти не въ состояніи». Категоричность заявленія особенно интересна, если имѣть въ виду, что когда этотъ законъ черезъ нѣсколько дней прошелъ и чрезъ государственный совѣтъ, и чрезъ санкцію государя, тотъ же министръ финансовъ нашелъ, гдѣ сдѣлать въ смѣтѣ сокращенія на 15,000,000 руб.

Заключительныя слова министра, что правительство «заявляетъ въ моемъ лицѣ, что безъ дополнительнаго кредита оно обойтись не можетъ», сопровождались шумомъ слѣва и голосами: «ложь, въ отставку» [1]).

Говорившій послѣ министра полтавскій депутатъ Іоллосъ (к.-д.) указалъ на статью смѣты по министерству внутреннихъ дѣлъ, давшую превышеніе въ этомъ году на 23.000.000 р.—это увеличеніе расходовъ на содержаніе полиціи, стражниковъ (голоса: ага! Вотъ оно! шумъ,. аплодисменты, звонокъ предсѣдательствующаго [1]). Въ дальнѣйшей рѣчи Іоллоса, равно какъ и въ рѣчи фонъ-Рутцена, замѣтно основательное знакомство съ нашимъ бюджетомъ. Между прочимъ, онъ указываетъ на увеличеніе промысловаго налога, проведенное лишь въ январѣ. Онъ находитъ, что министръ обнаружилъ въ бюджетной комиссіи, дополняетъ фактами «представленіе о финансовой катастрофѣ, до которой страну довелъ прежній режимъ».

Опасеніе г. Іоллоса, какъ бы въ заявленіи министра, что для борьбы съ голодомъ слишкомъ мало ассигнуемыхъ 15 мпл. руб., не заключалось бы указаніе на то, что государственная дума все-таки

[1]) Стенографическій отчетъ.

недостаточно тепло относится къ нуждѣ голодающаго народа, заставило г. Коковцева вновь просить слова, чтобы заявить, что «никакихъ догадокъ, никакого намека, а тѣмъ болѣе умалчиванія» онъ себѣ не позволилъ. Кстати онъ объяснилъ также, что увеличеніе промысловаго налога уже вошло въ бюджетъ. Въ 6 час. послѣ вторичнаго краткаго замѣчанія Герценштейна и послѣ рѣчи Родичева, Коковцевъ покидаетъ залъ засѣданія подъ возгласы: въ отставку! въ отставку!

Въ виду спѣшности вопроса и желанія всей палаты непремѣнно съ нимъ покончить въ этотъ же день, государственная дума рѣшается послѣ краткаго перерыва продолжать занятія дольше обыкновеннаго и кончаетъ ихъ въ 11 часовъ вечера принятіемъ законопроекта.

Изъ послѣдующихъ рѣчей, представляющихъ изъ себя развитіе докладовъ комиссій, упомянемъ о рѣчи Рамишвили, представляющей изъ себя декларацію соціалъ-демократической фракціи, требующей, чтобы государственная дума постановила «немедленно образовать продовольственный комитетъ при государственной думѣ и поручить ему командировать своихъ членовъ на мѣста, организовать мѣстные комитеты изъ среды голодающихъ, привлекая къ дѣлу помощи органы самоуправленія городскіе и земскіе и свободныя общественныя организаціи». На замѣчаніе предсѣдательствующаго, что такое предложеніе не подходитъ подъ рамки законодательной дѣятельности государственной думы, ораторъ заявляетъ, что онъ удовлетворится занесеніемъ этой декларации въ отчетъ засѣданія. Но затѣмъ архангельскій депутатъ Галецкій снова выступаетъ съ подобнымъ же предложеніемъ, но уже облеченнымъ въ форму поправки къ законопроекту комиссіи. Поправка эта однако думой отвергается.

Интереснымъ является въ рѣчи Рамишвили указаніе, что послѣ голода 1901—1902 гг. создали чиновничью комиссію, которая весь сложный экономическій вопросъ свела къ оскудѣнію центра за счетъ благоденствія окраинъ. «Стали стѣснять окраины и русское крестьянство въ центральныхъ губерніяхъ продолжало и продолжаетъ голодать». Затѣмъ слѣдуютъ слова, которыя теперь, увы, звучатъ пророчески: «во время голодовки собранныя и ассигнованныя деньги перепадали въ чужіе карманы, часто въ карманы богачей, а крестьянъ кормили лебедой и отрубями, а въ отчетахъ все представлено чисто. То же самое можетъ случиться сейчасъ, а потому, если дума поручитъ хоть одну часть

этого дѣла правительству, она погубитъ все дѣло помощи голодающему народу».

Черниговскій депутатъ, проф. Локоть (труд. группа) перечисляетъ тѣ статьи бюджета, которыя на первый взглядъ могли бы быть сокращены. Во-первыхъ, указанные въ рѣчи Родичева 10 или 15 милліоновъ изъ ассигнованныхъ на помощь бакинскимъ нефте-промышленникамъ, пострадавшимъ отъ безпорядковъ; затѣмъ 8 милліоновъ въ помощь помѣщикамъ, пострадавшимъ отъ аграрныхъ волненій; 10 милліоновъ на непредвидѣнные расходы и, наконецъ, 57 милліоновъ превышенія поступленій противъ смѣты за первое полугодіе. Если же въ этомъ году продовольственная операція и вызоветъ дефицитъ, то пусть таковой перейдетъ въ 1907-й годъ, бюджетъ на который будетъ находиться уже цѣликомъ во власти народныхъ представителей, а министерство тогда будетъ, вѣроятно, уже пользующееся довѣріемъ думы. Въ рѣчи курляндскаго депутата Каценельсона (к.-д.) нашло себѣ выраженіе то недовѣріе къ предлагаемой министерствомъ операціи займа, которое таилось у многихъ депутатовъ: «здѣсь желаютъ получить вотумъ думы, чтобы дѣлать дальнѣйшіе займы, а потомъ сказать намъ: «съ одной стороны, вы высказываете недовѣріе, вы гоните, а, съ другой стороны, довѣряете дѣлать займы».

Послѣ обсужденія нѣкоторыхъ поправокъ постатейнаго, а затѣмъ и общаго голосованія, законопроектъ, вотированный государственной думой, принялъ слѣдующую окончательную форму:

I. Ассигновать чрезвычайнымъ сверхсмѣтнымъ кредитомъ по росписи 1906 года 15.000.000 рублей на выдачу пособій населенію пострадавшихъ отъ неурожая губерній на предметъ удовлетворенія сѣменной и продовольственной нужды на іюль мѣсяцъ, предоставивъ министру финансовъ подкрѣплять заимообразно, по мѣрѣ надобности, за счетъ означеннаго кредита общій по имперіи продовольственный капиталъ.

II. Потребную сумму отнести на счетъ ожидаемыхъ сбереженій въ предѣлахъ ассигнованій по главнымъ подраздѣленіямъ росписи 1906 года.

III. а) Предоставить министру финансовъ по соглашенію съ подлежащими министрами пересмотрѣть расходную смѣту 1906 года въ видахъ ея сокращенія съ тѣмъ, чтобы относящійся къ сему законопроектъ былъ внесенъ въ государственную думу не позднѣе 25 іюля сего 1906 года.

б) Предоставить министру финансовъ по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ съ дальнѣйшими представленіями объ ассигнованіи на продовольственные труды входить по мѣрѣ надобности.

IV. Подробный отчетъ о порядкѣ израсходованія 15 милліоновъ рублей и о результатахъ сѣменной операціи министръ внутреннихъ дѣлъ публикуетъ во всеобщее свѣдѣніе.

Принявъ этотъ законопроектъ, государственная дума, по предложенію кн. Шаховского, постановила вернуться къ обсужденію организаціи продовольственнаго дѣла въ началѣ іюля, т. е. когда продовольственная комиссія успѣетъ послѣ засѣданія обще-земской организаціи разработать этотъ вопросъ, а къ разсмотрѣнію подсчета нужныхъ денежныхъ средствъ послѣ 23-го іюля, т. е. черезъ мѣсяцъ, чтобы къ тому времени и бюджетная комиссія, и министерство успѣли бы представить свои соображенія.

Какъ ужъ было сказано выше, этотъ законопроектъ черезъ нѣсколько дней былъ принятъ безъ малѣйшихъ измѣненій государственнымъ совѣтомъ и затѣмъ утвержденъ государемъ и такимъ образомъ сталъ первымъ и на довольно продолжительное время единственнымъ русскимъ закономъ, выработаннымъ народнымъ представительствомъ. Характернымъ является тотъ фактъ, что обѣ инстанціи, черезъ которыя долженъ былъ пройти этотъ законопроектъ, по принятіи его государственной думой, не пожелали идти наперекоръ ей, несмотря на то, что вліяніе бюрократическихъ сферъ на нихъ очевидно могло быть гораздо сильнѣе. А бюрократія въ лицѣ министерства достаточно наглядно показала, насколько ей не по душѣ этотъ законопроектъ. И въ этомъ примѣрѣ должны черпать себѣ увѣренность и ободреніе всѣ видящіе силу именно въ законодательной работѣ и возлагающіе на нее, несмотря на несовершенства теперешняго законодательнаго аппарата, всѣ надежды на возрожденіе Россіи. И министерство не случайно такъ энергично боролось по этому вопросу: оно увидѣло, что будущій хозяинъ—народное представительство—властно подходитъ къ святая святыхъ бюрократіи—прежняго безконтрольнаго и безотвѣтственнаго хозяина—къ бюджету. Государственная дума, исходя «изъ самой природы народнаго представительства», вынесла принятіемъ этого законопроекта знаменательное рѣшеніе, которое ставитъ его, т. е. народное представительство, сразу на надлежащую позицію: оно заявило, что при изысканіи средствъ посредствомъ займовъ оно не только не пожелаетъ выдавать на это полную довѣренность министерству, но захочетъ

указать, на какой именно заемъ и, главное, какому именно министерству оно выдаетъ довѣренность.

Это—финансово-политическая сторона вопроса. Что же касается до вопроса по существу, т. е. съ хозяйственной точки зрѣнія, то и здѣсь молодое народное представительство стало на совершенно правильную точку зрѣнія. Этимъ запрещеніемъ, можетъ быть, временнымъ, занимать 50 или даже 15 милліоновъ рублей должна была быть произведена задержка въ томъ головокружительномъ возрастаніи нашего бюджета и нашего государственнаго долга, которое мы видимъ за послѣднія 15 лѣтъ, возрастаніи, особенно несоотвѣтствующемъ жалкому состоянію развитія производительныхъ силъ страны и бѣдности ея населенія. Въ рѣчахъ отдѣльныхъ ораторовъ и въ непродолжительной работѣ бюджетной комиссіи чувствовалось не только недовѣріе къ наличному составу министерства, но и убѣжденіе въ необходимости приступить къ перестроенію всего бюджета на новыхъ началахъ въ смыслѣ сокращенія непроизводительныхъ расходовъ и увеличенія производительные. Но, разумѣется, для этого нужна была продолжительная, кропотливая работа. И къ таковой бюджетная комиссія, только что сформировавшаяся, устроившая спеціальное дѣлопроизводство, приступившая къ собиранію многочисленныхъ матеріаловъ, какъ научно-литературныхъ, такъ и министерско-канцелярскихъ, хотѣла приступить, главнымъ образомъ, при разсмотрѣніи бюджета 1907 года. Пока же, въ мѣсячный срокъ, она, согласно постановленію думы, намѣревалась на спѣхъ пересмотрѣть бюджетъ текущаго года, чтобы хоть что нибудь изъ него сэкономить и тѣмъ уберечь народъ отъ обремененія новыми долгами.

Что же касается до продовольственной комиссіи, то она намѣрена была въ теченіе іюля установить временную организацію для веденія предстоящей продовольственной кампаніи съ тѣмъ, чтобы потомъ приступить къ коренному пересмотру всего продовольственнаго устава. Но и новый продовольственный уставъ, приспособленный къ новымъ условіямъ жизни, долженъ былъ носить временный характеръ въ томъ смыслѣ, что обновленная Россія, какъ это указывалось въ рѣчахъ нѣкоторыхъ ораторовъ, должна совершенно покончить, если не съ недородами, то съ голодовками; самодѣятельность, культура и свободный трудъ народа должны сдѣлать излишнимъ кормленіе голодающаго населенія.

Но всѣмъ этимъ предположеніямъ государственной думы и ея комиссій былъ положенъ насильственный конецъ и какъ разъ въ

то время, когда ея созидательная работа, несмотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, начала налаживаться.

Народными средствами еще въ теченіе нѣкотораго времени остались распоряжаться прежніе хозяева, и продовольственное дѣло осталось въ тѣхъ же рукахъ. На основаніи акта роспуска первой государственной думы, трудно сказать утвердительно, какія собственно ея дѣйствія были непосредственной тому причиной, но можно предположить съ большой долей вѣроятности, что наряду съ вопросомъ аграрнымъ продовольственный вопросъ съ зартонутымъ имъ бюджетнымъ правомъ сыгралъ въ этомъ немаловажную роль.

И какъ въ аграрномъ, такъ и въ продовольственномъ вопросѣ какую-то фатальную роль для прежняго режима игралъ тотъ же Гурко, вызвавшій наиболѣе рѣзкое столкновеніе бюрократіи съ народнымъ представительствомъ. Имя Гурко сдѣлалось какъ бы символомъ безотвѣтственнаго и безконтрольнаго чиновничьяго хозяйничанья, поддающагося закулиснымъ вліяніямъ корыстнаго и классового характера.

Населенію данъ урокъ нагляднаго обученія по государствовѣдѣнію, урокъ, къ несчастью, слишкомъ дорогой, если подсчитать ту массу горя и страданій, которыя распространились по всей Росссіи, но особенно сгустились въ изнывающей отъ холода, голода, болѣзней и разоренія восточной ея части.

Кн. Петръ Долгоруковъ.

зиціи. **М. М. Могилянскаго.** 5) Центральный комитетъ. 6) Къ выборамъ въ государственную думу. 7) Выборы въ государственный совѣтъ отъ университетовъ и академіи наукъ. 8) С.-Петербургская группа. (Возникновеніе и дѣятельность студенческой фракціи). 9) Московская группа. 10) Провинціальный отдѣлъ. (Избирательная кампанія) 11) Изъ жизни другихъ партій. 12) Объявленія.

СОДЕРЖАНІЕ № 8: 1) Манувшіе дни. **В. Д. Набокова.** 2) Итоги избирательной кампаніи. **П. Н. Милюкова.** 3) О работахъ аграрной комиссіи. **Н. Н. Кутлера.** 4) Законопроекты партіи народной свободы. **А. И. Каминка.** 5) Петербургскіе выборы въ цифрахъ. **П. Б.** 6) Центральный комитетъ. 7) Парламентская фракція партіи народной свободы. **Н. І.** 8) Основные принципы законопроекта о профессіональныхъ союзахъ. 9) Обращенія къ депутатамъ партіи народной свободы. 10) Къ выборамъ въ государственную думу. 11) С.-Петербургская группа. 12) Выборы членовъ государственной думы отъ г. С.-Петербурга. 13) Московская группа. 14) Провинціальный отдѣлъ. 15) Изъ жизни другихъ партій. 16) Пожертвованія. 17) Объявленія.

Подписчики „Вѣстника Народной Свободы“, внесшіе всю подписную плату за 1907 годъ, могутъ пріобрѣтать на льготныхъ условіяхъ слѣдующія книги:

1) **Аграрный вопросъ.** Томъ II. Сборникъ статей: *Л. К. Брейера, М. Бруне, Н. И. Воробьева, проф. В. Э. Дена, А. А. Кауфмана, Н. Н. Кутлера, проф. В. Л. Левитскаго, проф. А. А. Мануилова, И. И. Петрункевича, О. А. Хауке, проф. А. И. Чупрова и В. Е. Якушкина.*

Изданіе кн. П. Д. Долгорукова и И. И. Петрункевича. XIII+648 стр. Цѣна 3 руб. 50 коп. (Скидка для подписчиковъ „Вѣстника“ 20%).

2) **То же.** Томъ I. Сборникъ статей: *проф. М. Я. Герценштейна, проф. В. Э. Дена, кн. П. Д. Долгорукова, проф. И. А. Иверсонова, А. А. Кауфмана, проф. А. А. Мануилова, И. И. Петрункевича, проф. А. Ѳ. Фортунатова и проф. А. А. Чупрова.*

Второе удешевленное изданіе. Стр. XXXIV+278. Цѣна 90 к.
(Скидка для подписчиковъ „Вѣстника“ 5%).

3) **Внутренній распорядокъ государственной думы.** Наказъ государственной Думы. Съ объясненіями и дополненіями и временныя правила.
Составилъ **С. Муромцевъ.** Ц. 50 коп.
(Скидка для подписчиковъ „Вѣстника“ 20%).

4) **Протоколы III общеимперскаго делегатскаго съѣзда партіи народной свободы** (конституціонно-демократической). Изданіе секретаріата центральнаго комитета партіи народной свободы. Цѣна 1 руб.
(Скидка для подписчиковъ „Вѣстника“ 30%).

5) **Комплектъ бюллетеней III съѣзда партіи народной свободы.** Цѣна 50 коп.
(Скидка для подписчиковъ „Вѣстника“ 30%).

6) **Первая государственная дума.** Изданіе А. А. Мк[illegible] Д. Набокова. Выпускъ III. Аграрная реформа и продовольственн[illegible] *Кн. Петра, Долгорукова, А. А. Кауфмана и В.* [illegible]
(Скидка для подписчиковъ „Вѣс[illegible]ника“ также 30 %.

Выпускъ I и II этой книги печа[illegible]

7) Изданія **„Народное Право“**, [illegible] листковъ.
(Скидка для подписчиковъ „Вѣсти[illegible]

Съ требованіями просятъ обращать[illegible]ціи: С.-Петербургъ, Кирочная, 30 и сообщать № бандероли, подъ которой получается „Вѣстникъ“.

Пересылка по почтовой стоимости.

00054328
ЮФ СПбГУ

Цѣна 75 коп.

Складъ изданія въ книжныхъ ма... «Общественная Польза» (СПБ., Б. Подъяческая, ... «Право» (Владимірскій, 19).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА